

СТОЛИЩА

№ 37 (95) 1992 г.
Цена 5 руб.

сбехие АИЩА оБоЩИ

иллюстрированный еженедельник

**Арендное московское
промышленно-торговое швейное
объединение «САЛЮТ»**

предлагает зарубежным фирмам
организовать на взаимовыгодных
условиях совместное производство по
пошиву верхней женской одежды.

Выпускает и продает зимние и
демисезонные пальто, шубы, костюмы,
полушубки, плащи, куртки.

103030, Москва, Сущевская ул., 27

☎ 258-29-82, факс: 973-21-33

Виктор КОПИН

ТОТАЛИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Фото Э.Кудрявицкого

Сейчас активно распространяется иллюзия, будто началось отступление от демократических принципов. В августе была «спасена» демократия, однако плодов всенародного подвига не видно. В результате демократы разочарованы, вновь зовут народ на баррикады. В недавней телебеседе Юрий Афанасьев заявил, что политика Ельцина-Гайдара «провалилась», ни одно демократическое требование не реализовано, демократические силы находятся в состоянии распада.

Что же, собственно, произошло? Какова природа этого разочарования? Можно ли было ожидать, что слом тоталитаризма немедленно приведет к одной из высших моделей общественного развития? Ведь это гораздо сложнее, чем, например, ЗИЛу начать выпускать автомобили, аналогичные «мерседесам».

Действительно, «белогвардейская атака на социализм» провалилась. Мы получили квазидемократическое общество, в котором господствуют квазирынок, квазиправо, квазимораль. Это, конечно, плохо. Отсюда часто делается вывод, что демократия ведет к бездуховности, разгулу преступности, обнищанию народных масс и появлению класса толстосумов; нужен «тоталитаризм с человеческим лицом». Такова точка зрения Ю.Власова, С.Говорухина. Но ведь можно сделать и противоположный вывод: все эти безобразия — свидетельство непобежденного тоталитаризма и отсутствия реформ (Ю.Афанасьев, Ю.Буртин и пр.). Нужны поэтому новые усилия по слову бесчеловечной машины.

Но вначале давайте зададимся вопросом: а жаждет ли народ демократии? И на него, если быть честным и иметь в виду наш народ, следует ответить отрицательно. Тем более, что периоды демократического правления были крайне редки и непродолжительны, зато полосы авторитарных правлений составляют всю историю человечества. Отметим и такой парадокс: граждане, живущие в условиях демократии, не склонны к высокой оценке принятых у них порядков. Начиная с классиков: ни Платон, ни Аристотель не были в восторге от того, что им довелось оказаться в демократическом обществе, о демократии они высказывались исключительно в негативном плане. Критикам нынешней демократии в западных странах вообще нет числа. Но это одновременно и свидетельство того, что она есть и нуждается в критике как в средстве своего существования.

Зато никогда не было недостатка в искренних певцах тоталитарных и авторитарных режимов: достаточно хотя бы вспомнить сочинения Ломоносова и Державина из школьной программы. О временах Сталина лучше и не вспоминать. Было бы упрощением думать, что подобное творчество было продуктом принуждения. Невозможно заставить написать из-под палки «Гимн Советского Союза» — один из самых мощных и величественных.

Это означает, что тоталитаризм хоть и есть ужасное состояние социума и индивида, но только как бы извне — с демократических позиций. Представитель же тоталитарного общества воспри-

нимает его совсем иначе: это состояние порядка, дисциплины, отеческой заботы государства об индивиде и пр. Потому от новых, «демократических» властей он ждет того же. Голосование за Б.Ельцина было массовым еще и потому, что М.Горбачев «распустил народ», а Б.Ельцин «закрутит гайки». Всенародное поклонение Б.Ельцину есть несомненный факт тоталитарного сознания, и уже то хорошо, что народный избранник не достигает былой славы аятоллы Хомейни или генералиссимуса Сталина.

Можно ли не понимать, что демократии в России жаждут пока редкие, что большинство воспринимает ее как вынужденную временную неприятность и все ждет, когда же Б.Ельцин начнет оправдывать «доверие»? Популярность президента возросла бы до небес, если бы он начал бороться за дисциплину или распорядился разогнать всех «спекулянтов» и биржевиков.

Противоречие же состоит в том, что сплошь и рядом властям приходится пользоваться тоталитарными методами решения проблем, так как демократические просто не сформированы. Прежде у нас почему-то считалось, что тоталитарные методы базируются не на власти закона, а на соображениях целесообразности. Неожиданно обнаружилось, что если бы наши законы вдруг стали исполняться, то наступила бы катастрофа.

Скажем, «Трудовая Москва», как и все граждане, имеет все права на шест-

Окончание на с. 3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Э.Дорожкин:

Когда портье в гостинице проведала о цели моей командировки — исследовании новых политических движений в Беларуси, — она долго смеялась. «У нас нет их вообще, лучше сразу возвратиться в Москву» — так встретил меня Минск политический.

6

Е.Колесникова:

Бизнес открыл сегодня в большую политику такие ходы, о которых прежде люди с огромными теневыми деньгами даже не помышляли.

9

С.Митрофанов:

Прологом августовской революции был 1987 год, год взрыва политической активности. Анализируя ситуацию 1987 года, один из американских политологов писал: «Горбачеву нужны «хунвайбины» — некая сила, способная перетрясти аппарат извне».

12

2 ЭКОНОМИКА

Г.Анулова:

Представители правительства часто сетуют, что принимаемые положения и инструкции в значительной степени не выполняются участниками внешнеэкономических связей. В то же время далеко не все «уклонисты» — заядлые злоумышленники. Одна из причин невыполнения — чрезвычайная сложность, «заумность» многих документов, явно несущих на себе отпечаток менталитета младших научных сотрудников, только что пересевших в ответственные кабинеты.

22

С.Толкачев:

Снимаются запреты, раскрываются секреты, и на глазах у изумленного Запада и Востока начинает распускаться чудесная болгарская роза — давний символ этой страны. Многие наблюдатели ожидают в ближайшем будущем взрыв небывалого интереса к Болгарии со стороны западного капитала.

24

3 ЖИЗНЬ

Е.Салина:

Сутки с пожарными прошли не зря. Я сделала для себя два ошеломляющих открытия.

31

Н.Каретников:

С первой встречи я отдал ему свое сердце, и наши отношения, отношения пастыря и пасомого, продолжались до дня его трагической гибели. Для меня в знакомстве с отцом Александром заключался Божий промысел.

35

В.Кичин:

Пенсионеры СНГ плачут от одной только мысли, что могут не успеть, не узнать, чем все кончится с Марианной. А некий Евгений Ефимов все это знает и готов вкратце рассказать всем желающим, опередив медлительное телевидение.

38

4 КУЛЬТУРА

А.Боссарт:

А вдруг успех и вправду имеет такое изысканно-простое объяснение? Хотя мы, конечно, помним, что «быть знаменитым некрасиво». А он и не знаменит. Ну вот признайтесь честно: знаете вы такого — П.Лунгина?

50

Стихи из будущей книги А.Вознесенского «Видеомы», выходящей в издательстве «РИК Культура».

56

Вуди Аллен:

На следующий день Кугельмас снова пришел к Перски и через несколько минут чудесным образом перенесся в Ионвиль. Эмма не могла скрыть радости. Они провели вместе несколько часов, смеясь и рассказывая друг другу о своих непохожих жизнях. Перед расставанием они любили друг друга.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР. № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Григорий Вайсман

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
1211 Geneva 11 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 11.09.1992 г.
Тираж 156.300 (1—100.000)

Над номером работали:
П.Смирнов, О.Проханов, Р.Катеева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 3803

Окончание. Начало на с. 1.

вия, митинги, на свободу слова. Все они гарантированы Конституцией. Мэрия, однако, считает возможным запретить некоторые инициативы этой организации, и, судя по всему, большинство граждан на стороне мэрии. Вместе с тем права-то конституционные, они прямого действия, и сомнительно, чтобы мэрия могла решать, кому можно митинговать, а кому — нет. Ее дело — исполнять законы. Запретить действия какой-либо из статей Конституции можно, лишь объявив чрезвычайное положение. Абсурд? Но так — по закону.

Или другой пример. Верховный Совет России принял закон об индексации доходов граждан, а Е.Гайдар счел, что это нецелесообразно, закон усиливает инфляцию. Возможно, он прав. Смущает только, что власти сами решают, какие законы исполнять, а какие — не нужно. Действует принцип целесообразности, так умело применявшийся Вышинским в известный период. Это, разумеется, опасно. Можно сколько угодно возмущаться отсутствием права, уверять, что демократические средства лучше, но ведь и на «Вольво» приятнее ездить, чем на метро, — что ж с того? Либо законов нет, либо они есть, но было бы лучше, если бы их не было. Скажем, по закону дискриминированы «Известия» — приятнее ли это, чем если бы беззаконно?

Правительству приходится сочетать тоталитарные методы правления с демократическими, и это можно понять и оправдать. Жизнь постоянно показывает «преимущества социализма», прошлое гораздо мощнее настоящего и делает будущее самым неопределенным. На создание современной фермы потрачены усилия поколений западных крестьян. Мы ждем от нашего фермера сходных результатов немедленно. Но так не бывает, производительным он будет лет через пятнадцать — двадцать, когда накопит средства на покупку комбайнов, тракторов, автомобилей. Мы надеемся на фермера, а он — на нас. За это время успеют разориться заводы, производящие сельскохозяйственную технику, и если этого не произойдет, то только потому, что у нас есть пока колхозы. Методы управления ими (продналог и прораствертка) отработаны до мелочей.

Демократические методы и непопулярны, и зачастую экономически неэффективны. Чистота либеральной международной политики вообще обходится в копейку. Приятно, конечно, демонстрировать солидарность с развитыми странами в санкциях Ираку, но поймут ли рабочие оборонных заводов, что сокращение заказов напрямую связано с благородством министра А.Козырева? Увы, демократия ча-

стенко сильно бьет по карману. Живой пример — северная ТЭЦ. А если бы министр промышленности А.Титкин распорядился закрыть все экологически вредные предприятия, как того требуют демократически настроенные организации (да и все мы)? А ведь он поступил бы по закону, который успели принять наши законодатели.

Вопрос не в том, насколько допустим тоталитаризм в нашем обществе. Он будет с нами еще долго, и было бы утопией ждать другого. Хуже, когда тоталитарные методы правления пытаются выдавать за демократические, когда эти методы нравятся властям. Вот откуда и этот психоз вокруг «победы» в августе, когда нам пытаются внушить иллюзию торжества демократии.

Этому способствует и распространявшееся убеждение, что в отличие от социализма, предполагающего его сознательное строительство, капитализм выстраивается сам. Но нет ничего опаснее убаюкиваний мыслями об «общечеловеческой ценности рынка». Крупнейшие представители либерализма (а Е.Гайдар заявляет, что он поклонник этой идеологии) доказывали противоположность демократических ценностей. В сознании массового человека легко укореняются социалистические ценности-догмы (например, «распределение прибыли по труду»), а не демократические («по капиталу»). Человеку близки представления о необходимости социальной справедливости в обществе, ему чужд индивидуализм и т.д. В этом смысле социализм существует, не обращаясь к творчеству индивида. Демократическое общество нуждается в тонких механизмах согласования индивидуальных и общественных интересов, именно оно строится вполне сознательным образом, используя законы. И этот процесс там постоянен.

У нас же получается так, что демократия победила одномоментно! «Демократически избранный президент, парламент, Конституционный суд» — постоянно напоминают нам. Дескать, теперь отстаньте. Затем оказывается, что президента вообще нельзя отстранить от власти, парламент — теоретически можно, а практически нельзя, и Конституционный суд — нельзя, потому что так и было задумано. Ничего себе демократия!

Удивительно ли после этого, что все власти дружно заговорили о необходимости своего усиления? Беспokoит, что в эту кампанию включилось правительство (необходимость усиления исполнительной власти), беспокоит, потому что к нему и обращены надежды реформаторов.

Напомню, поскольку память коротка, что на тему усиления роли государства в эпоху диктатуры пролетариата (и бе-

зо всякой эпохи) охотно рассуждал Сталин. Трудно поверить, но он жаловался на недостаток власти и исполнительской дисциплины. Сейчас вместо «классовой борьбы», активно возраставшей вместе с социализмом, появилась борьба с партokrатами, и правительству понадобилось усиление власти.

Если это так, то реформам должен быть объявлен конец.

Я не думаю, что правительству удастся достичь и тысячной доли пролетарского могущества. Можно ли усиливать власть — и одновременно вести реформаторскую политику, например, передавать народу госсобственность, т.е. ослаблять роль государства? Усиление власти диктуется, говорят нам, необходимостью принуждения граждан к исполнению законов. Пусть так. Но это значит, что законы эти настолько чужды интересам граждан, что требуется репрессивный аппарат для их соблюдения.

Такие законы есть, разумеется, и в западных странах. Однако не они определяют суть демократии, в числе законов всегда есть такие, которые исполнять гражданам легко и приятно. Одни из них основаны на правах граждан, другие — порождены материальными возможностями (право на получение кредита для обзаведения делом, выдача субсидий общественным и политическим организациям и пр.).

Пока наши граждане с равнодушием относятся к своим правам (у них их никогда не было, да и сейчас трудно сказать, что есть), и они чаще всего с удовольствием поэтому воспринимают заявления о сильной власти. Но поклонникам фон Хайека в правительстве я рекомендую еще раз перечитать доказательства, что никогда не жилось так хорошо народу, как в периоды слабого правительства, когда правительству было не до народа (времена смут, например). И вот надо же — усиление власти...

Разочарование демократов реформами легко пережить, если они требуют от правительства невозможного. Страшнее, если правительство и впрямь возьмется оправдывать «доверие народа», для которого свобода есть нечто вроде яркой импортной безделушки. Если народ от нее отвернется, то вина будет на демократах, научившихся «ходить во власть», а не в народ. Мало ли они потрудились над тем, чтобы у нас появился абсолютизм, пусть и просвещенный? Теперь, видите ли, «разочаровались». Я все же надеюсь, что и «разочарование» входит составной частью в демократию, как элемент культуры.

МЭРОВ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ

«Быстро только кошки рожают» — эти слова остроумного премьер-министра Е.Гайдара, внука своего остроумнейшего деда, процитировала на своей прощальной пресс-конференции не менее остроумная «главный приватизатор столиц» Л.И.Пияшева, ушедшая в отставку «по сокращению штатов». «А приватизация в Москве не пошла», — с грустью добавила она. По мнению Пияшевой, вся борьба команды ученых-либералов за быстрое и обвальное разгосударствление оказалась напрасной. Не нашедшие себя в структурах новой (старой) исполнительной власти либералы были уволены менее чем за год своей работы. Предсказать случившуюся неудачу можно было еще в прошлом году. Тогда в очередной раз «реформированное» московское правительство выступило против «безумных планов» продажи торговых точек в частную собственность. Однако после личных встреч Г.Х.Полова с Б.Н.Ельциным мэру были предоставлены дополнительные, почти неограниченные полномочия по приватизации и вроде бы удалось достичь какого-то компромисса.

Тем не менее, по словам

Фото РИА — Новости

Пияшевой, в результате неудачных структурных решений (создание одновременно фонда имущества Моссовета и Москомимущества мэрии) и вечной борьбы исполнительной и законодательной власти к моменту либерализации цен так и не удалось создать разветвленную и независимую от оптовых поставок государства сеть частных магазинов. В борьбе за рынок с «уличными торговцами», коррумпированными по способу приобретения товаров, свободные частники потерпели поражение. В городе сейчас существуют две монополистические и коррумпированные структуры торговли — государственная и уличная, они зависят друг

от друга и существуют одна за счет другой.

Более того, в последнее время, по мнению Пияшевой, наблюдается отказ даже от той части программы, которая вроде бы на словах поддерживалась московским правительством. Так, проверкой выявлено 150 уже приватизированных магазинов, которые нарушают правила торговли. Все они будут из-за этого вновь выставлены на аукцион. По словам Ларисы Ивановны, это «неслыханное для любого правового государства нарушение святого и неприкосновенного принципа частной собственности».

На фоне неспособности и нежелания московского правительства решить проблемы приватизации и последовало решение нового (старого) мэра об увольнении всей команды.

Экономист Лариса Пияшева считает, что время работы в госучреждении не пропало даром. «Я пришла сюда ученым, а ухожу политиком». Л.Пияшева намерена участвовать в намеченных (неполноточно, кем) 6 декабря выборах нового мэра. Ее уже выдвинул один из трудовых коллективов.

А тем временем москвичи смиренно ждут, чем закончится очередной набор «городских голов». Как и в пре-

дущий раз, ожидается, их будет не менее 6 и не более 12. Хотя еще не существует органа, который бы регистрировал кандидатов, и опять-таки не совсем понятно, что скажет по этому поводу глава всей исполнительной вертикали Борис Ельцин, но почему-то считается, что уже выдвинуты врач С.Федоров (от Партии экономической свободы), господин А.Краснов (председатель Краснопресненского райсовета), бывший «главный приватизатор Москвы» Лариса Пияшева. Не выбыл из числа кандидатов и сам Ю.М.Лужков. Социал-демократическая партия России (партия О.Румянцев) готовится к выбору достойнейшего. Не сказали своего веского слова «вечный кандидат» В.В.Жириновский и случайно не прошедшая на прошлых выборах неутомимый борец с коррупцией Т.И.Корягина. Ждут своего часа М.Астафьев и И.Константинов. Да и сколько еще исполкомов, партий обладающих правом выдвижения. По мнению независимых и ироничных наблюдателей, вполне может оказаться «голов» больше, чем избирателей, и тогда Борис Николаевич получит полное легитимное право подтвердить свой предыдущий указ о назначении «отцом города» все того же «отца» Ю.М.Лужкова.

Наш корр.

«ИНТЕРБРИГАДА» ЖУРНАЛИСТОВ В БОРЬБЕ С МАФИЕЙ

Попытку создать международный анимационный консорциум журналистов предпринял американский леволиберальный иллюстрированный еженедельник «The Nation», организовав в Москве международную конференцию журналистов на тему: «Журналистское расследование после холодной войны». С нашей стороны соорганизаторами выступили «Совершенно секретно», «Огонек», «Независимая газета» и факультет журналистики МГУ.

Цель конференции — включить эсэнгшных журнали-

стов в созданный «The Nation» международный журналистский консорциум «InterNation». Членство в консорциуме предусматривает, что репортер, который проводит журналистское расследование, может обратиться за помощью к собратям и бесплатно воспользоваться их услугами (ожидая, что и им, придет час, воспользуются). Таким образом, усилиями «интербригады» журналистов-детективов будет куда сподручней добывать остатки авторитаризма и тоталитаризма (в первую очередь в виде негласной цензуры) и выводить на чистую воду международное жулье.

Правда, американцев немного озадачило выступление московского журналиста С.Митрофанова, который заявил, что теперь на смену политическим барьерам при-

шли экономические и организовать из Москвы в Нью-Йорк факс с разоблачениями или даже просто телефонный звонок для журналиста, работающего без «прикрытия госструктурой», может быть не по карману. Американцы сказали, что они об этом как-то не подумали и обещали подумать.

Что касается цензуры, то ее американцы понимают очень широко. Претензий правительству почти не предъявляют, зато их, например, возмущает, что в изданиях для богатых из желания угодить читателю замалчивают острые социальные проблемы. И наоборот — пресса, считающая себя приличной (то есть враждебной расизму), неоправданно табуирует тему национальной психологии. Есть, правда, и явление поглубже, попрозаичнее — зависи-

мость от «денежного мешка». Например, в США недостаточно пишут о вреде курения, поскольку многие издания подпитываются рекламой табачных фирм.

О положении в России говорил Артём Боровик. Он рассказал, как ему пришлось выдерживать нелегкий диспут с Геннадием Бурбулисом, чтобы «пробить» на РостВ свое интервью с Горбачевым. Вообще он посетовал, что ругать Ельцина сейчас куда труднее, чем год назад — Горбачева. По крайней мере, ему, Боровику, видимо, безразлично не желающему замечать «День», «Советскую Россию», «Гласность» и даже «Правду». В целом же на смену почти феодальной зависимости от начальства в прошлом пришла материальная зависимость от правительства и от нуворишей, от распределяющих помещения

КТО ЕСТЬ WHO?

**ЖЗН —
ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО
НЕВЗОРОВА**

фото РИА — Новости

Странный инцидент приключился в издательстве «Палей». Неожиданно пожаловали семь казаков при параде. На вопрос руководителя издательства Николая Мишина, что их, собственно, привело, последовал ответ: «Будем охранять рукопись «Александр Невзоров». Мишин развел руками: «Но такой рукописи нет». «Ничего, подождем», — мрачно ответили казаки. И действительно, через несколько минут факс ожил и стал выдавать страницы.

По словам Мишина, не столько под давлением казаков, сколько под давлением фактов он тут же, даже не дожидаясь пока из факса выползет фамилия автора, стал засылать факсopiсь в набор.

В труде, озаглавленном

«Невзоров» (как потом оказалось — некоего И.Иванова), сообщалось, что самой первой книгой, которую прочитал Саша в четырехлетнем (!) возрасте, были «Решения кассационного департамента правительствующего сената за 1904 г.». В более зрелом возрасте Невзоров прославился тем, что побывал в чреве горы Делеген, что на Семипалатинском атомном полигоне, и даже прополз 3 км на брюхе по испытательному туннелю. Хотя самого взрыва Невзорову не хватило (последний взрыв был три года назад), стенки туннеля были еще горячими. Таким образом репортер Невзоров хотел доказать безопасность подземных ядерных взрывов. С тех пор мутант Невзоров производил на лю-

дей неизгладимое впечатление. Так, один из заместителей министра обороны рассказывает, как в один прекрасный момент он застал Невзорова сидящим в кресле Язова и бреющим его бритвой. При этом Невзоров разговаривал с кем-то по «вертушке». Когда Саша сделал приветственный жест рукой, в голове замминистра что-то щелкнуло...

По словам Мишина, книга «Невзоров» скоро выйдет в серии «Жизнь замечательных россиян» наряду с книгами о других «замечательных россиянах» — Стерлигове, Анпилове, Проханове, Бабурине и Татьяне Дорониной.

По сообщению
пресс-службы «Палей»

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Представители капиталистического Запада, с менторским видом поучающие нас основам бизнеса и маркетинга, имеют дело с очень толковыми учениками.

За примерами ходить далеко не приходится, самый «свежий» из них — недавняя (3 сентября) встреча в Москве: Шеварднадзе, Ардзинбы и Ельцина. Был, как известно, подписан мирный договор, но не о нем речь.

После завершения переговоров в «Президент-отеле» планировалась пресс-конференция с участием наших и зарубежных корреспондентов. Аккредитацией ведала пресс-служба президента России. Результаты ее «трудов»: создав невероятный ажиотаж и предельно ограничив количество допущенных корреспондентов, чиновники от пресс-службы добились-таки создания журналистских «лулов» (естественно, среди валютных журналистов).

Чтобы прорваться в тот вечер в «Президент-отель», зарубежные корреспонденты были готовы на все, даже... немного раскошелиться. По словам одного из моих знакомых иностранных обозревателей, попал он на пресс-конференцию отнюдь не «за так», а расходы спишет за счет редакции. По его словам, это обыденное для СССР, а теперь, увы, и России явление.

Может быть, в результате «плохой» организации, а может быть, и в результате увлечения чиновников пресс-службы валютной арифметикой (наверняка утверждать мы не имеем права) в списки приглашенных на пресс-конференцию по грузинскому вопросу «позабыли» включить грузинских журналистов, специально прибывших из Тбилиси.

Как проник туда я — описывать не стану. Скажу коротко — ни я, ни мои коллеги по множеству российских изданий, не попавшие в списки аккредитованных журналистов, не в состоянии организовать «валютные пулы». Но как говорят — лиха беда... Сначала ограничения в доступе журналистов будут сугубо финансовыми, а там, глядишь, и идеология «подтянется».

Борис ГЛЕБОВ

градначальников.

Однако, как выяснилось, во множестве стран поменьше или победнее, чем США и Россия, цензура предстает куда более весомо, грубо, зримо. Например, в Казахстане. Или в Венгрии, где за оскорбление официального лица можно схлопотать два года и где недавно прокурор, не мешкая, удовлетворил запрос обиженного правительства и конфисковал весь тираж оппозиционной газеты, сообщившей о том, как министр иностранных дел в прошлом сотрудничал с КГБ СССР. Но еще посильней прозвучала «ария индийского гостя», отсидевшего шесть лет за усердие на попрание журналистского расследования.

Познавательной была и дискуссия о международной наркомафии. Товарищи из США убедительно доказали,

что у СНГ есть все шансы стать главным местом, где наркомафия «отмывает» деньги, затмив в этом качестве Панаму. Во-первых, у нас всюду любят и принимают доллар. Во-вторых, без малейшего подозрения, а, напротив, весьма благосклонно относятся к большим чемоданам живых денег. В-третьих, у нас появилась прорва коммерческих банков, слабо контролируемых государством. В-четвертых, переправкой наркотиков нередко занимаются малые этнические группы, чей язык непонятен полицейским и в чью среду сложно засылать агентов: мы же, как известно, — страна ста национальностей.

Геннадий Жаворонков из «Московских новостей» прибавил, что, по его агентурным данным, бесчисленные коммерческие ларьки с нераскупаемыми предмета-

ми роскоши как раз и служат пристанищем наркомафии.

Впрочем, многие заокеанские гости в качестве рецепта видят легализацию, или «декриминализацию», хотя бы марихуаны. Один же из них пошел* много дальше: демонстрируя необъятный плюрализм мнений, он горячо доказывал, что сама проблема наркомафии надуманна и раздувание данной темы лишь служит усилению репрессивного аппарата да ведет к дискриминации наименьшинств. Оппонентов он обвинил в приверженности «ментовским стерертипам».

Лев СИГАЛ

Эдуард ДОРОЖКИН

СТРАНА БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

*И уже, хоть клеветы прибодою-канном
пущены,
Хоть под право твое подрывается некто,
что крот,
Ты жива, ты живешь, будешь жить,
Белорусчина,
Осознал тебя, вспомнил тебя твой
миллионный народ.*

Янка Купала. Белорусчина

Эпиграф, конечно, пафосный. Но не во всем, как выяснилось, справедливый. И совсем уж надуманный в той части, где говорится о «миллионном народе». Это, мягко говоря, неправда. Действительно, миллионный белорусский народ не слишком-то печется о своей Белорусчине, почти не осознает себя с большой буквы Белорусом. И уж тем более не приемлет он намека на «крота», что под право белорусское подрывается. А намек этот — на Россию. Сколько ни спрашивал я у минчан об их отношении к «большому брату», так ничего и не узнал. Нет у минчан отношения к России. Зато есть у них белорусское телевидение, которое никто не смотрит из-за вопиющего его непрофессионализма и — отчасти — белорусского языка. Есть и газета «Вечерний Минск», которая попыталась давать часть материалов на белорусском, единственно государственном языке, но получила в результате столь сокрушительное падение тиража, что, похоже, навсегда зареклась следовать советам Зенона Позняка — лидера Белорусского народного фронта.

Кстати, характерная деталь. Лидеры демократических движений, к России настроенных лояльно, произносят демонстративно — Позняк, с ударением на втором слоге. Русофобы, коих на политической арене большинство, столь же demonstra-

тивно «белорусифицируют» фамилию — Позняк. В общественном транспорте идут по этому поводу целые дискуссии, правда, всегда заканчивающиеся образцовым примирением противоборствовавших сторон.

Впрочем, «дискуссии» — сказано для Беларуси слишком сильно. Дискуссии — в Москве. В Минске, скорее, — разговоры. Не «за жизнь», а такие вялотекущие, пустые. Кажется, стоит тебе замолчать, и лопнет вся беседа. То ли национальный характер тому виной, то ли страх сказать лишнее, но пословице «Слово не воробей, вылетит — не зловишь» жители Беларуси следуют буквально.

За неделю моего пребывания в Минске на площади Независимости (бывшей Ленина), где располагаются главные органы власти Беларуси, прошел всего один митинг. Да и тот настолько незаметный, что даже сторонники митинговавшего Позняка узнали о нем задним числом. И не из газет, а от меня. Когда портье в гостинице провела о цели моей командировки — исследовании новых политических движений в Беларуси, — она долго смеялась. «У нас нет их вообще, лучше сразу возвратиться в Москву» — так встретил меня Минск политический.

По большому счету, огорчившая меня дама была не так уж и неправа. Политические партии и движения в Беларуси стали появляться только осенью прошлого года, когда чуть поухлила послепутчевая лихорадка и еще существовал СССР. Прежний антикоммунистический и антиимперский накал как-то сам собой превратился в накал антироссийский. И то, что ставилось в вину СССР, теперь относится исключительно к России. Для того, чтобы понять подобный феномен, достаточно одного факта.

Единственной (!) оппозиционной организацией в Беларуси до августа 1991 года был уже упоминавшийся здесь Белорусский народный фронт, вся идеология которого и по сей день сводится к яркому антикоммунизму, с одной стороны, и национализму, государственничеству, с другой. В плане практическом БНФ напоминает чем-то нашу «Демократическую Россию». С той только разницей, что «ДемРоссия», в силу известных обстоятельств потерявшая свой первый принцип, в качестве второго избрала не национальную идею и не государственную, как ожидали многие, а некую «демократическую», в сущность которой тщается проникнуть московские политологи.

Таким образом, каждый новый субъект политики в Беларуси с самого начала становился как бы оппозиционным Народному фронту. «Как бы» — потому что степень оппозиционности того или иного движения была различной, ибо определялась сразу несколькими факторами. Не только отношением к властям предрешающим, как было на первом этапе в России, но еще и отношением к национальной идее, государственной независимости Беларуси, рыночной экономике. И отнюдь не всегда на первом месте оказывался фактор идеологический. Типичный тому пример — Национал-демократическая партия Беларуси (НДПБ), которая исповедует те же принципы, что и БНФ, но как-то не особенно стремится слиться с фронтом в единый кулак, в «этакую свинью», как выражается лидер национал-демократов Виктор Науменко. Формально же НДПБ является коллективным членом фронта. Здесь идет борьба не идей, а их носителей.

Возможно, когда-то национал-демократическая партия и станет достойным конкурентом БНФ, но пока речь идет о том, чтобы выжить. Фронт до сих пор остается самой многочисленной и идеологически подкованной политической организацией в Беларуси. Организацией, не оставляющей надежды «подмять» под себя всех остальных «карликов», по определению одного из руководителей фронта. Единственным — и достаточным — аргументом для подобного «объединения» фронт в 1988—1990 годах (когда и партий-то практически не было) считал «необходимость сплотиться в борьбе с коммунизмом». На своем 11-м съезде в 1991 году БНФ снова предложил образовавшимся к тому времени партиям и движениям войти в его состав на правах автономии. Предложение это особого восторга у политических лидеров не вызвало. А сейчас возможностей для объединения оста-

лось еще меньше. С распадом СССР процесс взаимного дистанцирования среди белорусских политиков значительно усилился. К тому же в самом фронте произошла череда расколов, и в скором времени следует, видимо, ожидать появления еще нескольких политических партий.

Лидирующее положение Белорусского народного фронта можно объяснить не только симпатиями определенной части коренного населения к национальной идее и идее возрождения белорусской государственности, но и причинами более прозаическими. Во многом популярность БНФ связана с его оппозиционностью нынешнему правительству и Верховному Совету республики. И здесь тоже мы видим забавную метаморфозу. Единственный во всей стране человек, способный обеспечить реальный суверенитет Беларуси, председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич (российскими средствами массовой информации именуемый почему-то президентом), нелюбим БНФ в большей даже степени, чем Вячеслав Кебич — председатель Совета Министров республики, пользующийся заслуженной репутацией коммуниста и антирыночника. Отчасти это несоответствие вызвано антиросийской ориентацией белорусского премьера.

В целом же в Беларуси по-прежнему сохраняется опасность возвращения к «казарменному» социализму. И опасность достаточно зримая, поскольку исходит она не только от высшей государственной номенклатуры, так называемого политического «истеблишмента», но и от самого белорусского народа. Согласно данным опроса «Жизнь в наше время», проведенного одним из научно-исследовательских институтов Минска, лишь 13 процентов минчан считают приемлемым, чтобы иностранцы владели землей и собственностью в Беларуси, в то время как 52 процента хотели бы, чтобы земля находилась в руках трудовых коллективов. Примерно половина (48 процентов) опрошенных предпочли бы гарантированный невысокий заработок высоким доходам, но — сопряженным с риском потерять работу. На вопрос же «следует ли восстановить роль компартии в нашем обществе?» лишь 49 процентов ответили отрицательно, 14 процентов дали положительный ответ и 36 процентов опрошенных затруднились ответить.

В отличие от российских партий белорусские слов на ветер не бросают. Сколько говорила «ДемРоссия» про референдум о недоверии съезду народных депутатов, сколько листовок выпускала, сколько собраний

Митинг в поддержку референдума об отставке правительства и роспуске Верховного Совета Беларуси (23 февраля, 1992 г.)

проводила. И что? Где референдум? Белорусский же народный фронт право на свое существование доказал делом. Собрать около четырехсот тысяч подписей за проведение референдума о досрочных, перевыборах народных депутатов — шутка ли?

Впрочем, до самого референдума еще очень далеко. Правом назначать его в Беларуси обладает только Верховный Совет. Наивно было бы предполагать, что он с мажоритарным удовольствием сначала прилюдно себя высечет, а потом себя же и распустит. Против такого некрасивого развития событий говорит и расстановка сил в Верховном Совете. Примерно 100 из 345 его членов входят в так называемую коммунистическую группу «Беларусь», прибежище старых аппаратчиков и новой номенклатуры, по своим взглядам недалеко отошедшей от идеологии российских и белорусских «промышленников».

Сторонники же референдума попали в своеобразную стилистическую ловушку. Решение о проведении референдума может быть принято по закону только на очередной сессии парламента, которая начнется не раньше ноября этого года. Формулировка же вопроса, выработанная БНФ, звучит так: «Согласны ли вы с проведением досрочных выборов в парламент до осени 1992 года?»

Против референдума выступили и некоторые демократические движения. Например, Движение демократических реформ Беларуси, усматривающее в референдуме возможность реванша не только национали-

стических, но и коммунистических сил. Смелая и здравая позиция. Тем более, что референдум — даже в случае благополучного его исхода — будет на руку только одной политической силе в Беларуси — Народному фронту. А уж он-то с национальными меньшинствами церемониться не станет.

Завидное единомыслие белорусские партии проявили только однажды. Когда в неведомо чьем воспаленном мозгу возникла идея Антикризисного комитета. Идея странная и, как отмечают сами белорусские политики, опасная. В первую очередь для России. Формально созданный 14 марта Комитет предназначен для управления страной на случай введения чрезвычайного положения. На деле же «чрезвычайное положение» означает только одно — угрозу со стороны России. «Со стороны коммунистической России, если повторится путч», — заверял меня один из членов Комитета. Но и Движение демократических реформ, и независимые профсоюзы Беларуси считают, что у Комитета цель другая: со временем, найдя какую-нибудь дипломатическую зацепку, убежать и от России, и от СНГ. Почувствовал это и Шушкевич: на предложение стать руководителем Комитета он ответил отказом.

Антикризисный комитет как постоянно действующий орган власти не существует. Но уже то, что его возглавляет премьер-министр Беларуси, говорит о многом. Фактически Комитет можно рассматривать как легитимную реализацию идеи ГКЧП. Причем легитимную на сто процентов. Ко-

Жизнь при свободных ценах

митет создан по взаимному соглашению всех политических партий Беларуси (опять же кроме ДДРБ), правительства, органов государственной безопасности и общественных организаций. Так что, с одной стороны, смоделирован компромиссный вариант управления страной на случай введения чрезвычайного положения. Но с другой... Как уже писали белорусские газеты (в первую очередь демократической ориентации), «дружный» процесс создания республиканского ГКЧП был вызван не столько стремлением партий и общественных организаций обеспечить безопасность Беларуси и уж тем более не желанием насолить России, сколько страхом быть уничтоженными Белорусским народным фронтом, первым поддержавшим идею Комитета и преобладающим в нем численно и идейно.

Как и повсюду в бывшем СССР (кроме разве что России), вопрос о государственном языке стоит в Беларуси необычайно остро. С 1990 года делопроизводство ведется только на белорусском языке. Русский в качестве государственного не признается. И это при том, что только тридцать процентов населения страны свободно владеет белорусским языком — «Треба тишины, як нема мікрофона». Остальные семьдесят процентов в ужасе. В скором времени начнется переаттестация профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Черед дойдет и до обычных школ. В некоторых преподавание уже давно ведется только на белорусском языке. А недавно Минский городской совет народных депутатов одобрил программу сплошной белорусификации начального и среднего образования. Единственной силой, способной остановить этот разрушительный, чреватый серьезными последствиями внутри страны, равно как и ухудшением отношений с Россией, процесс, остаются демокра-

тические партии, часть которых до сих пор не решается открыто высказать свою точку зрения по этому вопросу. БНФ обладает недюжинной силой и располагает серьезным влиянием в правительственных кругах. Ссориться с ним ни для кого не желательно.

Проведенное исследование общественного мнения, результаты которого уже использовались выше, показало, что сорок восемь процентов из числа опрошенных жителей Беларуси хотели бы восстановления СССР. Наибольшую же неприязнь у респондентов вызывают неонацисты и националисты. Таким образом, можно предположить, что популярность Белорусского народного фронта будет неуклонно падать, равно как и популярность других националистических движений (в частности, уже упоминавшейся здесь Национал-демократической партии), в вопросах суверенитета и государственной целостности Беларуси заходящих еще дальше фронта. А дальше — это когда белорусские националисты как бы между прочим начинают вспоминать, что Виленский край принадлежал в свое время незалежной Польше и что Смоленская область не всегда была российской, особенно западная ее часть. Однако до тех пор, пока у власти держится Станислав Шушкевич, беспокоиться за нерушимость российских границ явно преждевременно. Косвенным подтверждением тому может стать недавнее заявление председателя Верховного Совета Беларуси, в котором тот поведал общественности о своей особой позиции по поводу конфликта в Приднестровье и чуть не обвинил российское руководство в шовинизме и нарушении хельсинкских соглашений. Соглашения эти — прежде всего, считает председатель. «Поэтому мы, уважая нормы международного права, не будем претендовать на потенциальные «спорные» территории, — к этому

сводился смысл всего сказанного, — территориальная целостность — неотъемлемая часть суверенитета любой цивилизованной державы».

Другой точки зрения, видимо, придерживаются белорусские промышленники и их российский «куратор» Аркадий Вольский. Для них границ не существует вообще. Им нравился СССР, когда можно было полностью положиться на дотации из государственного бюджета и не слишком беспокоиться о поставках металла с чугунолитейных заводов Урала. Об этом заботилось союзное правительство, тем более, что количество оборонных предприятий в Беларуси всегда было очень велико. Именно передовикам военного производства распад СССР пришелся сильно не по душе. И — соответственно — возникла необходимость создания своей «директорской» партии, аналога Российского научно-промышленного союза, превратившегося затем в Союз российских промышленников и предпринимателей. Учил белорусов уму-разуму сам Вольский. По сведениям из правительственных кругов, его приезд вызвал небывалый ажиотаж практически во всех крупных министерствах и ведомствах республики. Вольский шел, что называется, нарасхват. А увенчалось все это учреждением Белорусского научно-промышленного конгресса, сразу заявившего о себе как о самостоятельной политической силе, не намеренной мириться с существующим положением дел.

Одно время Михаил Горбачев — тогда еще президент СССР — любил ссылаться на Белоруссию как на самую спокойную республику, чуждую любым волнениям, как демократического, так и коммунистического толка. В ответ по Белоруссии прокатилась такая волна забастовок, что миф о «беззаботной республике» был разрушен навсегда. Выступления рабочих в Минске и других крупных белорусских городах спровоцировали сами хозяева предприятий — министерства союзного и республиканского подчинения, требования же трудовых коллективов носили главным образом экономический, социальный характер.

Волна забастовок быстро сошла на нет. Отчасти — из-за довольно лояльной позиции, занятой белорусским правительством на переговорах с лидерами рабочего движения. С тех пор многое изменилось: произошел путч в Москве (в Москве — подчеркиваю), успел распасться нерушимый СССР, Минск стал столицей СНГ, сам того не заметив. А в Беларуси снова тишь да гладь. Но, может, спокойствие это видимое?

Елена КОЛЕСНИКОВА

ОБЫКНОВЕННЫЙ БЛЕФ

Маргарет Тэтчер давала завтрак на Санкт-Петербургской госдаче. Приглашенных было много, человек шестьдесят, но никто не опоздал. Ровно в восемь появилась экс-премьерша, и тут возникла какая-то заминка. Вместо положенных по протоколу слов приветствия госпожа Тэтчер о чем-то переговорила с переводчиком и со свойственным ей тактом стала тянуть время так, чтобы паузы никто не заметил. Гости в недоумении переглядывались. Наконец появился тот, кого ждала «железная леди», — Константин Боровой, и завтрак начался.

Журналист из местной газеты

шепнул зло на ухо: «Пусть бы уж туфлей по столу стучали». Мы чуть не затеяли спор — мне-то новые господа нравились гораздо больше прежних. А коллега доказывал — наши бизнесмены, рванувшие в нашу политику, покажут еще всем кузькину мать в сицилийском варианте. И опаздывающий на официальный прием «бизнесмен номер один» — так его представили за столом — наглядное тому подтверждение.

Тогда-то я и завела досье — папку с надписью «Богатые политики», куда стала подшивать вырезки из газет, журналов с интервью или статьями бизнесменов, увлекающихся полити-

кой. Такие лидеры, еще не занявшие определенного государственного поста, заслуживают не меньшего внимания, чем уже получившие кресло. Ведь, чем черт не шутит, может быть, именно от них зависит, что ждет нас завтра.

По количеству публикаций Константин Боровой занял первое место. Поэтому, когда я отправилась к нему на интервью, казалось, знала про Константина Натановича все.

Сын профессора, автор кандидатской диссертации... «когда только начал заниматься предпринимательством, решил эмигриро-

вать. Оформил даже документы, но передумал. Почему решил остаться? Просто обидно и очень жалко все отдавать коммунистам».

Но даже если бы коммунистам отдать было нечего, перед К.Н. все равно не возникла бы проблема выживания, так как он «...хороший специалист в своей области, в прикладной математике. В свое время на целине построил несколько домов, на родительской даче что-то сажал и выращивал, да и вообще мог освоить любую отрасль, любую работу, и проверял это неоднократно».

Вдобавок был «...сильным спортсменом, когда-то выполнил норму кандидата в мастера спорта по вольной борьбе, года три занимался карате, причем полупрофессионально, волейболом, боксом, водным поло, прыжками в воду, стрельбой...».

«Теперь свободные часы выдаются между двенадцатью и двумя часами ночи. Поэтому идеальное представление о жизни — это тихая комната в первые часы ночи, листочек бумаги и ручка, когда спать не хочется и рождаются идеи, замыслы».

Правда, «бывает настроение, когда хочется холодной водочки, вареной картошечки с лучком, порезанным колечками, подсолнечным маслом, грибочками...». К сожалению, К.Н. не помнит, когда в последний раз выпивал, но в этом себе не отказывает. Ему также «...очень хочется верить в Бога, но генетика советского человека не позволяет».

Заканчивая краткую биографию Константина Натановича, в его собственном оригинальном пересказе, надо отметить два отличительных признака его высказываний — ошеломляющую непоследовательность и еще более ошеломительную искренность по части личной жизни. Пережил человек, в частности, три, а может, и четыре «...влюбленности со стороны красивых женщин, не оттолкнул их» и честно об этом заявил.

Эпатирующих интимных признаний было сделано с избытком, чего не скажешь ни об одном политическом деятеле. От Владимира Жириновского, падкого на эпатаж, я, например, ничего, кроме того, что его мама простая русская женщина, про личную жизнь не слышала.

Итак, я отправилась в офис, где чтят особую систему знаков мира бизнеса — от дорогой современной обстановки до модных костюмов, галстуков и часов марки «Картье». В жизни все, как водится, оказалось несколько иначе. Секретарши вели себя подчеркнуто небрежно по отношению

к посетителям, посетители посматривали на часы — деловые встречи шли с большим опозданием.

Наконец, обладатель «Картье» пригласил в кабинет. Там сидела какая-то девушка, которой после моего вопроса — разве мы договаривались о встрече втроем? — было сказано лаконичное «брысь!» — и она удалась.

Подали кофе, и я подумала, что Константин Натанович пил его совсем недавно — на манжете рубашки остались непросохшие следы. Только не подумайте, что я выискиваю «блех». Просто, если так много говорилось о системе особых знаков, необходимых для престижа фирмы, должны же быть хотя бы признаки этой самой системы?!

Собеседник произвел на меня неизгладимое впечатление. Он шутил, негодовал, говорил комплименты, ругал «Столицу», потом хвалил, делал очередные откровенные признания, журил бизнесменов от ВЛКСМ, славил РТСБ, РИНАКО, свою ведомственную разведку, рассуждал о ВПК и финансовом рынке и при этом... смотрел телевизор.

Неожиданно разговор прервал телефонный звонок.

— Выключите диктофон, — попросил хозяин кабинета и конфиденциально сообщил: «Я остановил войну в Карабахе. Только никому не говорите».

Беспорно, передо мной сидел незаурядный, обаятельный человек, который пришел в мир бизнеса и политики со своими правилами игры, суть которых — полное отсутствие каких-либо правил. Сначала эти тенденции проявились в бизнесе (но таков, увы, пока весь наш бизнес), потом — в политике.

О любой политической акции господина Борового газеты сообщали не иначе как под рубриками «Скандал», «Сенсация», «Неожиданный поворот», на худой конец «Причуды богатых». Даже трудно сказать, какой скандал был самым скандальным. Но зато легко подвести итоги — ни одна политическая вылазка не была доведена до конца — вспомнить хотя бы исход предпринимателей из Москвы или борьбу против суперкоррупцированного столичного правительства. Это, кстати, одно из отличительных качеств Борового-политика: сделать сенсационное заявление и, не дожидаясь, когда его переварят, ошарашить следующим. Главное — это блефовать. Таков фирменный стиль.

Не имея за собой больших денег, какой-либо серьезной теневой поддержки, да просто всенародной любви, он, однако, пробился на широкую аудиторию и по-прежнему рассчи-

тывает на успех. И успех приходит, только уж очень специфический: зыбкий, неясно, на кого рассчитанный, малоперспективный...

Я часто размышляла — обречен ли был Боровой на карьеру политика-скандалиста? Если — да, то что преобладало: характер или все-таки обстоятельства, которые сложились так, что пришлось выбрать это, не совсем удачное и не совсем достойное Константина Натановича амплу. Мог ли он, например, ужинать с министрами, париться в бане с их помощниками, играть по утрам в теннис, допустим, с вице-мэром, а потом по-приятельски назначать деловые встречи и решать неразрешимые для всех остальных, не приближенных, вопросы. Можно ли сказать, что Боровому просто не повезло — ну не сложились доверительные отношения с правительством — ни с московским, ни с российским?

Думаю, нет. Везение или невезение тут ни при чем. Подобное общение предполагает взаимные услуги. А взаимность требует определенных компромиссов и обязательств с обеих сторон. Вот в этом-то загвоздка.

Мне рассказывали, что когда-то у Лужкова и Борового были вполне нормальные отношения. Боровой даже обещал городу какие-то миллионные вложения, но, разумеется, ничего не дал. Лужков это запомнил — отсюда повод для конфликтов. Не ругаюсь за достоверность истории, но верю в нее. Такого «светского понтарства» тоже хватает.

Когда господин Боровой объявил о создании Партии экономических свобод и пытался затащить в нее то Михаила Горбачева, то Александра Яковлева (остановились в результате на Святославе Федорове), знакомый западный политолог сказал мне: «Вот теперь у него есть шанс сделать нормальную карьеру. Надо лишь перестать валять дурака, резко изменить имидж и начать играть по правилам. Я бы ему помог».

Я передала эти слова Константину Натановичу, и он дал согласие встретиться. Но тут отказался от идеи политолог — еще раз проанализировал все материалы и поставил диагноз: «Человек неуправляем, такие в политике долго не живут». И тут же назвал тех, кто, по его мнению, имеет шансы на выживание. Признаюсь, знакомыми оказались лишь две фамилии из десяти. Остальные прежде не слышала.

— Кто эти люди? — допытывалась я.

— Представители серьезных финансовых групп. Пока они наращивают капиталы, богатеют и не кричат об этом на каждом углу. К тому же не то-

ропятся заявить о себе раньше времени, ждут стабильности, когда результаты экономической реформы станут ощутимее, чем сейчас. Заводят связи на перспективу, в основном с теми, на кого можно будет делать ставку через пять—семь лет. Вот тогда политические игры пойдут по очень жестким правилам, потому что с окончанием хаоса в экономике ему не останется места в политике.

Хотелось бы порадоваться, да не ясно, что лучше для России — жесткие правила или полное их отсутствие? Коридоры власти прямые и узкие. Каждый, кто в них попадает, дороги уже не выбирает и вынужден, образно говоря, держать руки по швам. Именно поэтому предвыборные заявления кандидатов так сильно отличаются от слов и действий уже занявших государственный пост чиновников.

Константин Боровой в эти коридоры никак не вписывается. Хотя, честно говоря, предпочла бы его, а не тех двух перспективных знакомцев, обозначенных политологом. Предпочла бы по одной причине — из двух зол надо выбирать меньшее. Чтобы не выглядеть непоследовательной, объяснюсь.

Бизнес открыл сегодня в большую политику такие ходы, о которых прежде люди с огромными теневыми деньгами даже не помышляли. Теперь, если есть средства (неважно откуда) — надувай лягушку, оплачивай рекламу, выпускай собственную газету, нанимай юристов, экспертов, политологов, создавай лоббирующую общественную организацию и получай желаемое место или положение. Это один вариант. И он меньше всего устраивает существующую власть, так как предполагает определенную независимость от нее.

Второй способ достижения власти более изощрен — я бы условно определила его как коррумпированную политику. Суть сводится к установлению тесных деловых контактов бизнесменов с высокопоставленными чиновниками. Получается своего рода симбиоз — чиновник создает льготные, приоритетные условия для бизнесмена (выделяет его организациям помещения, земельные участки, дает добро на создание акционерных обществ, содействует привлечению кредитов, инвестиций и т.д.), а взамен получает посреднические проценты, акции этих самых АО... Бывает, что за услуги расплачиваются земельными участками в теплых краях. Короче, бизнесмен богатеет за счет чиновника, а чиновник — за счет бизнесмена. При таких отношениях успехи одного идут на пользу другого, провалы предполагают также обоюдный неу-

спех. Поэтому, если, не дай Бог, бросят тень на чиновника, бизнесмен поднимается на его защиту. И наоборот — заподозрили в непорядочности бизнесмена — тут же, забесплатно организовывается интервью на TV, обеляющая кампания в печати.

Ни первый, ни второй варианты (а есть еще третий, четвертый и т.д.) не являются чисто советским изобретением. Весь мир так устроен. Разница только в соотношениях — что будет преобладать? Сейчас на политической сцене крутятся и те и другие, но шансов устоять у вторых, увы, все-таки больше. И пока Константин Боровой, купивший, в сущности, реноме на свои деньги (первый вариант), отчаянно блефует, его политические соперники, выбравшие второй путь, выигрывают просто на контрастах.

Если бы существовал жанр политических гороскопов, я бы рискнула составить его для Константина Натановича на год вперед. Дальше не имеет смысла. Он обречен в своей партии на постоянные перестановки, люди с именами устроят из нее, грубо говоря, проходной двор. Деньги, которых и сейчас не так уж много, скоро совсем иссякнут. Шумные акции под лозунгами типа: мало капитализма, долой мафию, долой чиновников-взяточников — пройдут быстро и скорее всего безрезультатно. Была надежда, правда, на выборные кампании, но их в ближайшее время не предвидится. К тому же, подвернись выборы, к ним надо было бы перестроиться. Народу нельзя говорить: «Голосуйте за меня, я богат и свободен!» Побеждает тот, кто обещает, скажем, положить голову на рельсы в случае повышения цен.

И что в итоге получается? Да ничего особенного. Будет по вечерам К.Н. пить английский чай с Артемом Тарасовым и смотреть через стекло на густой лондонский туман...

А у нас продолжится борьба среди тех, кто первый раунд провел более удачно.

Для чего я составляю эти заметки? Хочу помешать карьере Константина Натановича? Полноте, лучше него самого это никто не сделает. Подорвать его реноме? Но оно уже сформировалось так прочно, что никакими публикациями не исправишь. Тогда зачем? Кто-то заметил, что в развивающуюся политику сначала приходят те, кто хочет быть избранным. Потом их сменяют другие — кого выбирает народ. И только затем места распределяются между теми, кто должен их занимать. Чтобы дожить до последней стадии, необходимо разобраться, что же было прежде. Пока — обыкновенный блеф.

Изделия из стекла и пластмассы

Фирма, располагающая
стекольными и пластмассовыми
цехами, выполнит заказы.

Приглашаем к долговременному
сотрудничеству.

Тел.: 928-99-09, 928-70-17

Факс: 921-29-85 СЕМЕНИК

ЛУКЬЯНОВ
И БРАТ

949-70-73,
949-60-11.
факс 949-70-73.

Цены всегда низкие

Мы предлагаем:

- факсы, надежные и простые в работе, «ВАЛИДИАН»
- матричные принтеры
- картриджи к лазерным принтерам ЕПС

КУПИМ наличные доллары

Вы успеете
построить ДАЧУ
В ЭТОМ ГОДУ,
если обратитесь
в кооператив

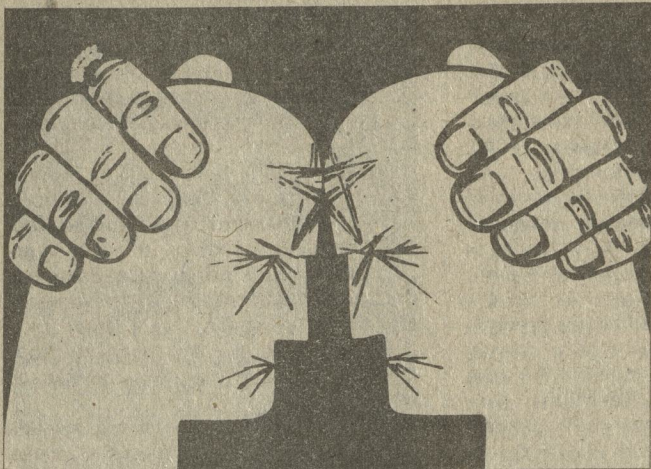
«ВИКТОРИЯ».

Строительство в кредит.

☎ 146-69-29 с 10 до 17.

Плакат художника Н. Сахаровой

Сергей МИТРОФАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О «ПЕРЕСТРОЙКЕ»

Март 1988, страничка из дневника:

«...Никогда бы не подумал, что, для того чтобы просто выйти в парк, нужно иметь немалое гражданское мужество».

Действительно, десятиминутный проход выглядел странно и страшно: мрачные люди, построившись парами, с зажженными свечами и неясными картинками на груди (старушки думали, что с иконами) молчаливо куда-то побрели. Милиционеры и корреспонденты бежали рядом, проваливаясь по колено в снег, так как на аллее им места не хватило. Причем милиционеры бежали с одной стороны колонны, а западные корреспонденты — с другой. Действо лавинообразно захватывало по дороге гуляющих и любопытных.

Находясь под объективами корреспондентов и агентов КГБ, которые, не стесняясь, щелкали прямо в нос, мы невольно думали: а что с нами будет в конце аллеи? Арестуют, погрузят в автобус (автобусы уже стояли у входа в парк), запомнят и усложнят жизнь?

Рядом шел студент из университета, и товарищи уговаривали его отойти назад: если выгонят, то могут забрать в армию. Впереди шли — Андрей

Данилов без пальто и с обнаженной головой, красивая Аня Золотарева, вся в черном, Павел Кудюкин...

И вот дошли до конца аллеи. Куда повернуть? На заснеженную эстраду? Нет, на эстраду нельзя, похоже на «вызов». Давайте — к детской снежной крепости.

Повернули налево. Вынесли заранее приготовленный картонный черный обелиск. «Устанавливают черную пирамидку, — тревожно передали по ради, — примерно девять на восемнадцать...»

Этого они, по-видимому, вытерпеть не могли. В круг собравшихся вошел грузный чин и, не смущаясь кинокамер и микрофонов, объявил: «Всякие демонстрации вам запрещены, прош-уу расходиться!»

Позже Виктор Золотарев подошел к нему и сказал: «Спасибо, что вы помогли нам удачно завершить вторую часть». «Да лучше бы и первой не было», — мрачноотреагировал тот.

Так московская интеллигенция отметила день памяти о жертвах сталинских репрессий. Организатором был лидер группы «Гражданское достоинство», впоследствии — главный кадет России, Виктор Золотарев. Почти все участники акции — члены одного из первых в стране политклубов «Демократическая перестройка».

С тех пор прошло менее пяти лет. Никто из действующих лиц не умер, не состарился. История не сбросила одни фигурки и не расставила новые. Удивительно, но и сегодня мы остались теми же (в биологическом и нравственном смысле) людьми, как, наверно, остались теми же и милиционеры, и тайные агенты, и «молчаливое большинство».

Однако между датами — пропасть громадного размера: крушение империи, гибель коммунистической Помпеи. В августе 1991-го, когда режим (с которым я и ты боролись тем, что читали запрещенные книжки), казалось, окончательно рухнул, а мы с полным правом могли сказать друг другу: «Ай да мы, ай да молодцы!». Но в 1992-м нам требуется уже более ясное осмысление причин. Ведь кроме крушения коммунизма произошли разрушение социальной сферы (дай-то Бог, чтобы жертвы не были напрасны), деструкция государства, ушли моральные авторитеты и нравственные ориентиры, а главное, на смену партийной элите к власти рвется откровенный жлоб...

Возможно, это болезнь роста. Возможно, небольшая задержка на магистральном (по выражению писа-

Иногда полезно оглядываться назад. Нет, не для того, чтобы побренчать медальками или выслушать очередную бесполезную исповедь «демократа». «...И мы старики, иным уж под сорок, собрались на валу крепостном потолковать о величии Трои...»

Нет, не за этим. В те дни приходится возвращаться совсем по иной причине. Мы были одиноки, наши усилия были слишком ничтожны, а последствия, тем не менее, так грандиозны, что поневоле встают вопросы: неужели это сделали мы? или мы только присутствовали при том, что делали другие там, наверху? И дело здесь даже не в ущемленном самолюбии. Это еще можно как-то пережить. Просто с этим ощущением мы и дальше не сможем взять на себя ответственность за происходящее с нами и со страной...

Август 1992

теля Льва Тимофеева) пути истории. Возможно. Но силы, которая могла бы предотвратить летальный исход, в обществе нет. Ибо рынок как способ организации экономики — это прекрасно, но рынок как новая идеология (как, скажем, пытался представить в нашем журнале Александр Агеев) — явно недостаточен, выгнал же Христос менял из храма.

Пролог. Прологом августовской революции был 1987 год, год взрыва политической активности. По всей стране тогда стихийно стали образовываться политклубы — неформальные организации. Анализируя ситуацию 1987 года, американский политолог Виктор Давыдов писал: «Горбачеву нужны «хунвэйбины» — некая сила, способная перетрясти аппарат извне». Однако в отличие от китайских хунвэйбинов советские «хунвэйбины» (не все, конечно, а координаторы движения, члены новообразованных политсоветов) прекрасно догадывались о той роли, которую им отводили.

Они рассчитывали на то, что, меняя свой имидж (фасад) и демонстрируя Западу «новое мышление», коммунистическая власть будет вынуждена поменять и свою архитектуру. Был и более тонкий расчет: поскольку никакие революционные преобразования в обществе, казалось, были невозможны, вести работу с элитой, втянуть ее в диалог, трансплантировать ей западные стандарты, обуздать. Впрочем, к такому перерождению коммунистическая элита была готова еще в правление Брежнева, единственно, чего ей не хватало для этого, — «мозгов».

Политклуб «Демократическая перестройка» («ДемПер», как его иногда обзывали местные юмористы) был, пожалуй, самым влиятельным клубом в Москве, а может быть, и во всей стране. Причем во многом его авторитету способствовало то, что для проведения своих собраний клубу предоставлялись комфортабельные радиофицированные аудитории Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), что, по видимому, устраивало всех: клуб становился Меккой московской интеллигенции, а власть имела прекрасную возможность собирать информацию обо всем, что происходило в неформальной среде.

Естественно, все, что говорилось в клубе, тут же стенографировалось, анализировалось и попадало в отчеты

работников идеологического фронта, однако потом, вместе и с так называемым «Белым ТАСКом», и секретными стенограммами политбюро снова возвращалось в неформальную среду через сочувствующих работников аппарата компартии.

Откликаясь на невнятно вербализованный сигнал верхов — «перестройку», «хунвэйбины» из ЦЭМИ понимали, что им отводилась роль витрины гласности и демократизации Горбачева, и готовы были стоять в ней в качестве манекенов, но при этом они старались (и успешно) приподнять планку возможного, создать прецедент, который потом можно было бы распространить на другие города и глубинку. Само название клуба было выбрано не случайно: оно символизировало и лояльность выбранному курсу, что гарантировало от репрессий и подчеркивало, что этот курс будет понят определенным образом. В клубе совершенно открыто (и это было принципиально), до всех разрешений, были налажены выпуск и распространение печатной продукции — бюллетеня «Открытая зона». На этот раз в названии сочетались идея преодоления лагерной сущности режима и отсылка к знаменитому выражению Горбачева: «Нет зон, закрытых для критики».

Хотя весь первый год существования клуба его члены не делали ничего существенного, т.е. всего лишь обсуждали устав, регистрировали его в инстанциях, а потом дискутировали о регламенте и кворуме, весь второй год — боролись между собой «за власть» (хотя никто не мог толком сказать, в чем она заключалась), а потом вдобавок еще и... раскололись по политическим мотивам, заслуги «Демперестройки» перед демократией огромны. Клуб «Демократическая перестройка» дал начало всем первым политическим партиям.

Фактически из семинара клуба образовалась социал-демократическая ассоциация, ставшая потом социал-демократической партией России (СДПР) под председательством и идейным руководством члена клуба О.Румянцева. Другой член клуба, Виктор Золотарев, в 1989 году создал Союз конституционных демократов (СКД). Расколовшись в 1988 году, «Демперестройка» дала начало «Перестройке—88», которая впоследствии преобразовалась в небезызвестный «Демократический союз». Клубная инициатива по созданию мемориала жертвам сталинских репрессий вылилась в создание всесоюзного общества «Мемориал». Хотя сам мемориал они строят до сих пор, но Общество живет и здравствует и оказывает влияние на политическую жизнь. И да-

же так называемая «Демплатформа», группа коммунистов-авантюристов, лихо вознамерившихся перевернуть КПСС изнутри и, по-видимому, прибрать к рукам партийную собственность, возникла из инициатив «Демперестройки» — членам клуба Игорю Чубайсу (родному брату ныне государственного министра) и Володе Кардаильскому отводились в этой акции не последние роли. Создавалось странное впечатление, что меньше сотни членов клуба умудрялись оказывать колоссальное давление на в целом консервативное московское общество.

Конечно, палитра демдвижения 88—89-го годов была и шире, и богаче, но, если приглядеться повнимательней, все группы, все партии, все неформальные издания, семинары — все это было хождение по кругу одних и тех же людей, которые в одном месте называли себя народным фронтом, в другом — каким-нибудь съездом, союзом, конфедерацией.

Ах, как великолепно чувствовать себя прометеями, но только огонь тот был большей частью бенгальским. Весь 88-й год в клубе ожесточенно спорили, что главное в деятельности «перестройщиков» — «социальные инициативы», которые, впрочем, тут же и затухали, потому что в избытке было идейных руководителей, но не было исполнителей, или свободная трибуна по четвергам в ЦЭМИ, ставшая полигоном для всего того, что происходило потом на первых съездах народных депутатов. Ярко освещенный зал, в котором с трибуны серьезно говорили, как реформировать строй и что делать с коммунистами (при всем при том, что коммунисты и не подозревали, что с ними можно что-то делать), производил неизгладимое впечатление на бывших лагерников, проводивших жизнь в бесильной ярости ко всему коммунистическому. Многие плакали.

С этой трибуны выступали Александр Мень, Глеб Якунин, обкатывали свои предвыборные программы Сергей Станкевич, Олег Богомолов, экспертизу проходили экономические схемы — Б.Ракитского, В.Данилова-Данильяна и др. Хитрый Клямкин морочил публике голову своим риторическим вопросом «Какая дорога ведет к храму?». В холле бесплатно раздавал «журнал независимых мнений» «Референдум» Лев Тимофеев. Здесь начинал Дима Юрасов, тот самый, который, работая в секретном архиве, вынес добрую его половину и основал дома свой собственный архив... Теперь это архив «Мемориала».

Члены клуба «Демперестройки» свою личную карьеру в перестройке сделали. Они стали руководителями партий — Виктор Золотарев, Олег Румянцев. Известными народными депутатами — Румянцев, Леонид Волков (ВС РФ), Виктор Кузин (Моссовет), Кирилл Янков (Московский облсовет). На одном из постперестроечных банкетов возник спор приоритетов — кому первому дали черную машину с телефоном. «Да-а, — стали что-то мы отдаляться от народа, — вздохнул Янков, — я уже на троллейбусе и не езжу».

Из клуба вышли и фактически попали на политический Олимп член Конституционного суда Эрнест Амелистов, зам. министра труда Павел Кудюкин. Теоретические наработки семинаров клуба позже легли в программы МДГ, в румянцевскую конституцию...

Редколлегия и авторы «Открытой зоны» почти в полном составе перешли работать в первый политотдел первой независимой массовой газеты «Коммерсантъ». Это их заслуга, что, по словам бывшего неформала Бориса Кагарлицкого, первоначальный «Ъ», созданный для кооператоров, «читала по преимуществу интеллигенция, к кооперативам никакого отношения не имевшая». Потом они двинулись в «Независимую газету», журнал «Век XX и мир», на радиостанцию «Свобода», другие издания... Однажды ночью 88-го года я и Андрей Фадин подбирали на машине перспективных авторов. И вот из какой-то подворотни вышел бедный и несчастный, никому тогда не нужный, мокрый от морозящего дождя, с растрепанной нечесаной бородой «известный публицист Максим Соколов».

В общем, «аксеновщина» какая-то: пора, мой друг, пора, апельсины из Марокко...

Но все революции лгут. Почему бы это?

Возможно, первые неформалы и могли бы инициировать создание гражданского общества, если бы у них было для этого больше времени, если бы все созданное и образованное «на вырост» в конце концов заполнилось многими людьми. Вышло же наоборот: вихрь более мощный подхватил всех этих «инициаторов» и «координаторов». 40, 100, 200, 1000 человек ничего не определяли и определить не могли. В жизнеописании «Демперестройки», как в капле, отразилась вся драма перестройки в целом. Реформы сверху, что у нас, что в Польше, оказали отрицательное

влияние на общественную мораль, нет, не только ты и я, а все общество стало свадебным генералом у себя на празднике 21 августа.

Инициативу перехватили гайдары, бурбулисы, ружкие, люди другой среды, другого менталитета, другого опыта, причем к Ельцину среди них меньше всего претензий — у него-то по крайней мере за плечами был поступок, драма личности, произошедшая на глазах у всех. И не то чтобы они были корыстны, и не то чтобы они были слишком повязаны своей элитарностью и в конечном итоге выполняли элитный заказ. Нет, главное в другом, в том, что они никогда не опережали историю, поворачивались вместе с ее маховиком. Отсюда их понятное топтание на месте, выжидание, пассивность, стереотипность мышления, неспособность стать духовными лидерами поколения. Ни Ганди, Ни Сахарова среди них нет.

А неформальная среда приказала долго жить. Лучших интегрировала власть, благо их было немного. Претендующих на большее постепенно вытолкнули обратно. И из экономики, и из политики. Единственного неформала-президента Гамсахурдия — свергли танками. Хитрый грек мэром-неформал Попов сам спрыгнул с подножки. «Сидение у правительственных телефонов — это не власть», — сказал он на прощание. Говорят, и у неформала от экономики первого капиталиста Бороваго дела сегодня идут не столь блестяще, как предполагалось. Иначе чего бы он бросился в политику?!

Это естественный процесс, и бесполезно искать заговорщиков — их нет. Виновата накопившаяся усталость всех и рабская психология ожидания, виновато то, что «русский мужик задним умом крепок». Да, он засыплет песком и цементом Чернобыль, но только тогда, когда он взорвется. Вот и сейчас он подождет, пока жареный петух клюнет: осенью будет думать о сельском хозяйстве, зимой — о социальной сфере. Сначала миллиарды уйдут за кордон, все передерутся из-за недвижимости, а потом... раздадут «ваучеры» по десять тысяч, давай, участвуй в народной экономике!

И я думаю, что еще такого должно произойти в говорящих головах, чтобы додуматься до простейших аксиом: чтобы выжить самому, надо дать выжить другим.

АФГАНИСТАН:

ПОСЛЕ

НАС

Советские войска ушли из Афганистана. Наджибулла еще оставался президентом, а бои между правительственными войсками и отрядами моджахедов продолжались. Кабул держался хорошо, с достоинством, и моджахедами на время овладело чувство ненужности и бесполезности борьбы с коммунистическим режимом. Но Наджибулла сделал неверный ход, и моджахеда снова воспряли духом. Чтобы уже навсегда победить ненавистный коммунизм.

Пуштун Наджибулла решил заменить генералов-таджиков в северных подразделениях пуштунами. Но генералы подчиниться отказались. Это «предательство» привело в скором времени к альянсу между ранее непримиримыми врагами: частями регулярной армии и моджахедом — будущим министром обороны — Масудом. Дни президента сочтены. Даже самые верные люди начинают потихоньку «смываться» из Кабула. А сам президент укрывается в представительстве ООН.

Еще пару лет назад на одной из пресс-конференций Наджибулла сказал: «На меня оказывают давление с тем, чтобы я отказался от власти в пользу оппозиции. Но какой оппозиции? Да как только они войдут в Кабул, они передерутся между собой и устроят такую кровавую баню, какой афганцы еще не видели».

И бывший президент, прозванный кабульцами «афганским мясником», оказался прав. Чутье не подвело человека, имевшего большой опыт работы в секретных службах. Краткие перемирия в Кабуле перемежаются с кровопролитными боями. Но как бы ни развивались события, они в основном вращаются вокруг двух ключевых фигур — главы «Исламской партии Афганистана» Гульбединна Хекматиара и министра обороны страны Ахмада Шаха Масуда.

«Военные люди», Масуд и Хекматиар знакомы друг с другом давно, долгие годы они провели вместе в Пешаваре. «Когда он только начинала фразу, я уже знаю, чем он ее закончит», — говорит Масуд. Не так давно он снова имел возможность побеседовать со старым приятелем. Тот вел себя вполне по-дружески, согласился продолжить переговоры, поучаствовать в создании коалиционного правительства, поработать на выборах, но идею захвата Кабула оставить не пожелал. «У меня шесть тысяч человек, танки и авиация, и, если ты не согласишься, завтра на рассвете они все будут у стен Кабула. Ты злишься?» — «Нет, но скоро будешь злиться ты», — ответил на это Масуд.

Масуд

Ахмад Шах Масуд, 38 лет. Сын полковника королевской армии Заир-шаха. «Ушел в подполье» в возрасте 22 лет незадолго до советского военного вмешательства. В долине Паншира учащийся французского лицей в Кабуле, прочитавший все труды Клаузевица, Мао Цзедуна и Бонапарта, имел достаточно времени, чтобы выработать четкую, правильную стратегию борьбы. Масуд довольно скоро обвинил руководителей афганского сопротивления в бездействии и публично усомнился в возможностях исламского фундаментализма, воспламеняемого Гульбеддином Хекматиаром. Особенно Масуд сокрушался, когда в 1989 году, уже после начала вывода советских войск из Афганистана, моджахеды, опасаясь серьезных людских потерь, не последовали совету Пакистана и не отстояли у коммунистов город Джелал-абад.

За годы войны с афганским режимом храбрый военачальник создал целую систему из своих политических и военных идей. В основу ее была положена мысль о том, что с Наджибуллой надо бороться до конца, безо всяких краткосрочных

компромиссов. В делах военных Масуд отошел от «традиционной» партизанской войны и создал настоящую армию (50—60 тысяч человек). Параллельно функционируют вооруженные силы ислама, насчитывающие около двадцати тысяч бойцов. И даже в самом Кабуле действует разветвленная подпольная организация, умеющая вовремя убрать ненужного человека. Организованная, многонациональная, хорошо экипированная, со строгой иерархией, армия Масуда целый год не знала поражений.

Масуд живет завтрашним днем, угадывает будущее, разгадывает его, как ребус. Еще девять лет назад, когда и речи не могло идти о скорой победе, Масуд начал засылать в афганские селения своих людей с тем, чтобы они агитировали жителей не уходить в соседние Пакистан и Иран. В противном случае Афганистан мог стать рекордсменом по числу беженцев — к тому времени их было уже пять миллионов. Но Масуд не столько агитирует, сколько делает. Он открывает сельскохозяйственные школы, из которых выходят квалифицированные аграрники. По его приказу оборудуются многочисленные (в том числе и походные) больницы. Строятся школы: сорок тысяч учащихся получают среднее образование на подвластных ему территориях.

А территории эти подкрадывались все ближе и ближе к Кабулу. Так что бородастый военком еще задолго до штурма столицы видел себя в кресле министра обороны.

Хекматиар

Хекматиар приказал вылавливать и расстреливать всех прибывающих с Запада врачей и журналистов. Недавно боец из его отряда решил повеселиться, разрядив свое ружье в голову исландского врача, приехавшего по линии Красного Креста для лечения раненых.

Политическая карьера Гульбеддина Хекматиара, проучившегося недолгое время в Кабульском университете, а потом присвоившего себе звание инженера, началась с отвратительнейшей драки, в которой будущий вождь мусульман убил юного маоиста. После чего скрылся в Пакистане и на некоторое время выпал из поля зрения афганских властей. Потом Хекматиар довольно удачно заигрывал с коммунистами, но быстро забросил эту идею, решив вернуться к традиционной идеологии. Упрямый и властный, он мечтает об исламской державе, чистой и великой. Возможно, самой великой на земле. Он создал сильную партию со строгим централизованным подчинением и соединил под знаменами ислама всех фундаменталистов, буквально очарованных этим блестящим оратором. Борец за чистоту идей, Хекматиар однажды прыснул купоросом на девушку, показавшуюся ему слишком вольно одетой. Являясь членом

организации «Мусульманское братство», он полностью поддерживает концепцию шиитских революционеров Ирана — «Современный ислам в тоталитарной версии».

Бойцы Хекматиара, многие из которых специально подготовлены к совершению террористических актов, неоднократно шантажировали и даже убивали европейских ученых, пытавшихся разобраться в «афганском узле». Среди них — француз Тьерри Нике. Да, влору удивиться тому, что цивилизованная Америка долгие годы поддерживала кровавого Хекматиара, помогала деньгами, оружием и своим политическим авторитетом. Даже если делалось это вынужденно, по принципу «в борьбе с коммунизмом все средства хороши».

К чему же привело противостояние между Масудом и Хекматиаром? Боевики «Исламской партии Афганистана», подвергнувшие Кабул ракетно-артиллерийским обстрелам, превратили в руины целые кварталы города. В кровопролитных боях погибло более тысячи человек. Афганцы, поверившие было, что война против «коммунистического режима» завершилась миром, и двинувшиеся на родину из Пакистана и Ирана, сейчас вновь устремились подальше от опасных районов Кабула. Но метастазы раковой опухоли острейших противоречий расползаются от столицы к окраинам страны. В провинции Герат, например, ведутся боевые действия с применением авиации. Ситуация военного противостояния Хекматиара и его бывших союзников в любой момент может превратиться в продолжительную и обескровливающую обе стороны партизанскую войну.

«Они хотели ислама, и они его получили, но война продолжается», — сказал иностранному корреспонденту один из беженцев-кабульцев. В этом и заключается трагедия афганского народа.

По материалам западной прессы подготовил Эдуард ДОРОЖКИН

Фото из журнала «Нувель обсерватёр»

У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СЭКОНОМИТЬ!

Страховая
компания

АСКО

для подписчиков

«Столицы»,

проживающих

в Москве

и Московской

области,

предлагает льготные

страховые полисы

со скидкой 50%

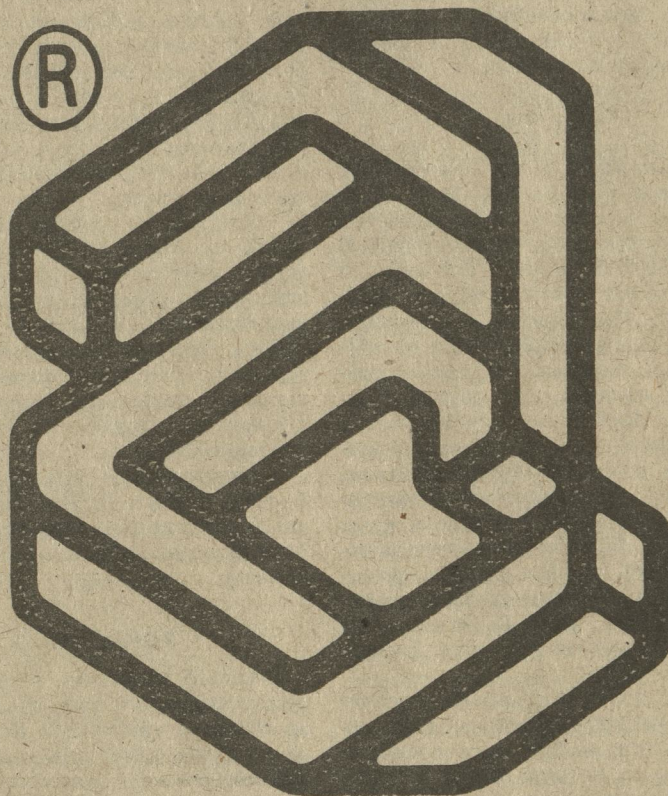
Заклучить льготный
договор страхования
от несчастного случая

смогут те,

кто подписался

на наш журнал

на полгода

АСКО

В № 32 с.г. опубликованы условия льготного страхования от несчастного случая для подписчиков «Столицы», а также перечень структур АСКО по Москве и Московской области, где Вам оформят *льготный страховой полис.*

АБОНЕМЕНТ на газету **73746**
 журнал (индекс издания)
"Столица"
 (наименование издания) Количество комплектов:
 на 19 _____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ ли-на газету **73746**
 тер журнал (индекс издания)
"Столица" (наименование издания)

Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов:
 пере- _____ руб. _____ коп.
 адресовки

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 1993 год!**

Стоимость подписки, объявленная редакцией: на три месяца — 91 рубль, на шесть месяцев — 182 рубля.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки на «Столицу» с учетом местной надбавки составляет: на три месяца — 152 рубля, на шесть месяцев — 304 рубля.

При попытках взять с подписчиков больше указанной суммы просим обращаться в редакцию. Телефон: 928-27-69.

Как и в прошлом году, для подписчиков «Столицы» редакция приготовила большое количество призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1993 год будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

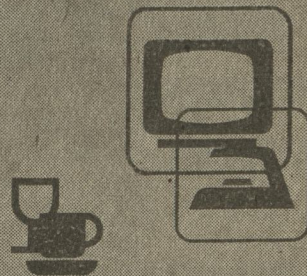
Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлению квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Холодильники, телевизоры,
часы женские и мужские,
электрические самовары,
электробритвы,
платки пуховые,
конфетницы хрустальные,
наборы (скатерть и
салфетке), матрешки,
термометры комнатные,
изделия из Хохломы,
альбомы для
фотографий,
нож и открывалка
«Хохлома»,
денежные призы —
все это
вы можете выиграть,
отправив по адресу
редакции правильно
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ОБЪЯВЛЯЕТ ОЧЕРЕДНОЙ НАБОР
В ШКОЛУ ФОТОМОДЕЛЕЙ И МАНЕКЕНЩИЦ

“МММ”-models agency”

*Напряженная учеба.
Постоянный тренинг.
Строжайшая диета.*

Если Вы молоды,
стройны, обаятель-
ны /возраст от 16
до 23 лет, рост
176—180 см/, мы
ждем Вас!

НО!!!

ВЫ УВИДИТЕ МИР,
А МИР УВИДИТ ВАС!

☎ 1095/ 245-0476 /с 10 до 17/

РБИТ
ЛТД.

Фирма «РБИТ ЛТД.»

— это любые виды рекламы!

А также изготовление по западным стандартам
вывесок над офисами, магазинами, кафе.

Это — любая печатная продукция высокого качества
на импортном оборудовании:

- книги,
- буклеты,
- салфетки,
- наклейки,
- пакеты,
- фотопродукция наивысшего качества.

928-70-17

АВТОСАЛОН НЕ РОСКОШЬ, А СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ. НА РЫНОК

Фото В. Князева

В конце августа на бывшей Выставке достижений народного хозяйства СССР были продемонстрированы достижения автомобильного хозяйства 19 разных стран. Первый Московский международный автосалон стал, как и ожидалось, пиришеством для наших авто- и мотогурманов. 260 тысяч человек без сожаления заплатили по 40 рублей за билет, дающий право посмотреть, потрогать, оценить продукцию едва ли не всех грандов автомобилестроения. И это при том, что нынешним летом в Москве уже проходили некие мероприятия, объявленные автосалонами (естественно, международными), хотя были всего лишь обыкновенными выставками-продажами, какие можно устраивать по десятку на неделю. А подлинные Салоны — это те, что в Женеве, Франкфурте, Токио, Париже, Детройте. Вот, пожалуй, и все. Теперь, возможно, к ним прибавится Московский. Во всяком случае, заявка была сделана приличная и автомобильный мир воспринял ее благожелательно.

Ведь ему, автомобильному миру, что у нас нравится? Во-первых, конечно, наш необъятный рынок. Во-вторых, импонирует наша непритязательность в зарплате, пересчитанной в СКВ. И потому американцам, немцам, итальянцам, японцам или, скажем, корейцам есть прямой смысл завязаться с российскими автомобильными заводами, а то и свои строить. Наконец, Москве исторически повезло с географией — как раз между Западом и Востоком. Где же еще сходить выставки на дорогах?

Вероятно, Московский автосалон даже превзошел надежды иностранных экспонентов на наших рынках. И не только потому, что все

привезенное на выставку было в итоге продано, хотя далеко не все российские граждане могут пока раскошиться на «Тоёту», «Вольво» или «Крайслер». С изумлением зарубежные мастера автомобильных дел обнаружили почти полное отсутствие главных вроде бы конкурентов: легковых автомобилей из России и Украины. Лишь АЗЛК скромно спрятал в дальнем углу павильона две машины да отнюдь не автомобильная фирма «ЛЛД» дерзнула показать свою оригинальную модификацию УАЗа. А производители «Жигулей», «Волг» и «Таврий» решили, что незачем тратить на участие в салоне — жители СНГ и так все у них купят, только давай. Но, продемонстрировав таким образом отсутствие новых идей и нежелание поспорить с конкурентами, ВАЗ, ГАЗ и другие враз подорвали свой престиж на рынке международном, и это им еще аукнется. Ведь салон — не ярмарка, а конкурс достижений. И коли достижений нет...

Конечно, не одна скромность хозяев отличала автомобильное шоу в столице России от автосалонов мирового уровня. Не было тут, например, обязательных для элитарных выставок автомобильных премьер. (Чего, впрочем, трудно было ожидать: фирмы приехали присмотреться для первого раза.) Не отвечало международным стандартам оформление павильона, в том числе, качество демонстрационных макетов, которые позволяют заглянуть в самую «душу» машины. Короче, не хватало тех деталей и нюансов, которые определяют уровень. Как детали и нюансы отличают «пятизвездочный» отель от просто хорошей гостиницы.

И все же, по мнению «меж-

дународной автомобильной общественности», у Московского автосалона, повторим, есть неплохие шансы добрать недостающие «звездочки». Если только мы сами не загубим дело. А на это шансы тоже есть. И тоже неплохие. Не успел салон закончить работу, не успели его организаторы (лондонская фирма «Интернешнл Трейд энд Экзибишнс Лтд.» и СП «Меркурий-ЭКСПО») объявить, что следующий состоится в конце августа 1993 года, как газета «Известия» сообщила: есть еще желающие проводить в столице международные автосалоны. А именно — в сентябре того же 1993 года такое же шоу собираются устроить Торгово-промышленная палата России, «Автосельхозмашхолдинг» и «ЛогоВАЗ». Причем патронировать им будет аж само российское правительство. Мы опять оказались впереди планеты всей, потому что два автосалона практически одновременно, в одном городе — до такого никто еще не додумался. Как заметил по этому поводу один из немецких журналистов, специализирующийся на автомобильных делах: «У вас будет два краха и ни одного успеха».

Ну и что? Обогасти же мы весь мир по количеству бирж. Теперь перешибем всех по части салонов. Новых претендентов можно понять: дело-то престижное. Опять же первое автошоу открывал Хасбулатов с замами, почему бы другое не открыть Гайдари с замами? Правда, забыли, что почти в те же сентябрьские дни будет проходить крупнейший автосалон во Франкфурте. Как вы думаете, куда поедут сильнейшие?

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

«Квалитет Лтд.»

Поставляем лес хвойных пород (кругляк и пиломатериалы) в больших количествах

Поставляем продовольственные товары и товары народного потребления из Китайской Народной Республики

Оказываем помощь в подборе партнеров из КНР для создания СП, организуем выставки-продажи Ваших изделий в КНР

Реализуем со склада в Москве:

- спортивно-оздоровительные комплексы и тренажеры;
- аппараты «ЛУЧ-1» для электрорефлексотерапии;
- протеин;
- станки по производству стеновых блоков «Белка»;
- оборудование для автосервиса, в т.ч. подъемник П-157;
- шкуры пушных зверей;
- сетку «рабица» (оцинкованная);
- светильники;
- рабочую одежду (рукавицы спец. утепленные, х/б; поставки от 20 000 шт.).

Наш телефон:

236-32-39;

телефакс: 214-34-74;

контактные телефоны:

157-50-00; 157-15-52

МИЛЛИОН — В БРАЧНУЮ КОРЗИНУ

В свободной России нынче выгоднее жить в свободной любви, но никак не в законном браке. Потому что брак по теперешним временам — это роскошь, а не способ существования. На днях я вздумал узаконить свою любовь. Сыграть свадьбу скромно, но со вкусом. И вот наше чувство так же тихо и красиво угасает. От безденежья.

Судите сами, в какую копеечку «влетает» штамп в паспорте. Не буду перечислять общеизвестное: сколько стоит свадебное платье, черный костюм, белая рубашка, туфли, кольца. Предположим, что все это досталось молодым от бабушек-дедушек. Что бракосочетаются они не во дворце, а в райотделе. И что находится он в соседнем подъезде, куда можно пойти пешком, а не заказывать «Волгу» с пупсами.

Мы, к примеру, ни в каких газетах не читали, что «сам процесс» подорожал с 29 августа, и подали заявление именно в этот траурный для всех будущих супругов день. С нас взяли 800 рублей. Плюс пятнадцать — госпошлины. Ну, думаем, грабеж, конечно, но ладно — на фотографии и марш Мендельсона можно и разориться разок. Приходим в назначенный день. Дама, сидящая за столом, где штампуют паспорта, называет нам сумму: «Сто восемьдесят рублей». «За что? Мы уже заплатили восемьсот...» — «Вы плагили, чтобы у вас документы приняли, теперь — за саму процедуру». Отстегнули снова. Приглашают нас к другому столу. Показывают пачку образцов-фотографий и мило улыбаются: «Тысяча четыреста пятьдесят». Сердце у меня под тощим бумажником

Фото РИА — Новости

ноет, но в глазах любимой надо выглядеть достойно — плачу, но плачу. Наконец, двери распахиваются, музыка звучит — входим. Щелкает затвором фотоаппарат, блестит в глаза... объектив видеокамеры. Нет, съемку мы не заказывали — это они, думаю, для загсовского архива делают, потому и 800 рублей взяли...

Послушали классику и дежурные речи, обменялись, облобызались — выходим. Подбегает юноша делового типа и на глаза у любопытной публики предлагает тут же, на месте, посмотреть кассету, на которой только что был увековечен «самый счастливый миг» нашей жизни. Не хочешь — не покупай, но кто ж посмеет отказаться?! Стоимость этой медвежьей услуги — 750 рублей. Подсчитал — в три с половиной «штуки» обошлось нам зайти и выйти в эти двери. Зато я твердо уверен — шаг этот для меня окончательный и бесповоротный, поскольку служительницы загса предупредили: за развод сегодня они берут тысячу сто рублей...

И теперь я думаю: а может, взять да и забастовать нам всем: не жениться, не разводиться, не рожать детей и не помирать? Вдруг «они» испугаются и сбавят цену?

Алексей БЕСПРОСВЕТНЫЙ

ЦИТАТА

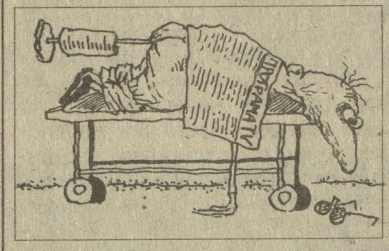
В. БУКАТЫЙ,
Москва

Страна катится в пропасть, промышленность и сельское хозяйство разваливаются. А преступники-экономисты по-прежнему продолжают свои реформы, чтобы окончательно всех нас погубить.

Однако если какой-нибудь экономист попадет в руки врачей, то они начинают его лечить и продлевают жизнь, хотя и понимают вредность этого человека для страны. Они ведь скованы клятвой Гиппократова и всякого человека должны лечить, даже если он экономист.

Я предлагаю создать Союз Врачей — Спасителей страны. Они дадут новую клятву — если в их руки попадет экономист (особенно из тех, которые работают над правительственными программами), они должны будут немедленно отравлять его, сделать так, чтобы он полностью лишился трудоспособности.

Так мы спасем страну и вдобавок сэкономим на зарплате. И по телевизору больше станут показывать интересных фильмов.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

В ЖАРКИХ СТРАНАХ И ДЕНЬГИ В РУКАХ ГОРЯТ...

Засуха и неурожай опустошают поля и карманы жителей африканских стран Намибии, Замбии, Танзании. Стихийные бедствия и голод сочетаются с неумными аппетитами глав этих государств. Президент Намибии, к примеру, купил за государственный счет реактивный самолет стоимостью 80 миллионов рандов и одновременно протянул в Скандинавию руку за помощью в 22 миллиона рандов. Президент голодающей Замбии летает на реактивном авиалайнере, ремонт которого в Соединенных Штатах обошелся африканской стране в миллионы долларов. Всем 232 членам парламента Танзании недавно были закуплены японские лимузины новейших марок с электронным оборудованием.

КОММЕРСАНТЫ ИДУТ НА СДЕЛКУ... С ВЕДЬМОЙ

Ведьминское дело стало сегодня вполне законным бизнесом. Хозяйка первого на территории бывшего СССР гадающего салона, что открылся в Риге, называет своих сотрудниц «ведьмочками» и имеет с них, говорят, немалую прибыль. Неудивительно, поскольку к одной из лучших в салоне гадалок по имени Люба часто заходят бизнесмены — узнать судьбу той или иной сделки. Люба стажировалась у одной кубинской ведьмы — этот факт известен местным предпринимателям. Они доверяют заграничной науке больше, нежели отечественной, а потому щедро золотят ведьме ручку.

ЛЕЧИТЬСЯ ДАРОМ? ТОЛЬКО ЗА ВЗЯТКУ

Примерно треть израильских врачей считают, что получение денежной «благодарности» от больного не является нарушением морально-этических норм. Таковы данные исследования, проведенного недавно сотрудниками Еврейского университета в Иерусалиме среди 700 практикующих медиков. 99 опрошенных из 100 заявили, что получение взятки от пациентов стало в последнее время «распространенным явлением».

Сообщившая об этом газета «Маарив» отмечает, что особенно грешат со взятками в хирургических отделениях государственных больниц, где врачи получают относительно невысокую зарплату.

ИТАР—ТАСС

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Интимные услуги для богатых. Т. 312-23-94

Приглашаем девушек без комплексов для работы. Т. 122-10-17

Дачники! Целостность имущества на ваших дачах с осени до весны обеспечит беспроводная система централизованной охраны. Приглашаются агенты по продаже системы. Т. 333-34-65

Сдаю благоустроенную квартиру (рядом м. Беляево и Битцевский лес) за СКВ. Т. 466-15-86

Продаю мягкую мебель «Сони» (Югославия), дорого. Т. 392-55-47

Гюзель АНУЛОВА

ТАК БОЛЬШЕ ТОРГОВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Каждый день обнаруживается какой-нибудь неприятный сюрприз: то зерно нам отказываются поставлять ввиду злостной неоплаты прежних долгов, то поезда грозятся не пропускать по той же причине. Всего же неоплаченных счетов зарубежных поставщиков, по оценкам, у России скопилось не менее чем на 700 миллионов долларов.

Ни для кого уже не секрет, что внешнеэкономическая сфера России находится в состоянии глубокого кризиса. За первое полугодие текущего года внешнеторговый оборот сократился почти на одну треть. Особенно резко падает экспорт (на 35 процентов), а сравнительно более медленные темпы снижения импорта (на 24 процента) объясняются разве что исползованием иностранных кредитов.

Кто же виноват в таком состоянии дел? Конечно, проще всего всю вину свалить на кризис вообще. На мой взгляд, главный источник коллапса в другом, а именно: в очевидных ошибках и некомпетентности тех, кто отвечает за внешнеэкономическую политику.

Настоящая беда российской внешней торговли — превращение ее в область непрекращающихся дилетантских экспериментов. За истекшее полугодие не прошло ни недели, чтобы на голову экспортеров и импортеров не сыпались, как из рога изобилия, все новые постановления и инструкции, заставляющие противоречащие друг другу

или друг друга отменяющие. Ставки экспортных пошлин менялись по меньшей мере пять раз. Уже успел поменяться и импортный тариф, введенный в июне. Вводились и отменялись компенсации уплаченных пошлин. Серьезные экспортеры и импортеры не могут четко планировать свою деятельность в такой обстановке, благоприятной лишь для полуполюгальных сделок в обход всякого законодательства.

Мало того, решения во внешнеэкономической сфере чаще всего принимаются, очевидно, по принципу «давай прикажем, а потом видно

будет». Как иначе могла появиться на свет в январе текущего года первая версия таможенного экспортного тарифа, где пошлина на экспорт, например, калийных удобрений была в четыре раза выше мировой цены? Уже полгода то и дело возмущается о закрытии магазинов, торгующих на валюту на территории России. Таким ораторам, видимо, невдомек, что создаваемый их заявлениями фактор риска включается в цены соответствующей торговли.

Регулирование внешнеэкономических связей стало сферой очередного, «посткоммунистического», мифотворчества. Уже полгода правительство постоянно возмущает, что оно проводит «либерализацию» внешнеэкономических отношений. Этот лозунг изначально не верен, так как внешнеэкономическая деятельность при нынешнем состоянии экономики не может развиваться по законам свободного рынка. Но, хуже того, на практике под прикрытием данного лозунга у нас вводится все больше ограничений, ведущих к фактическому удушению свободного предпринимательства в данной сфере.

Последний пример из области «либерализации» — решение о запрете экспорта «стратегически важного» сырья кем бы то ни было, кроме предприятий и организаций, получивших специальное разрешение МВЭС. Подумаешь, казалось бы, всего 13 товарных групп! Но по объему они составляют не менее 95

процентов отечественной продукции, имеющей хоть какие-то шансы быть проданной на внешнем рынке. Нет, просить об искомом разрешении не возбраняется никому! Однако не требуется особенно живого воображения, чтобы представить себе ход дела, когда отбор экспортеров будет производиться на основе наличия у них «достаточного опыта и возможностей», «аккуратного выполнения прежних обязательств» и прочих эфемерных критериев.

Да что там «либерализация»! Апофеозом абсурда во внешнеэкономическом регулировании стала не она, а так называемая внутренняя конвертируемость рубля. При отсутствии официального определения, что же это такое, каждый понимает под этим термином свое, но обязательно что-то чудесное и обещающее немедленное спасение. Пока же единственный реальный результат суеты вокруг конвертируемости — это валютный курс в 200 с лишним рублей за доллар, который по духу и букве последней инструкции должен применяться во всех отношениях правительства с экспортерами: при налогообложении, составлении балансов предприятий... При этом, правда, напрашивается несколько «неактивных» вопросов. Позволим ли мы иностранцам участвовать в приватизации российской собственности по такому обменному соотношению? Будут ли авторы концепции платить налоги со своих валютных доходов по такому курсу? За счет каких средств правительство собирается покупать валюту на рынке для погашения внешних долгов при таком курсе? Не надо быть провидцем, чтобы спрогнозировать безвременную кончину идеи единого курса, хотя круги экономической неразберихи после этого очередного эксперимента будут еще долго наносить дополнительный ущерб внешнеэкономической сфере России.

Представители правительства часто сетуют, что принимаемые положения и инструкции в значительной степени не выполняются участниками внешнеэкономических связей. В то же время далеко не все «уклонисты» — заядлые злоумышленники. Одна из причин невыполнения — чрезвычайная сложность, «заумность» многих документов, явно несущих на себе отпечаток менталитета младших научных сотрудников, только что пересевших в ответственные кабинеты.

Постоянно декларируя свое стремление привлечь иностранных

инвестиции для поддержки рыночных реформ, правительство на деле предприняло за последние полгода ряд действий, серьезно отпугивающих инвесторов. Большинство из этих действий происходит из ложно понятой концепции «унификации условий деятельности» отечественных и иностранных инвесторов на диком российском рынке. Так, наши власти отменили двухлетние налоговые каникулы, которые с 1988 года служили для многих фирм одним из важных стимулов создания СП в СССР и затем в России. Недавно, одумавшись, правительство восстановило эти льготы для СП, зарегистрированных до 1 января 1992 г., но внесенную нервозность компенсировать трудно.

Крайне отрицательную роль сыграло введение личного подоходного налога в размере 60 процентов при годовом доходе более 420 тыс. рублей. Многие иностранные компании приняли решение отозвать свой персонал, постоянно работающий в России и подпадающий под местное налогообложение. Теперь, после внесения еще одной волны нервозности в деловую обстановку, верхняя ставка налога понижена до 40 процентов с годового дохода более 600 тыс. рублей (или

чуть больше 3 тыс. долларов по нынешнему рыночному курсу). Часть ошибки, хоть с опозданием, исправлена, тем не менее это налогообложение воспринимается иностранными партнерами весьма болезненно, ибо нигде в мире человек с тремя тысячами долларов годового дохода не подпадает под верхнюю ставку налога.

Одним словом, в то время как большинство соседних республик соревнуется друг с другом в деле предоставления дополнительных льгот иностранным инвесторам и добивается значительных успехов в развитии сотрудничества, Россия, по сути, отталкивает зарубежные компании. Неудивительно, что стала проявляться тревожная тенденция «ухода» иностранного капитала. По некоторым данным, только за июнь прекратили свою деятельность 20 СП, а вновь создаваемые СП отличаются исключительно мелкими размерами уставного капитала.

Вдобавок произошла неслыханная бюрократизация внешнеэкономических связей. Для большинства честных иностранных бизнесменов остается загадкой, как происходит включение проектов в кредитные линии, по какому принципу определяется priori-

тетность погашения просроченных аккредитивов. Невольно складывается впечатление, что полная неясность в ряде ключевых для иностранных партнеров вопросов весьма выгодна кое-кому из новой внешнеэкономической номенклатуры. «Российские инстанции, ответственные за решение вопросов внешних кредитов и задолженности, — пожаловался мне как-то глава представительства одного из западных банков в Москве, — меняются чуть ли не каждую неделю со скоростью, которой Че Гевара мог бы позавидовать в своей тактике партизанской войны».

Примечательно, насколько быстро эта номенклатура нашла общий язык с чиновниками из Международного валютного фонда. И те и другие теперь пытаются убедить население, что любое отступление от нынешних доктрин правительства повлечет за собой гнев МВФ, в результате чего чуть ли не пароходы с зерном останутся посреди океана. Вместе с тем, как показывает опыт многих других стран, любые разумные поправки можно согласовать, когда переговоры ведутся на уровне государственных деятелей, а не мелких исполнителей.

Путь в заманчивый мир бизнеса откроет профессия рекламного агента!

Позвоните по телефону (095) 928-70-17,
и мы расскажем Вам об искусстве нового для Вас дела,
которое гарантирует стабильность в жизни!

Мы платим высокие проценты от суммы договоров.

Звоните!
(095) 126-10-77

Вниманию предпринимателей!

Желающие преуспеть в деле производства
прохладительных напитков могут приобрести
израильские жидкие концентраты: апельсин, лимон,
банан, ананас, вишня.

Из 1 г концентрата можно получить 30 литров
газированного напитка.

Контактный телефон:
928-99-09

Сергей ТОЛКАЧЕВ

ОСТРОВ СТАБИЛЬНОСТИ В ВОСТОЧНОМ МОРЕ

Мало кто знает современную историю Болгарии. Новое государство было воссоздано в 1878 году после завершения кровавой войны за независимость. Серия договоров, подписанных после окончания военных действий, оставила Болгарию в сфере влияния России и Германии. В 1944 году влияние Германии закончилось. Советские войска вошли в Болгарию.

Коммунисты взяли контроль над страной в свои руки не без помощи восточного брата. Советский Союз фактически руководил страной руками коммунистического диктатора Тодора Живкова вплоть до его ухода с поста. Его усилиями Болгария едва не стала нашей 16-й республикой.

Сегодня Болгария выглянула из-за «железного занавеса». Она претендует на роль балканского мостика между Востоком и Западом, пытается сделать энергичный рывок к свободе, открывает границы и демонстрирует свои почти неиспользованные возможности. Из всех стран бывшего восточного блока ни одна не была так плотно «зашторена» «железным занавесом», как Болгария, и потому ее продвижение к демократии то и дело наталкивалось на сопротивление бывших коммунистических лидеров экономическим реформам. Но прошлой осенью на вторых после разгрома фашистской Германии свободных выборах коммунисты потеряли

множество голосов и на их место пришла коалиция продемократических политических партий, названная Союзом демократических сил (СДС). Как сказал в интервью американскому журналу «Ньюсуик» спикер болгарского парламента Стефан Савов, самая значительная дата в новой истории Болгарии 13 октября 1991 года — день, когда СДС победил на выборах.

В апреле нынешнего года обновленный парламент принял новое законодательство, касающееся приватизации государственной собственности. Теперь иностранные компании вправе полностью использовать доходы, полученные в результате производственной деятельности на территории страны с гарантией возврата (на случай непредвиденных обстоятельств) всего капитала и прибыли. Более того, совместные предприятия, созданные на паритетных началах с иностранным капиталом, облагаются более низкими налогами, чем болгарские компании.

Своей популярностью СДС во многом обязан закону об аграрной реформе. Согласно этому закону сельскохозяйственные угодья возвращаются их бывшим владельцам, а коллективные государственные хозяйства распускаются. Во многом благодаря этому выпуск сельскохозяйственной продукции частным сектором уже в 1991 году увеличился на сорок процентов. Значение происходящего

подчеркивается министром финансов Болгарии Иваном Костовым, считающим, что из всех стран Восточной Европы Болгария наиболее радикально настроилась на меры по возвращению земли и недвижимости их бывшим владельцам.

Как ни странно, самая большая проблема, стоящая перед болгарями, — убедить Запад в искренности и реалистичности масштабов проводимых реформ. Из-за долгого пребывания страны в политической и экономической тени бывшего Советского Союза западные бизнесмены мало знают об огромных преимуществах Болгарии как стабильного звена бывшего восточноевропейского лагеря.

В западной прессе цитируется мнение Йоркера Нистрома, президента американской компании, дающей консультации по менеджменту и инвестированию в восточноевропейских странах. Он настроен реалистично, считая, что страны СНГ все еще являются главными и наиболее предпочтительными торговыми партнерами для Болгарии. «Коллапсирующая экономика в этом регионе поначалу больно ударила по болгарам, — говорит Нистром, — но тесные связи с бывшим Советским Союзом в скором времени могут стать для Болгарии благотворным стимулом».

Болгария десятилетиями насыщала рынки России, Украины и других советских республик своими товарами.

Связь с бывшим Советским Союзом не прервана, и она по-своему уникальна на общем фоне взаимоотношений между восточноевропейскими партнерами. Одну лишь Украину, к примеру, по числу возможных экономических связей можно сравнить с Францией. Долгая история торгового партнерства Болгарии и России помогает сохранить стабильность во взаимоотношениях. Болгарские товары, особенно химические продукты, электроника, компьютеры, одежда, — все это давно ценится в России, использовавшей, например, при выполнении космических программ компьютеры из Болгарии.

«Нам легко работать с русскими, — заявил в западной прессе министр финансов Костов. — Мы знакомы с их традициями, психологией. Западу довольно трудно строить свой бизнес в восточном блоке, а мы всегда умудрялись делать его с большой для себя выгодой». К этому можно добавить, что торговые отношения между болгарским и русским рынками облегчаются и сходством языков, которые достаточно близки, чтобы понимать друг друга почти без перевода.

Интересно сравнить особенности перехода Болгарии к демократии, ее вхождение в новую международную систему с тем, как подобные процессы происходят в соседних странах. В то время как бывшая Югославия напоминает кипящий котел, переживая период распада в процессе отхода от коммунизма, Болгария продолжает оставаться образцом стабильности. По мнению премьер-министра Болгарии Филипа Димитрова, высказанному корреспонденту журнала «Ньюсуик», его страна до какой-то степени застрахована от того типа межэтнических конфликтов, которые опустошают сейчас Югославию. Объяснение этому можно найти в недавней истории страны. Оппозиция коммунизму и влиянию Советского Союза имела в некоторых странах националистический оттенок. Болгария избежала этого соблазна благодаря тому, что за последние пять лет существования коммунистической эры изживший себя режим уже был замешан в националистической пропаганде и преследованиях по этническому признаку. В Болгарии оппозиция коммунизму представляла собой в то же время борьбу за права человека, противостояние национализму. Сейчас положение таково, что представители этнических и мусульманских религиозных групп активно работают в парламенте и сотрудничают с СДС.

«Политика, проводимая премьер-министром Димитровым, заставила многих на Западе по-иному отно-

ситься к слову «Болгария» после длительного периода сомнительной международной репутации нашей страны, — заявил публично Константин Мишев, политический советник премьер-министра по чрезвычайным вопросам. — Сегодня Болгария способна играть эффективную дипломатическую роль в новой Европе».

Любопытно в этом отношении и мнение высокоразвитых стран Востока. «Болгары — люди сильной воли», — считает посол Южной Кореи в Болгарии Джоа Су Ким. Он так уверен в будущем Болгарии, что убедил многие южнокорейские компании разместить здесь свои капиталы. Свой бизнес в Болгарии делают сейчас «Самсунг», «Голдстар», «Дей Ву», «Санкьенг» и другие. Ключ к успеху в том, считает посол Южной Кореи, чтобы еще шире распространять информацию о болгарском экономическом потенциале среди иностранных инвесторов.

Снимаются запреты, раскрываются секреты, и на глазах у изумленного Запада и Востока начинает распускаться чудесная болгарская роза — давний символ этой страны. Многие наблюдатели ожидают в ближайшем будущем взрыв небывалого интереса к Болгарии со стороны западного капитала. Побывавший там недавно заместитель госсекретаря США Лоуренс Иглбергер сказал, например, что «...между Софией и Вашингтоном уже сейчас наметились многообещающие тенденции совместного сотрудничества в области агробизнеса, производства осветительных приборов, туризма».

Западные инвесторы мгновенно откликнулись на изменения в болгарском законодательстве. Британская компания «Ровер груп» подписала в январе договор о намерениях о создании совместного предприятия с болгарским машиностроительным концерном «МРФ Терем». Проект, одобренный недавно Советом министров, будет означать решительный перевод технологии на западные рельсы, включая производство пресового оборудования и оборудования для сборочных линий.

Британская компания «Джи-пити Пейфун Систем» создала в мае совместное предприятие с болгарским телекоммуникационным управлением «Бетком», которое сразу же расширило абонентскую сеть в курортных и других важных туристических районах страны.

А между тем свои открытия в Болгарии делают не только бизнесмены, но и туристы, любители отдыха. Приезжая в обновленную Болгарию, они знакомятся с чудесами, которые доселе были скрыты за «железным занавесом». Горнолыжные курорты,

историческая архитектура, оздоровительные пляжи. Премьер Димитров смело заявил, что географическое положение страны в сочетании с хорошим климатом, развитой туристической индустрией и богатой историей дает возможность Болгарии соперничать с Грецией. «Единственное отличие от Греции в том, — говорит Димитров, — что наши курорты лучше».

Говоря о болгарской промышленности, нельзя не упомянуть и о производстве розового масла. Долина роз близ Казанлыка, к югу от Балканских гор, дает до восьмидесяти процентов всей мировой добычи этого душистого вещества, которое идет на парфюмерные рынки Франции и других западных стран. Кому не знакомы маленькие деревянные флакончики с розовым маслом, которые продаются по всей стране и являются традиционным подарком, прекрасным воспоминанием о проведенном в Болгарии отпуске!

Когда в 1991 году наметился глубокий кризис в торговле во всей Восточной Европе, вызванный распадом связей с бывшим Советским Союзом, в Болгарии единственная отрасль промышленности продолжала получать большую прибыль: государственная табачная компания «Булгартабак» разбогатела за это время на 100 миллионов долларов. Сегодня президент компании «Булгартабак» Иван Дичев с оптимизмом смотрит в будущее. Вновь принятое сельскохозяйственное законодательство, как ожидается, будет стимулировать производство на частных табачных фермах. А молодежь, соблазненная новыми возможностями, все чаще переезжает из города в деревню, чтобы обрабатывать теперь уже свою землю.

Вскоре «Булгартабак» обязательно будет иметь солидного западного партнера. Два года тому назад начались переговоры с «БАТ индастриз» — британской табачной корпорацией, но они были прерваны из-за отсутствия в Болгарии законодательства по вопросам иностранного капиталовложения. Поскольку новые законы уже действуют, Дичев ожидает усиления интереса со стороны Запада. «Мы можем иметь дело и с британцами, и с немцами — с кем угодно. Все дело в том, чтобы побыстрее накопилась практика применения законов по зарубежному инвестированию».

...Старая живописная Болгария, пережившая множество войн с иностранными захватчиками, вновь готовится к вторжению. Но теперь она ожидает его с нетерпением, поскольку оно сулит выгоду и процветание.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТЕЛЕВИЗОР

— это проекционный телевизор. Диагональ экрана — 1,2—2,5 м. Предлагаемые нами проекционные телевизоры и видеопроекторы значительно уступают зарубежным аналогам. В цене. Но не в качестве.

Предприятие-изготовитель обладает ноу-хау в производстве кинескопов (важнейший элемент видеопроектора), превосходящих лучшие зарубежные образцы по яркости и некоторым другим параметрам. Отражающее покрытие экрана — японского производства.

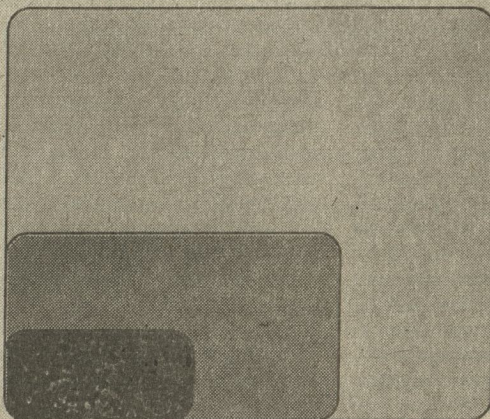
Видеопроектор
(диагональ экрана — 250 см,
яркость — 70 кд/м²)

Проекционный телевизор
(диагональ — 115 см,
яркость — 200 кд/м²)

Обычный телевизор
(диагональ — 60 см,
яркость — 100 кд/м²)

В отличие от кинопроектора наш видеопроектор можно смотреть и при дневном свете. А видеокассета несравненно доступней, дешевле и удобней киноплёнки.

Наша продукция прекрасно зарекомендовала себя в аэробусах, гостиницах, видеотеках, барах, дискотеках, учебных заведениях, посольствах, на теплоходах и в домах богатых людей.

По желанию заказчика встраивается блок, позволяющий выводить на экран видеопроектора информацию с компьютера. Это очень удобно при коллективном использовании компьютерной информации — в аэропортах и учебных центрах, на вокзалах и биржах.

Телефон: 928-99-09.

Факс: 921-29-85 СЕМЕНИК.

Вы избавите себя от долгого ожидания выполнения заказа, если, не теряя осмотрительности, проявите быстроту и решительность.

ГЕРОИ ВИДЕО — В ПОЛНЫЙ РОСТ!

КВАРТИРА

ИЛИ ДЕНЬГИ?

Проводимые фирмой «АТРИС»
лотереи «МАЛЕКС» — *это и то,
и другое!*

Суперприз — 5-комнатная квартира в Москве.

В связи с инфляцией денежные призы постоянно индексируются.

Тем, кто НЕ ВЫИГРАЕТ в наших лотереях
квартиру или коттедж, мы построим их БЕСПЛАТНО!

Наши телефоны: 902-09-02, 489-05-53

Звоните, господа, и Вам обязательно улыбнется удача!

Предлагает

Оперативные типографские услуги:

- бланки,
- брошюры,
- этикетки и т.п.

☎ 283-44-81

«ВЫБОР»

Склонившись у цветущего нарцисса,
Воскликнул Авиценна: — О, Медисса!
Известнейших врачей ты превзошла —
От Персии моей и до Туниса!

«МЕДУССА» — это Украинско—Арабо—Эмиратское совместное биомедицинское предприятие, работающее в тесном контакте со швейцарской фирмой «ВЕКРОМА».

«МЕДУССА» выпускает информационно-активные лекарственные средства, успешно прошедшие клиническую апробацию при лечении вирусных гепатитов, хронических заболеваний печени, почек, радионуклидной отягощенности, гриппа и других заболеваний.

«МЕДУССА» — это новейшие разработки в области медицинской электроники и диагностического оборудования. Уникальный компактный комплекс электропунктурной диагностики способен полностью заменить диагностический центр, ставя диагноз всего за 30—40 минут.

«МЕДУССА» предлагает уникальный способ выявления ВИЧ-инфекции на базе персонального компьютера, а также универсальный портативный прибор с автономным банком данных (16 000 ед. информации), позволяющий работать без компьютера.

МЕДИЦИНА НА ГРАНИ ИСКУССТВА — девиз СП «МЕДИССА»!

Звоните и пишите: 333025, г. Симферополь, ул. Киевская, 88, ком. 67.

☎ (8-065) 27-74-70, 22-49-67. Факс (8-065) 25-30-86

Фирма

«ЛЮМИНА»

тел. факс 110-92-91 с 10.00 до 18.00

Москва, ул. Артековская, д. 5 «А»

Принимает товары на
ответственное хранение
Все виды
транспортных услуг

Предлагает
мелкооптовые партии
товаров народного
потребления

Рекламные услуги
в любом виде
Цены ниже
рыночных на 30%

Оплата в любой форме
Рассмотрит
предложения
по бартеру

Нетрадиционный метод строительства

предлагает концерн «Коммунтехника»

Из наших объемных блоков можно построить
коттедж и многоэтажный жилой дом,
представительство фирмы и заводской корпус.

- Пониженный расход бетона и арматуры;
- высокие темпы строительства;
- многовариантность компоновки;
- возможность строительства в любых климатических зонах;
- стоимость в блоке 1 кв. м — 1500 руб.

Эти и другие преимущества
привлекут Вас
к сотрудничеству с нами.
Идея и технология метода
запатентованы.

Мы действуем под эгидой «Фонда
социальной защиты бывших
военнослужащих» и приглашаем
принять участие в наших
программах как военных
строителей, так и
предпринимателей.

Наш адрес: 101942, Москва,
ул. Мясницкая, 13

Телефоны: 921-39-50; 927-22-88.

Факс: 921-25-85.

Телетайп: 11426 «Табак»

Коммунтехника

МАНЕКЕНЩИЦЫ ОТ КУСТОДИЕВА

Какой должна быть манекенщица?

Манекенщица должна быть молодой, высокой и стройной. Портреты самых знаменитых «топ-моделс» западных светских журналы печатают чаще, чем фотографии президента США. Рядом обязательно приводятся цифры: рост, объем талии. 176, 56 — Наоми Кемпбелл, 180, 62 — Клаудиа Шиффер.

А еще манекенщицы должны быть полными и невысокого роста. Именно таких приглашает на работу Дом моделей трикотажных изделий «Сретенка».

— Все зависит от того, для какой работы требуются манекенщицы, — объясняет главный конструктор Дома моделей Л.А.Маслова. — У нас работают, разумеется, и те, кого мы называем «острыми манекенщицами». Это молодые длинноногие девушки, которые очень хороши собой, но которых не часто встретишь на улице. Они выступают на подиуме, демонстрируют яркую молодежную моду, коллекции рядов, новые направления. Но Дом моделей создает одежду, предназначенную для обыкновенных русских женщин. Значит, мы должны хорошо представлять, как они выглядят.

А выглядят они так: средний рост 164 сантиметра, 48—50—52-й размер. Это вполне научные данные. Раз в десять, примерно, лет проводятся исследования, на основании которых создается «портрет» нашего населения. И выясняется, что русские женщины отличаются от западноевропейских — по объему груди, постановке фигуры. Может быть, тому есть историческое объяснение — на Руси всегда идеалом красоты считалась пышная женщина, в духе кустодиевской «Красавицы». И образ жизни оказывает

влияние. Попробуй-ка быть хрупкой и изящной, если таскаешь тяжелые сумки и ешь хлеб, картошку и макароны. Для того чтобы разрабатывать модели на таких женщин, и требуются «типичные манекенщицы».

— Кто идет на эту работу?

— Чаще всего — бывшие «острые модели», только уже в годах. Но у нас работают и «женщины с улицы», которые к миру моды раньше никакого отношения не имели. Конечно, мы берем не всех. Фигура должна соответствовать типовым стандартам. И еще требуются приятная внешность, хорошие манеры, обаяние. Эти женщины участвуют в нашей каждодневной работе. На них производят примерки, они демонстрируют новые модели на художественных советах.

— А на подиуме они не выступают?

— На парадах моды, где демонстрируются экстравагантные модели, образ моды на ближайшие годы, — нет. Но у нас бывают показы на предприятиях. Любая организация может заказать для своих сотрудников показ изделий и продажу их тут же, на месте. И наши полные дамы тут просто необходимы. Любого наряд, если вы видите его на ком-то, кто рядом с вами, воспринимается совершенно по-другому, чем когда он просто висит на вешалке. Правда, не все принимают в показах участие — для подиума требуется высокий рост, маленькие женщины на нем не смотрятся. И вы знаете, именно «типичные модели» пользуются наибольшим успехом. Нарядами, в которых показываются хорошенькие, неземные создания, зрительницы восхищаются, но большинство понимает, что это не для них. А когда появляется полная, но элегантная и интересная дама, одетая в костюм, который подойдет и многим в зале, то ее встречают взрывом аплодисментов.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

Б.Кустодиев
Красавица

НЕПОЛАДКИ УСТРАНЕНЫ. «ПОЛЕТ» ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО

— Ну неужели так уж шумно? — спрашиваю.

— Вот вы придите сюда часа в два ночи и послушайте сами. Не пожалеете.

...«Столице» в который раз приходится возвращаться к теме постоянного спора между жильцами дома № 17 по Тверской и хозяевами «Night flight» — клуба ночного досуга для держателей СКВ. Он, напомним, занимает первый этаж того же здания и в дневное время называется по старинке кафе «Север».

Главным поводом для недовольства жильцов еще с прошлой осени стал, выражаясь строго, высокий уровень шума в те часы, когда основная масса нашего народа имеет обыкновение спать.

Шведские владельцы «Night flight», прослушав жалобы своих соседей, даже выписывали с родины специалистов-акустиков, чтобы те сделали замеры. Замеры показали, что музыка в клубе играет тихонько, ровно в столько децибел, сколько и надо для соответствия мировым стандартам.

Но то ли жильцы с уникальным слухом подобралась, то ли акустики аппаратуру не настроили — словом, инцидент не исчерпался. Искали иные варианты снятия напряженности — все без особого успеха. В конце концов было объявлено, что «Night flight» перелетит в другое, более подходящее для валютного буйства место, вроде бы даже в ресторан «София». Об этом с удовольствием и вполне оперативно сообщили городские газеты.

...Но переезжать-то как раз никто никуда и не собирается. По наблюдениям жильцов, клуб даже занялся более основательным внутренним обустройством собственной «суверенной» территории. А чтобы укрепить свои «бастионы» окончательно и бесповоротно, хозяева «Полета» прибегли и вовсе к замечательному способу: стали сулить жильцам всяческие блага. Как-то: лекарства — больным, детсады — многодетным, деньги — бедным (не худо бы и «землю — крестьянам»).

Слаб духом наш человек пореформенной эпохи — не каждый может вот так взять и отказаться. (Иным, говорят, предлагали даже сокровенный «Membership card» — то бишь постоянный пропуск в клуб, безо всякой входной платы, да еще на две персоны. На такую штучку я бы сам, ей-богу, купился.) Потому единый фронт «сопротивления» как-то обмяк, расплылся... Чем, собственно, сердце клубменов и может успокоиться.

Один из жильцов, правда, шепнул мне на ушко, что не так-то все просто. Ведь к демократичным отцам города взывали неоднократно. Но кто-то там, видать, очень заинтересован, чтобы «ночные полеты» не прекращались и протекали без осложнений в этом уютном местечке — напротив Елисеевского, наискосок от чугунного Пушкина, в двух минутах ходьбы от Моссовета.

...Некоторым обитателям дома № 17 уже предлагают другие квартиры. Чтобы музыка спать не мешала.

Алексей БЕЛЯКОВ

ГОДОВЩИНЕ АВГУСТА...

Годовщину Августа—91 всяк отмечал, как мог, в силу отпущенных ему природой и обществом возможностей.

Интересный и чисто российский способ празднования был разработан двумя рабочими Сормовского завода в Нижнем Новгороде. В ночь на 19 августа они были задержаны при попытке хищения с родного предприятия 1407 ящиков водки. Путно у «мужичков» были

изъяты приспособления для закручивания пробок и еще одна, но уже личная, бутылка водки. Правоохранительные органы пока не могут понять одного: каким образом наши герои собирались транспортировать свои приобретения. Для этого им бы потребовалось не меньше двенадцати грузовых машин.

Андрей СМЕРНОВ
(ИА «ПАС»)

...ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ

...А в городе Порхове Псковской области на время праздника «Виват, Россия!» администрация позволила всем частным торговцам продавать любой товар без лицензионного сбора. По такому замечательному поводу горожане вынесли из закрытых весь алкоголь. Водки, говорят, было море разливанное...

Анатолий ТИХАНОВ

ДРУГИЕ БЕРЕГА — ДРУГИЕ ГОНОРАРЫ

Помните знаменитое стихотворение «Коммунисты, вперед!»? Хорошее стихотворение: Автор — Александр

Петрович Межиров. По имеющимся у нас проверенным данным, сейчас поэт находится в Соединенных Штатах, в Нью-Йорке, пытается устроиться на работу, в чем ему активно помогает Евгений Александрович Евтушенко. Помощь, правда, пока не принесла результатов. Видимо, скоро Александр Петрович напишет стихотворение «Коммунисты, назад!».

А в Калифорнии нашел приют другой поэт — Марат Акчурин. Он долгое время был редактором в издательстве «Современник». Однако теперь литературой никак не занимается. Хотя недавно и опубликовал заметку в калифорнийской газете «Панорама». Но гонорар в несколько десятков «зеленых» очень огорчил поэта, о чем он уведомил заместителя главного редактора «Панорамы» Петра Вегина, тоже, между прочим, в прошлом известного советского поэта. У Петра Викторовича, кстати, дела вовсе не плохи. Говорят, он оформил фиктивный брак. Дочка находится с ним. И Петр Викторович не тужит. Недавно он прислал новую подборку стихов в журнал «Юность». Вообще нашего брата в Штатах много. Мы нигде не пропадем.

— Евгений ДУБИНКИН

ТИПОГРАФСКИЕ ТРУЖЕНИЦЫ ВСТАЛИ В ПОЗУ

Невосприимчивыми к новому искусству оказались работники типографии «Каскад» в Смоленске. Прочитав рукопись московского литературного журнала «Пост», они не стали ее набирать и заявили, что авторы издания призывают к насилию, порнографии и растлению молодежи. «Пост» и в самом деле рассчитан преимущественно на молодую аудиторию. Только ее, по словам редактора нового журнала Игоря Шулинского, они собираются не растлевать, а просвещать.

Никакие уговоры директора типографии, демонстрировавшего разъяренным женщинам уже подписанный контракт с издателем «Поста», не смогли убедить их взяться за работу. «Каскаду» пришлось отказать от заказа. В ответ редакция журнала пригрозила неустойкой. Руководство типографии, уверовав в непогрешимость «экспертных» оценок своих рабочих, также выразило готовность к разбирательству, но уже — за расправу нецензурщины.

Игорь Шулинский заметил, однако, что широкая ауди-

тория, наверное, не готова еще к восприятию столь авангардного издания. Но уже одно участие в журнале таких признанных мэтров новой литературы, как Виктор Ерофеев, Эдуард Лимонов, Дмитрий Пригов и другие, должно было убедить любого интеллигентного человека, что это не какая-то коммерческая проделка, а настоящее искусство. В том же «Каскаде», заметил Игорь, выпускаются всякие «сексдайджесты». По его словам, появление журнала должно было стать заметным событием в литературной жизни столицы. Заблаговременно заказали и презентацию, а Виктором Ерофеевым обещана специальная телепередача к дню, выхода нового издания.

Но, несмотря на то, что типографское рождение «Поста» теперь отложено на неопределенный срок, Игорь заверил: его редакция полна решимости и планов. Так, уже второй номер журнала будет полностью посвящен смоленским наборщикам. В него войдут только те произведения, которые смело можно назвать народными, поскольку они, по мнению авторов, понятны абсолютно всем.

Сергей САФРОНОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Я вот о нищих хочу сказать. Даже не столько о них, сколько о нас... Только не перебивайте, пожалуйста, и не говорите, что мы сами нищие, а эти, что в переходах сидят, скоро себе брокерские места покупать начнут. Давайте я договорю, а потом уже вы, хорошо?

Тут что интересно — и вы не могли этого не заметить — просящих подаяние меньше не становится, скорей, наоборот. «Христардичают» кто во что горазд: многообразие форм этого «жанра» нет нужды описывать.

Однако рука дающего не оскудевает. После всех разоблачительных телевизионных сюжетов, после глумливых газетных опусов — не оскудевает, хоть тресни. При чем подают граждане не формально, так сказать, — тра-

Алексей БЕЛЯКОВ

НИЩЕТА СПАСЕТ МИР

диционные пятнадцать — двадцать копеек, а с «индексацией», учитывая инфляционные процессы, будь они непадны.

В отличие от былых партийных отчислений или взносов в это — как его? — Общество охраны памятников милостыня — дело не только что добровольное, но даже по-своему интимное. Я могу лишь догадываться о мотивах, вынуждающих инженера залезать в кошелек и вытаскивать рубль, а то и де-

сять. Я не знаю, почему вот та сутулая женщина в коричневом пальто сейчас остановилась перед нетрезвым старичком в очках и положила ему в руку трояк. Я обгоняю женщину и принимаюсь — пожалуй, слишком откровенно — рассматривать ее лицо. На нем не отражается ни благодати, ни облегчения, ни скорби. Женщина сунула три рубля так же, как опускает жетон в метро. Старик молчит благодарной головой, сутулая «самаритянка» бе-

жит к автобусу.

Но, согласитесь, в таком деликатном деле не может быть автоматизма. Надо решиться вот так впустую расстаться с трояком, не будучи уверенным, что облагодетельствованный не употребит его на пиво. Но это уже, что называется, его трудности. Главное — подать, если просят.

И я выскажу совсем крамольную мысль: наши нищие есть потому, что они нужны нам. Это в первую очередь наш способ выжить теперь. Спаситесь, если угодно. Мятые три рубля в грязной руке пьяного старика не вписываются ни в какую экономическую концепцию. Это вообще из области иррационального... Но мы выживем.

Впрочем, если не хочется — не подавайте. Дело ваше.

ЛЕД ТРОНЕТСЯ, ГОСПОДА ПРИСЯЖНЫЕ?

В вашем журнале помещено интервью с заместителем председателя Комитета ВС России по законодательству Борисом Золотухиным («Столица», № 28). По-моему, глубоко заблуждается зампред, заявляя, что первое условие независимости суда — «несменяемость судей».

Я с этим в корне не согласен. Кланово-мафиозная связь компартийных и правоохранительных органов после августа 1991 года не исчезла, а, наоборот, укрепились. При несменяемости судей и, следовательно, при их полной безнаказанности рядовые граждане, не имеющие связей и не умеющие давать взятки, окажутся совершенно незащитными.

Я считаю, что первое условие для обеспечения независимости судей — необходимость поставить заслон между ними и их «клиентурой». И тут есть только один, давно известный миру способ. Надо освободить судей от участия в определении вины подсудимого, как это было в России до 1917 года и как это практикуется сейчас во всех цивилизованных странах, где правосудие обеспечено двенадцатью выборными присяжными заседателями. Так что не ставьте телегу впереди лошади. Сначала воспитаем поколения судей, не умеющих и не желающих брать взятки, а потом уже будем думать об их несменяемости. Это мое убеждение возникло после тридцатилетней работы в народных судах (в качестве автотехэксперта, общественного обвинителя, защитника) и разделяется многими моими знакомыми, в том числе и юристами.

В.ЮЛАЕВ

Ялта

О НАШИХ «РАВНЫХ» ВОЗМОЖНОСТЯХ, ИЛИ ГРОБЫ «НАПРОКАТ»

Я пенсионерка, еще не совсем старая, одинокая, по не зависящим от меня причинам не работающая. Пишу это не для того, чтобы раз-

жалобить, свои проблемы я решаю сама, а чтобы было понятно, почему меня волнует вопрос, о котором хочу написать.

Предмет моего письма довольно грустный — о равной стоимости ритуальных услуг для наших граждан, будь ты преуспевающий бизнесмен или одинокий старик. (Исключая, конечно, очень заслуженных людей, которых хоронят за государственный счет по первому разряду, и бездомных, которых хоронят в общей могиле.)

Недавно умерла моя дальняя престарелая родственница, пережившая namного и мужа и сына. Сбережений у нее не было. Собес выделил (естественно, после похорон) тысячу рублей, стоимость ритуальных услуг по прейскуранту обошлась в пять тысяч. Это цена кремации, хоронить же на кладбище еще дороже и гораздо хлопотнее. Но меня поразила даже не дороговизна, а то, что гроб, бывший в употреблении, стоил столько же, сколько новый. Если гробы в таком дефиците и их меньше, чем умерших, то уж ладно, пусть их не сжигают вместе с покойниками. Но тогда надо брать «за прокат», а не полную стоимость, ведь самый дешевый гроб — 1200 рублей.

Так что я очень смеялась, слушая выступление Ельцина, когда он объявил о раздаче приватизационных чеков и о равных стартовых возможностях «и младенца и президента». Смерть не старт, а финиш. Но и здесь, как на старте, возможности, к сожалению, не могут быть равными.

Э.ДОРФМАН

Москва

ХРЕНОТА НАС НЕ СПАСЛА

Статья А.Соколянского «Хрентота спасет мир» («Столица», №32) очень меня удивила. Основная мысль автора: серьезное, классическое искусство может существовать при любых режимах. Искусство же легкое, которое «вызывает не восторг или гнев, а в лучшем случае улыбку», — только в свободном обществе, так как при авторитаризме «развлекательному искусству позволено быть дурновкусным, но не разрешается быть пикантным».

Так ли это? Вспомним любимое всеми нами советское кино. Если и

делались у нас когда-нибудь пикантные фильмы, то лишь во времена Сталина. Самый пикантный кадр советского кинематографа — когда в фильме «Сердца четырех» юная и нежная Целиковская сидит за фортепьяно и поет какую-то «милую и довольно бессмысленную» (цитирую А.Соколянского) песенку про любовь.

А Валентина Серова, которая в этом же фильме едет на велосипеде, демонстрируя стройные ножки? А Любовь Орлова в «Весне». Вспомним эти картины и вспомним времена, когда они создавались...

Другой пример. Недавно у нас вышла книга с лихим названием «Сердце с перцем» — воспоминания Марики Рёкк, кинозвезды периода нацизма. (Многие помнят, как в «Семнадцати мгновениях весны» Штирлиц ждет своего агента в кинотеатре, где как раз показывают «Девушку моей мечты».) Все фильмы с участием блистательной дивы — типичная «хрентота» с танцами на высоких каблуках, балетными ревью, пикантными любовными сюжетами. Среди ее картин нет ни одной мало-мальски серьезной, что не помешало Марике быть (если верить ей самой) одной из любимых актрис фюрера. Как же быть с утверждением Соколянского, что «у людей, которые не задумываются устроить в стране массовую резню, могут быть не вполне ложные представления о красоте — если хотите подстраховаться, спрашивайте их о хрентоте?»

Идеологи авторитарных режимов прекрасно понимали, что нормальному человеку, чтобы ощущать удовлетворение от жизни, необходима «легкая переливчатая пена, радующая взгляд...». Хрентота, по Соколянскому. Поэтому они и насаждали ее, не жалея ни сил, ни средств. Поэтому и тоскуют сейчас те, кому за шестьдесят, по легким и веселым фильмам их молодости. Что касается демократического нашего кинематографа, то он с пикантностью распрощался, и, похоже, навсегда. Вместо нее в нашем развлекательном кино появилось как раз дурновкусие. Чтобы убедиться в этом, достаточно подойти к любой афише.

М.РОСЕНКО

Москва

Елена САЛИНА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ
(фото)

Это только кажется, что город спит. Что пустота прозрачна, а тишина безмолвна, и, сколько ни напрягай слух, только шорох далеких шин по мокрому асфальту, да сонный вздох ребенка, да монотонное тиканье часов.

Русский инженер Александр Степанович Попов давным-давно убил тишину.

— 141-й, ответьте 142-му. Где вы находитесь?

— «Нарва»! 251-й возвращается домой.

— Я «Нарва». Вас поняла, 251-й — домой.

Плоская коробочка с хвостиком вытаскивает людей из постелей, заставляет бежать, одеваясь на ходу, запихивает в машины и указывает путь. Город спит, а их сумасшедшие спидометры наматывают километры. Они должны успеть.

Нам сегодня позволено опоздать.

Они — первые, мы — за ними.

Хлопают дверцы штабной машины, сбоку, на откидном сиденье, пристраивается связной, взрыкивает мотор, поехали...

— «Нарва»! 291-й в городе.

Запомните, пожалуйста, — нельзя говорить «пожарник», это обидно. Пожарниками раньше звали на Руси погорельцев. Только «пожарный». Нельзя говорить «шланг». «Шлангом» можно прикидываться, если неохота работать, а из пожарной машины вытягивают «рукав», или «ствол».

Номер первый — ствольщик — прокладывает «рабочую линию», от автоцистерны к огню. Номер второй —

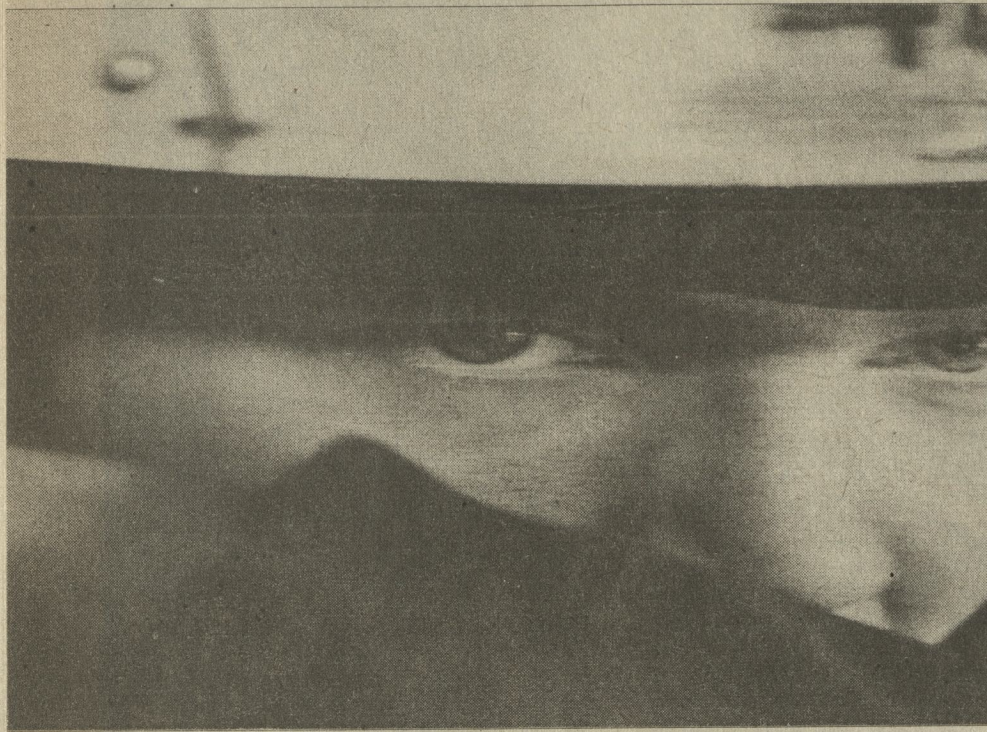
подствольщик — ему помогает, разматывает и подтягивает. Третий — связной. Четвертый — налаживает «магистральную линию», от которой в разные стороны пойдут несколько рукавов. Пятый — колонщик — ищет местный источник воды и соединяет его с автонасосом. Шестой — связной. Седьмой — борец — на подхвате.

На то, чтобы пустить воду, отводится три минуты. 180 секунд — и вода пошла. «Лей больше воды, вода по-

жар найдет» — местный фольклор.

А впереди командир отделения, он уже внутри, в дыму, в газовой камере, в духовке, в крематории, в аду — «ведет разведку». Площадь пожара, источник огня, есть ли люди, звери, живы ли, как спасти. Говорят, в тридцати сантиметрах от пола еще можно дышать, по законам физики. Значит, там, где не пройдешь, можно проползти.

Все переговоры по радиации фиксирую-

тся, хронометрируются, записываются на магнитную пленку где-то там, в Центре. После всего — «разбор полетов». Но это потом.

Первые шесть месяцев текущего года принесли Москве

14 476 пожаров, в среднем — по 80 в сутки.

Материальный ущерб от них превысил 47 миллионов рублей.

Полностью уничтожены огнем 463 квартиры (13 890 квадратных метров жилой площади), 474 автомобиля.

Повреждено имущество 193 предприятий.

64 раза нарушались технологические процессы производства, связанных с обеспечением жизнедеятельности города.

Сегодня мы дежури́м в штабе 2-й бригады, на Ярославке. Изогнутой линией карта города делится пополам. Слева границей служит Рублевское шоссе, справа — Волгоградский проспект, в середине — большой зигзаг, огибающий центр примерно в районе Сушевского вала. Юг и центр «опекает» 1-я бригада. Наша зона — весь север, от Люберец до Строгина плюс Зеленоград плюс Шереметьево плюс ближайшие к Москве поселки, по договоренности с областью.

В бригаду входят 6 батальонов, состоящих в свою очередь из 27 частей, откуда и разъезжаются те самые,

привычные на городских улицах, ядовито-красные машины. Каждая часть расположена так, чтобы до самой дальней границы своей территории пожарные могли добраться максимум за 7 минут. Если бы не сломанные светофоры, не автомобильные пробки, не обнаглевшие водители, давно забывшие, как уступают дорогу...

Нашим экскурсоводам, двум обаятельным майорам Владимиру Кочневу (руководитель пожаротушения) и Владимиру Харитонову (начальник штаба), вовсе не обязательно сутки мотаться по городу. Только если что-то серьезное, есть жертвы или огонь слишком велик, грозит перекинуться на соседний дом — в общем, все по инструкции, а инструкций великое множество. Но, не избалованные вниманием прессы, они легко уступают нашему энергичному напору и, сами удивляясь, соглашаются «погоняться за пожарами». Первый раз в жизни, тьфу, тьфу, тьфу.

— «Нарва» 231-му и 291-му. Загорание бытовки на цементном элеваторе. Горит крыша, три метра.

— 291-й «Нарве». Вас поняли.

— 291-й, до конца поедете?

— Поедем по следу до конца.

Сутки с пожарными прошли не зря. Я сделала для себя два ошеломляющих открытия.

Первое и главное: живем мы с вами пока еще очень хорошо, потому что секунды еще в цене. Каюсь, не верила, что в нашей нес-

частной, развалившейся стране способна работать отлаженная система мгновенного реагирования. Не видела такого ни в милиции, ни на «скорой помощи». Там — хронический аврал, массовое недовольство, нытье, жалобы, забастовки. Героизм на фоне разрухи прекрасно уживается с отборнейшим цинизмом — и это воспринимается сейчас как норма.

Пожарные выезжают по любому звонку. Старик, которому что-то почудилось, младенец, осваивающий новую игрушку-телефон, алкоголик в белой горячке, великовозрастный дебил, решивший подшутить над соседом, случайный прохожий, который унюхал сомнительный дымок, — любой, едва крутанув пальцем диск, имеет возможность насладиться бесплатным зрелищем — беспомощным метанием по дворам в поисках пожара по крайней мере двух красных машин.

Их вызывают: а) если протек потолок; б) когда ключ не хочет поворачиваться в замке; в) если неисправна электропроводка; г) снять кошку с дерева и т.д.

Они знают, но все равно приедут, потому что им не скажут, что сломался замок, им скажут, что в запертой квартире пожар. Я слышала, как воеет сирена, видела, как, не проснувшись, хватают каски и спецкостюмы, и набитая под завязку ядовитая громадина срывается с места.

Я видела, как это происходит, но вот почему все это функциониру-

ет, несмотря на износившиеся механизмы (машины эксплуатируются по 15 лет), всеобщий бензиновый дефицит, невозможность полноценно отдохнуть между вызовами (порой солдаты живут в частях, прямо возле машин, неделями — нечем заменить), ответить не смогу. Наверное, потому, что армия, где все общественные процессы — в том числе и протестные реакции — зреют медленнее. Надо думать, и это постепенно разваливается.

«С болью в душе приходится констатировать: сегодня мы имеем один аварийно-спасательный автомобиль, 9 пятидесятиметровых автолестниц, половина из которых уже выработала сроки своей службы. Из 346 пожарных автомобилей 70 подлежат списанию, но, тем не менее, мы продолжаем их латать и подкрашивать, иначе выезжать на пожары будет не на чем.

Пожарные не обеспечены противогАЗами 4-часового действия для работы на затяжных пожарах или в подземных сооружениях, не имеют специальной обуви, позволяющей находиться в условиях низких температур и агрессивных сред. Не хватает пожарных рукавов, фонарей, лестниц, веревок, комплектов боевой одежды, касок... К этому можно добавить критические бытовые условия в дежурных караулах, где, как правило, нет горячей воды, душевых, комнат отдыха...»

Владимир Максимчук, начальник Управления пожарной охраны ГУВД Москвы

ки черной мебели. На черных контурах бывшей тахты силуэт ее владельца. То, что совсем недавно было человеком, сейчас вроде мумии, без пола, возраста и лица. Как будто от человека осталась только тень...

— Журналистом был, — причитают соседки. — Всегда, бывало, встретит, поговорит. А дома все больше один, выпивал сильно. Два часа назад дымом запахло, а мы не могли понять, откуда запах.

Строчат свои протоколы милиция и «скорая». «Скорая» сейчас уедет. Ее вызвали только удостоверять факт смерти. А милиции придется разбираться, кто с утра был в гостях, когда ушел и много ли выпили. Короче говоря, несчастный случай или убийство с поджогом.

Уровень травматизма при пожарах в Москве более чем в 3 раза выше такого же показателя в столицах развитого зарубежья.

В 1991 году (по сравнению с 1990-м) количество погибших при пожарах возросло на 24 процента и составило 179 человек.

За первое полугодие текущего года погибло уже 144 человека, 185 — получили ожоги и травмы.

По прогнозам специалистов, до конца года эти цифры удвоятся.

Рация трещит почти не умолкая. Каждые 10—15 минут — новое сообщение.

— Дмитровское шоссе, 119. Задымление в подъезде.

— Загорание в выселенном доме. Локализация 10 метров. Открытое шоссе.

Авторое мое открытие: огонь — это страшно. Обычная спичка да ласкающий душу костерок — вот и все, что я знала об огне.

Труп по радиосвязи почему-то именуется «горняк», пострадавший, но живой — «степняк». Подъезжая к Тушинской улице, мы уже знали: квартира двухкомнатная, этаж первый, горят постель, одежда. Выезд — 13.51, прибытие — 13.56, ликвидация (т.е. отбой) — 14.03. «Горняк» — один.

...Окна обеих комнат и кухни разбиты. То ли стекла лопнули от температурных скачков, то ли при тушении — тушили через окна, потому что вскрытая дверь выпустила на лестницу дымное облако.

Огня уже нет — все залито водой. Утопая в луже, пробираемся в крошечную малогабаритную квартирку, из цветовой гаммы которой исчезли все цвета, кроме черного. Черные пузырящиеся стены, черный потолок, остат-

— Улица Байкальская. Однокомнатная квартира на третьем этаже.

— Бойцовая улица. Загорание мусора в подвале. 3 метра...

В Москве нет профессиональных пожарных. Только начальники. А в огонь лезут ребятишки-солдаты, 18—20-летние. Две недели в учебке, две в бригаде — и вперед. Боевой расчет едва удается составить так, чтобы не все первогодки, хотя бы один-два старослужащих. Мы наблюдали: стоит мальчишка-катарин, шея тоненькая, голова утопает в каске, за спиной противогаз — 10 килограммов, вместе с прочими причндалами — все 16. Ему кричат: сюда, сюда беги, а он сообразить не может, озирается тоскливо.

В других городах давно уже перешли на контрактную систему. Но профессионалам надо платить соответственно, а Москва экономит.

Москва экономит на всем. На противопожарной сигнализации, автоматических системах дымоудаления, технических водопроводах, огнетушителях, даже на запертых повсюду дверях, чтобы не платить лишнего уборщицам.

Пожар, случившийся этим летом на улице Лобачевского, стал просто хрестоматийным, его часто приводят в пример. На балконе — склад старой мебели. Как только сверху сбрасывается окурок, мебель, естественно, вспыхивает. Огонь перекидывается в квартиру. А этаж — десятый. А в квартире — муж, жена и годовалый ребенок.

Сигнализация в доме, как водится, неисправна, дым моментально заполняет подъезд. Соседи бросаются к внутреннему водопроводу, а в стояке нет воды. Лифт отключается, лестничные площадки закрыты решетками, так как лестницами в высотных домах никто не пользуется.

Пожарные машины уже у дома, но не могут проехать. Единственный проезд перегорожен врытыми в землю железками...

Всех спасли.

Среди причин, приводящих к пожару, лидирует неосторожное обращение с огнем — 10 511 случаев.

Небрежность при курении — 2 628 случаев.

Детские шалости — 1899.

Различные неисправности электрооборудования — 1121.

Возгорание телевизоров — 290 случаев. (Все данные — за первое полугодие.)

Ох, не курите, пожалуйста, в постели (а лучше вообще не курите). Не давайте детям спичек (идеальный вариант — не рожать детей). Пореже смотрите телевизор — они взрываются. Следите за электророзетками. А может, совсем отказаться от электричества? Ну его... Запасайтесь свечами. Но помните, пламя может перекинуться на занавеску!

Тушите свечи. Набирайте на ощупь «01».

Краткий итог нашего дежурства по половине Москвы.

3 раза горели автомобили;

5 раз замыкало провода;

33 — мусор, свалки, костры;

1 «горняк»;

14 ложных вызовов.

Николай КАРЕТНИКОВ

ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ...

Фото С. Руковой

Протоиерей Александр Мень. Новая Деревня. 1989 г.

В семидесятом году отец Александр Мень, в ответ на мою просьбу подсказать тему для сочинения о ранних христианах, предложил мне взять сюжет о пребывании апостола Павла в Риме. Он дал список литературы, которую следовало изучить, и, когда Семен Лунгин начал, по мере написания, выдавать мне готовые сцены из будущей «Мистерии апостола Павла», я немедленно отправлялся в Новую Деревню. После службы мы с отцом Александром уединялись и начинали работу с текстом.

Это была обычная спокойная работа с духовным руководителем и одновременно редактором: я осмысливал его замечания, старался на месте разрешить возникшие сложности и весь уходил в эту работу — громыхал Неронов Триумф, горел Рим, в дыму и пламени звали друг друга на помощь гибнущие люди, судили и казнили апостола Павла, а потом — свергли Нерона.

Что работа эта была обычной, мне только казалось.

В самый непредсказуемый момент глаза отца Александра загорались великим весельем и он жарко восклицал: «А теперь, Николай Николаевич, помолимся за успех дела!»

Начиналась молитва, к ней отец

Александр был готов ежесекундно. Я бросался догонять его, как отставшая лошадь догоняет уходящий кавалерийский полк. Наконец наши головы сливались...

И это было счастье.

Впервые я увидел отца Александра на экране. В шестьдесят пятом режиссер Инна Туманян, с которой я тогда дружил, снимала для фильма М.Калика вставные хроникальные эпизоды. Она сказала, что у нее есть замечательный материал, который я должен обязательно увидеть. Мне показали две заснятые на пленку проповеди совсем еще молодого священника. Первую проповедь «О любви и браке» он произносил стоя перед храмом (в Тарасовке, а не в Новой Деревне, куда его перевели позже), вторую — «О добре и зле» — во храме. Проповеди потрясли меня, каждое слово было на вес золота, и я сразу попросил Инну меня к нему отвести.

Моим первым пастырем был отец Николай Голубцов (как выяснилось много позже, первый духовник отца Александра). Отец Николай умер в конце пятидесятых, и тогда я стал прихожанином отца Всеволода Шпиллера, но по некоторым личным причинам мне пришлось с ним расстаться.

Отец Александр стал моим духовным руководителем в момент, когда я полностью осознал, что все пути для меня закрыты и мне не на что более рассчитывать... Неприятности начались в шестьдесят втором. Какое-то время я держался, еще не оценивая серьезности ситуации, в которой оказался. Тратил нервы, пытался пробить стену всеобщего умолчания, образовавшуюся после постановки балета «Ванина Ванини». К началу шестьдесят пятого последние надежды рассеялись. Отчаяние стало полным.

И тут мы встретились. Эта встреча спасла меня от многих бед. Он просто поставил меня на ноги.

Отец Александр был совершенно чарующим человеком, неопишимо обаятельным. Он весь искрился добротой и высоким умом. Бывал весел и общителен в застолье — в его присутствии обед или ужин становился христианской трапезой. Мы чувствовали, что с нами, благодаря о.Александр, ее разделяет сам Христос... А какая изумительная речь! Мень потрясающе говорил по-русски! Быстро и необыкновенно четко формулировал мысли.

Что же касается его руководства моей композиторской работой, то она началась осенью 69-го с «Мистерии апостола Павла»...

Параллельно с «Мистерией» я писал оперу «Тиль Уленшпигель». У нас были беседы о протестантах, о гезах, о людях и нравах XVI века. И, наконец, в мой последний хоровой цикл «Восемь духовных песнопений памяти Б.Пастернака» я ввел, по совету о.Александра, два текста из Ветхого Завета, которые связали цикл с сегодняшним днем и определили его глубинный смысл.

Он был человеком моего поколения, однако его можно с уверенностью отнести к плеяде блистательных представителей великой российской интеллигенции, которые умели воспринимать бытие во всем его многообразии. У них у всех — одна общая черта: они любили жизнь и получали радость от всех ее сопряжений. Отец Александр — единственный из известных мне людей, кто в полную меру был равен им и гигантской эрудицией, и синкретическими возможностями, и веселостью нрава. Вместе с тем он постоянно ощущал свою внутреннюю связь с Господом, и ему не нужно было делать над собою усилие, чтобы перейти из обычного бытового расположения в состояние молитвенного делания, духовного подъема, прозрения...

Помню такое. Когда отец Александр одобрил текст, либретто и пришла пора садиться писать музыку, я неожиданно столкнулся с проблемой, о которой ранее не мог предположить. Надо было решить, на что в этой работе я как христианин имею право. Чтобы задача мне самому стала понятна, я расширил ее примерно так. Перед распятиями Грюневальда, который изображал разлагающееся на кресте тело, или перед страшным «Христом во гробе» Гольбейна невозможно молиться. Перед распятиями, изображенными на русских, особенно новгородских иконах, молитва начинается как бы сама собой. Икона — лишь знак страстей Христовых, она не показывает всей жестокости реальности. Для написания музыки о мученичестве ап.Павла мне предстояло сделать выбор между двумя этими крайностями.

Положение казалось безвыходным.

Однажды утром я проснулся в начале девятого, в минуту, когда жена уходила на работу. Я лежал на высокоположенных подушках в состоянии так называемой «полуфазы», меж сном и явью, еще не очень понимая, на каком свете нахожусь.

Перед моими глазами, на расстоянии чуть более двух метров, начала постепенно образовываться прозрачная диафрагма из округлых облаков, а в ее середине появился обна-

женный человек. Я видел его в облачной диафрагме только до пояса, руки открыты были взгляду до локтей, и явственно видно было, что предплечья привязаны веревками к толстому брусу, находившемуся за спиной. Он смотрел мне прямо в глаза. При этом я чувствовал, что стою, а не лежу, — и тот, кого вижу, тоже стоит на земле.

Я успел разглядеть и цвет его кожи, и капли крови и пота на лбу, но все это было прозрачным — сквозь явившееся мне распятие я видел и окно, и роуль, и люстру.

Тихим глубоким голосом он сказал:
— Все было не так, как ты думаешь. Было очень страшно и очень больно.

После этих слов увиденное начало размываться и постепенно исчезло.

Поначалу я не понял, что произошло. Мною овладели тревога и страх — а вдруг видение пришло ко мне «снизу»? Вдруг это искушение?

Я помчался в Новую Деревню — и, путаясь от волнения, рассказал о.Александру о происшедшем.

К моему удивлению, он вдруг обрадовался и даже повеселел.

— Вы были в «полуфазе»? В этом состоянии человек наиболее доступен для общения с иным миром. Не вы первый, не вы последний!.. Откуда веревки? Да если бы распинали на одних гвоздях, гвозди прорывали бы мышцы и человек падал с креста... Почему крест такой низкий? Вы ведь помните, что Господь сам нес свой крест. Если бы этот крест был таким, как его изображают в живописи и на иконах, Господь не смог бы его поднять, а не то что нести. Поэтому вам показалось, что он стоит на земле.

Отец Александр подошел к книжной полке, снял с нее большую книгу, раскрыл и протянул мне.

— Похож? — спросил он.

Так впервые в жизни я увидел изображение Туринской плащаницы.

Отец Александр закончил:

— Вот вы и получили ответ на вопрос, на который мы с вами полгода не могли найти ответа... Вопрос о том, как решать «Мистерию»... Идите и работайте! И помогите вам Господь!

Опять «полуфаза». Я только-только задремал — задремал после мучений: несколько дней подряд меня истязает кашель.

Почти сразу, очень близко от меня возникло лицо покойной Ш. — поразительно прекрасное, теплое, с нежной персиковой кожей, в возрасте, в котором она была в пятьдесят девятом году, когда я за ней ухаживал, только бесконечно мягче, добрее, с огромными лучистыми глазами, и лишь волосы много темнее, чем в жизни.

Смотрела характерным для нее взглядом — чуть наклонив голову вперед, чуть из-под бровей, слегка улыбаясь. Взгляд выражал удивительную доброжелательность.

Бесчисленные мгновения длилось молчание, и я с наслаждением ее рассматривал. Потом стал задавать вопросы, она отвечала. Ее голос звучал, как в жизни, — низко, глубоко, с характерным киевским выговором, но был лишен некоторой гортанности и был бархатистым и восхитительно приятным. После каждой фразы диалога возникала легкая пауза.

Я. Ты оттуда?

ОНА. Ну, сначала существо, которое...

Я. (быстро ее перебивая) Нет, нет, я не об этом! Ты видела ЕГО?

ОНА. Видела...

Я. Какой он?

ОНА. Не тот, что все думают... Он есть, скорее, зло...

Ее лицо быстро приблизилось, и я ее целую. В считанные мгновения поцелуй становится страстным и затем так же быстро переходит в зверский (ощущение поцелуя было совершенно реальным). Ее лицо быстро теряет определенность, становится непередаваемо страшным, и я в ужасе отталкиваю ее.

Очнулся в состоянии глубокого страха, так как не сразу сообразил, откуда она явилась. Было 11 мая 1982 года 0 ч. 30 мин.

Двадцать три года она ни минуты не занимала моего воображения. Вспоминал о ней только при упоминании в разговорах...

Я записал все, что случилось, сразу же, как очнулся.

Закончив писать и погасив свет, еще долго и явственно ощущал присутствие кого-то чужого и недоброго.

Только трижды прочитав «Отче наш», смог спокойно заснуть.

Утром я был в Новой Деревне.

— Ей очень плохо, это крик о помощи, — сказал отец Александр. — Ее отмаливать надо. Явление было вам, потому что вы, в отличие от ее близких, верующий. И вы должны как можно скорее заказать панихиду...

У него была своя особая, уникальная миссия. Он служил Господу в отчужденной стране, которую даже и языческой не назовешь. И он совершал свой пастырский подвиг в тем более тяжелых условиях, что как КГБ, так и Иерархия были им вечно недовольны. Его постоянно вызывали, дергали, отвлекали от трудов. Он стал упреком для тех, кто занимался в Церкви обрядоверием.

Отец Александр был единственным, кто последовательно и серьезно занимался проповедью воссоедине-

Фото С.Бессмертного

Середина 60-х

ния христиан. Иерархия, в особенности ее правое крыло, никак не могла с этим примириться. «Крещенных Менем перекрещивать надо!» — кричал мне однажды один из таких «оппонентов»-священников (после гибели о.Александра я увидел его выступление на телевидении — он славил убиенного на все лады). Когда его презрительно именовали «жидовствующим» или утверждали, что он «продался католикам», конечно же, подразумевались не богословские разногласия, разномыслие.

Ему не могли простить того, что он был крещеным евреем.

Отец Александр однажды объяснил мне, в чем была суть его трений с КГБ: вовсе не в том, что среди его прихожан — интеллигенция, диссиденты. Чекисты боялись, как бы он не открыл потихоньку в Новой Деревне церковную школу, не начал обучать и духовно просвещать детей. «Вот старушки, с ними вы и должны заниматься, а молодежь трогать нельзя!» Это давление длилось долгие годы, но остановить отца Александра им не удалось; и одним из последних его деяний стало открытие приходской школы...

В его храме всегда бывали молодые прихожане, хотя и старушек хватало. К последним он относился с ангельским терпением. Есть люди, которые сами, без совета и благословения священника, куска хлеба преломить не могут. Со многими этими мелочами шли к нему ежечасно — и для всех он находил время и доброе слово. А ведь он еще успевал писать кни-

ги! Мне кажется, при его жизни было издано за границей книг восемь или девять, и осталось еще несколько в рукописях. Чтобы писать, он использовал каждую свободную минуту, писал в перерывах в службе, в электричке, нянча внуков...

Однажды я вез на машине Феликса Светова в Новую Деревню. Мы ехали к общей исповеди.

Я был в то утро в каком-то ясном, ровном и безмятежном состоянии и казался себе безгрешным. В чем и сознался Феликсу. Он изумился:

— Но ведь так не может быть! Что-нибудь обязательно наскребешь...

Ближе к концу пути он между прочим спросил меня: что я думаю об одном всемирно известном музыканте как о человеке? Я знал эту знаменитость так, как, наверное, мало кто его знал, и не скрыл резко отрицательного к нему отношения, которое выразил даже несколько эмоционально.

— Ну вот! Теперь тебе есть в чем каяться, — обрадовался Феликс. — Ты осудил ближнего!

На исповеди я рассказал отцу Александру, что ехал к нему в безгрешном состоянии и буквально на пороге храма тяжко погрешил слъвом.

Отец Александр тихонько засмеялся и шепнул:

— Николай Николаевич! Ну что вам он? Ну что вы ему? Да плюньте вы на него и не вспоминайте!

И отпустил меня.

Отец Александр выслушал за всю жизнь много исповедей, случалось и

так, что он сам на исповеди немного открывался. Но, честно говоря, мы, его прихожане, относились к нему потребительски. Мы вели себя эгоистично. Однако теперь, когда иногда говорят, что отец Александр был одиноким человеком, я этому не верю: если ты живешь с Господом — ты не одинок.

Еще при жизни отца Александра стремительно поднялся интерес к вере. Ходить в храм стало модным. Я спросил его, что он думает по этому поводу. Он ответил, что относится к этому процессу спокойно и ничего дурного в нем не видит. Отец часто повторял: «Гони Бога в дверь, он в окно влетит».

Неважно, как человек приходит к Богу, главное — он начинает слышать зов. Как говорил отец Александр, далее произойдет естественный отбор: все, что не истинно, отпадет.

В стихотворении Галича «Когда я вернусь» есть такие строки:

*Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно
соперничать небо,
И ладана запах, как запах
приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется
в сердце моем...*

Это — о голубом своде церкви, где служил отец Александр.

Я много рассказывал Галичу об отце Александре, и, когда Саша захотел креститься, я предупредил отца, что мы приедем. Произошло таинство крещения в маленьком домике при церкви. Мы были втроем. Отец очень полубил Галича и всегда смотрел на него с глубокой нежностью.

Какой-то смысл есть в том, что событие, к которому Галич осознанно шел всю жизнь, совершилось руками такого священника в Храме Сретения Господня. Это была Встреча в глубочайшем, духовном смысле...

После гибели отца Александра со мной и со многими его прихожанами начали происходить удивительные вещи: у многих как-то очень наладились дела. Хорошо сказала одна из его духовных дочерей: «Пока он был с нами на земле, ему некогда было заниматься делами каждого из нас. Слишком многие тянули в разные стороны. А сейчас, когда он ТАМ, он непрерывно молит Господа о каждом».

И я едва ли не острее, чем два года назад, чувствую его присутствие в моей жизни.

Полностью воспоминания включены в книгу «Готовность к бытию», выходящую в начале 1993 г. в издательстве «Композитор» (М.).

Валерий КИЧИН

БОГАТЫХ ТОЖЕ КРАДУТ

Кугонам автомобилей и разгромов квартир в странах развитого СНГ добавился взлом на ниве искусства. Пока на всех телеэкранах плачут богатые, популярных телегероев уже пытаются умыкнуть и нажать на них наши неопытные, но очень хищные акулы.

Огромная страна льет слезы над безвременной кончиной. Эстер, а где-то на Солнцевском проспекте российской столицы в частном издательстве Русанова уже предвкушают с этих наивных слез свои абсолютно незаконные, зато легкие барыши.

Пенсионеры СНГ тоже плачут от одной только мысли, что могут не успеть, не узнать, чем все кончится с Марианной. А некий Евгений Ефимов про все это уже знает и готов вкратце рассказать всем желающим, опередив медлительное телевидение.

И действительно — зачем тянуть кота за хвост в день по чайной ложке? Если можно сразу, телеграфным стилем, выложить все, чем сердце успокоится.

Это будет называться новым термином для нашей великой могучей литературы: пересказ.

Такой возник жанр.

Он такой гениальный, этот пересказ, что его спешно издают довольно значительным по нынешним временам тиражом и продают теперь за полсотню в подземных переходах. В полной уверенности: купят, да еще как купят! Еще бы — на обложке название, заставляющее вздрогнуть любое сердце в постперестроечном СССР.

Название, одно появление которого на телеэкранах останавливало бои в Молдове и заставляло доярок бросать недоенных коров. Название, которое предотвратило — или, по крайней мере, отложило — распад единой телевизионной сети бывшей империи. Потому что и в Киеве, и в Тбили-

си, и в Баку хотят ежедневно видеть Марианну и потому вынуждены терпеть «имперские замашки» Москвы. Не название — золотое дно.

«Богатые тоже плачут». Событие года. Потрясение посильнее «Фауста» Гете. Фильм, объединивший миллионы разозленных друг на друга людей в большой дружный многонациональный клуб Вероники Кастро.

А еще говорят, что искусство не может изменить мир!

Но это — если искусство. Оно не просто нас информирует: мол, любил, а потом убил. В искусстве важно — как. Важны подоплека, психология и еще многие тонкие телячи нежности. Важно надеяться, верить и разочаровываться вместе с героями, трепетать и страшиться, не спать ночами в ожидании — что день грядущий нам готовит! То есть важен не результат, а процесс. Ради него мы смотрим бесконечный этот сериал, день за днем, утро за утром, вечер за вечером.

Бизнесмену телячи тонкости до лампочки. И Евгений Ефимов человек несентиментальный. Он легко укладывает 248 серий фильма в 90 страниц книжки малого формата — меньше одной трети страницы на серию! Бесстрастным информационным стилем ИТАР—ТАСС. И из этих корреспондентий, этих сводок и телеграмм с передовой линии плачущих богатых можно сразу и навсегда узнать, чем закончится бурная судьба героев. И больше уже не волноваться.

Евгений Ефимов, попросту говоря, украл у нас процесс сопереживания.

Это как в футбольном матче заранее сообщить результат.

Или как в анекдоте сразу выпалить весь его солевой заряд вхолостую.

Затея, потрясающая бездарностью.

Я не знаю, кто такой Евгений Ефимов. Не знаю такого литератора. Судя

по стилю, он к литературе отношения не имеет. И за перо отважился взяться — не боги горшки обжигают! — лишь в предвкушении большого гонорара. А писатели, по слухам, все сплошь такие богатые, что и плакать незачем. Он пересказал фильм так невнятно, неточно и глупо, что печатать такое можно, тоже лишь будучи заранее уверенным: деньги все равно придут в руки. И немалые. Потому что к «богатым» сегодня неравнодушен каждый. И каждый захочет иметь привет-сувенир от Марианны.

И только заплатив свой «полтинник» и раскрыв дома вожделенную брошюрку, читатель убедится, что произведение это к фильму имеет отношение очень отдаленное. Потому что Евгений Ефимов не умеет не только писать. Он не умеет также и смотреть, и понимать, что происходит, и рассказать об этом, пусть даже коряво и неинтересно, но — связно.

На 90 страницах ни одного диалога. Ни одного живого слова. Ни одной нормальной эмоции. Бурная жизнь и смерть героя могут уложиться в шесть строк — как на кладбищенском памятнике. Так не пишут даже оперные либретто, так не писали свои «сценарии на манжетах» даже драматурги старого немалого кино, прародители всех кинохалтурщиков на свете.

Подобной вивисекции не заслуживает даже такая, лишенная амбиций вещь, как этот фильм.

События в книжке представляют собою лично его, Ефимова, версию событий на экране. И можно было бы не поднимать из-за брошюрки столько шума — мало ли что теперь издают!

Но перед нами не просто очередная плохая, облапошивающая читателя, книжка. Перед нами, повторяю, кража со взломом. Образчик беспредела в

не знаем законов раннего российского капитализма.

Кража не только в фигуральном значении слова (украл кайф у миллионов зрителей), но и в самом прямом, криминальном.

Дело в том, что у фильма, как и у любого предмета, есть владелец. Он и только он обладает правами на использование этого сюжета, этого названия, имен этих героев. Мы о подобных материях не привыкли думать — но это так.

Идея фильма и ее исполнение принадлежат мексиканской компании «Телевиза», под крышей которой полтора десятилетия назад и собралась дружная команда авторов, и придумала всю эту многометражную историю, и нашла актеров, которых потом полюбил половина планеты, и сняла эти 248 серий о любви, покорившей десятки стран мира. Права на фильм принадлежат фирме «Протеле» в Лос-Анджелесе — она и осуществляет мировой прокат.

На Европейском континенте, в странах бывшего социалистического содружества, ее интересы представляют фирма «Пирин фильм» и ее владелец Дино Динев. И теперь вместе с московской фирмой «Интервидеокоммерс» он осуществляет проект, весть о котором привела в волнение миллионы поклонников Марианны. Ибо к началу зимы на прилавках книжных магазинов появится двухтомный роман «Богатые тоже плачут».

До сих пор такого романа не существовало. Фильм, как известно, импровизировался, его многочисленные авторы приступали к съемкам каждой серии, еще не зная, что случится с героями в следующих сери-

ях. Фильм вершился так же непредсказуемо, как жизнь. Вероятно, это и придало ему главное обаяние телесериалов — их спонтанность, плавность, некоторую даже монотонность, когда мы с героями сживаемся, как с соседями по коммунальной квартире, — и любим их, и поднадоели слегка, но без них уже чего-то не хватает.

Это называется: прикипаем душой.

Так что если до сих пор мы имели дело с экранизациями литературных произведений, то теперь перед нами нечастый образец обратного перевода с языка телекино на язык литературы.

Над этим трудится сейчас большая бригада авторов. На этот раз уже российских. Если их работа увенчается успехом, может случиться, что роман станут переводить на испанский именно с русского.

В отличие от произведения Евгения Ефимова это не «пересказ». Это большой роман, который сохранит весь эмоциональный заряд кинооригинала, добавив к возможностям кино еще и преимущества литературы, — будущий читатель не просто заново пройдет путь героев фильма, но — переживет его по-новому. Огромные фолианты, по 600—700 страниц каждый, станут на наши книжные полки и позволят не расставаться с полюбившимися героями уже никогда.

Первые же сообщения о книге, ее реклама, уже переданная по ТВ, взбудоражила поклонников фильма. Телефоны в «Интервидеокоммерсе» трещат не умолкая. Актриса, дублировавшая роль Марианны, уже дважды меняла номер своего телефона — все равно где-то узнают, звонят даже ночью, умоляют открыть — что будет дальше.

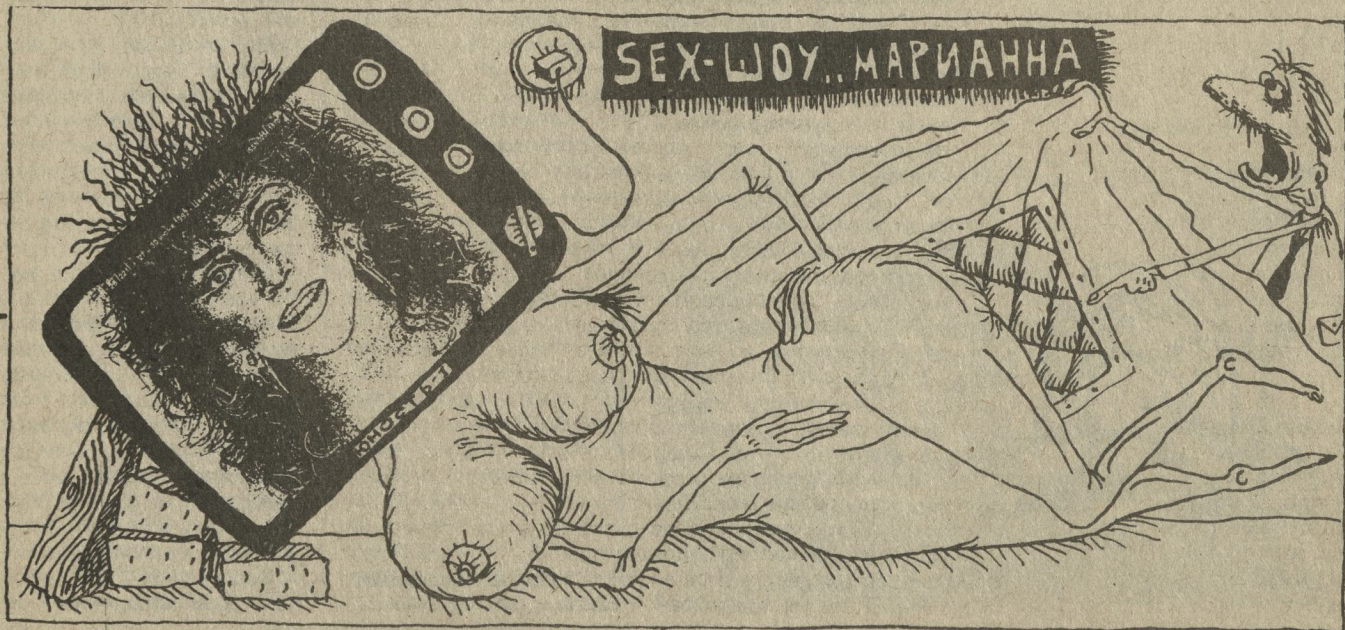
И вот, на пике всеобщего нетерпеливого ожидания, выходит в свет труд Евгения Ефимова. Ход «конкурента» оказался достаточно ловким и точным: зрителям обещана книга, и они ее получили. А пока разберутся, что книга не та, что их обманули, что вместо романа подсунили неумелое либретто, — дело уже сделано.

Теперь телефоны «Интервидеокоммерса» раскалились уже от звонков возмущенных покупателей ефимовского опуса. Какое дело читателям до конкурентных подножек и подставок наших хитрых бизнесменов! Они привыкли серьезно относиться к печатному слову и не понимают, как можно такое издавать.

Если «Интервидеокоммерс» осуществит свое намерение судиться с издательством Русанова «Аорист», издавшим брошюру, мы можем стать свидетелями увлекательного процесса в защиту правовых отношений в бизнесе. Скорее всего, частному издательству на Солнцевском бульваре придется возместить немалый ущерб: конечно, его труд имеет весьма отдаленное отношение к реальному, всем знакомому сериалу, но использовать популярное название, имена героев и основные фабульные повороты в своем «пересказе» оно не имело никаких прав.

Это будет очень важный урок для страны, где никогда ни на грош не ценилась интеллектуальная собственность. Где уворовать чужую мелодию, сюжет, художественную идею считалось незастыдным.

Я очень хочу, чтобы этот урок был преподан громко и внятно. Потому что это будет для нас еще один шаг к цивилизации.

Рисовал А. Заяц

Алексей
МИТРОФАНОВ

ПЕТРОВКА, ЗАЧУМЛЕННАЯ И НЕРОДНАЯ

Вход на Петровку — магазин ЦУМ. Иные гости улицы не выговаривают первую букву забавного слова, и у них получается — ЧУМ.

Гости давно зачумили Петровку. Они носят блестящие туфли с узором, зеленые скользкие «слаксы», шелковые рубашки в попугаях и огромные перстни из чистого золота. Гости ездят в ярких автомобилях с московскими номерами и очень громко беседуют на непонятном, лишенном звука «ц» языке.

Улица давит толпами, сжимает витринами, бьет вывесками. Здесь не заметишь на фасады — проскочить бы скорей. Прогулки по Петровке — неосуществимая фантазия. Об улице думаешь, ею любишься — из прекрасного далека.

Неспроста же в начале Петровки, «...у стены Малого театра, на том самом месте, где впоследствии будет сооружен памятник великому русскому драматургу Островскому», Остап сбил с ног белую лошадь извозчика. Или наоборот.

А рядом — он самый, гогочущий грязнуля ЦУМ. Возник «между двух революций», в 1908 году, и гостеприимный собиратель писательских сред Николай Телешов вспоминал: «...был открыт необычайный по тому времени универсальный «Мюр-Мерилиз», как его называли по имени хозяев, где сосредоточены были всевозможные товары, и в таком изобилии, в таком разнообразии, что универсал этот изумленные москвичи отнесли к разряду событий...»

И затем — от готического, модернового замка, достойного всяческих почестей: «Мюр и Мерилиз» сиял, насквозь пронизанный светом; золотые снопы ложились от него на снег». (Б.Зайцев. Голубая звезда), через сухую, напряжен-

Названа
в XVII веке по
Высоко-Петровскому
монастырю
и с тех пор не
переименовывалась.

ную тишь первых лет диктатуры: «Громада Мюр и Мерилиза... безмолвно и пусто чернеет своими громадными стеклами». (М.Булгаков. Торговый ренессанс),

через куражливый нэп: «...над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова: «Рабочий кредит». (М.Булгаков. Роковые яйца),

через сонливое самодовольство: «Центральный универсальный магазин — один из самых известных в Москве. В нем и его филиалах трудятся более четырех с половиной тысяч человек». (И.Мячин. Москва) — к тому, что сейчас. К ЧУМу.

А напротив — громада Большого. Он — лакмус известных людей. Сколько знаменитостей входило под квадрат! И каждый себя проявил.

Иван Васильевич Щукин, основатель «Щукинской династии», «...в ложах... где имеется комната с диваном, обыкновенно засыпал во время итальянской оперы, не смотря на то, что ее очень любил» — так вспоминал его сын.

Другой же купец-меценат, Павел Михайлович Третьяков, впервые увидел тут свою будущую жену — Веру Николаевну Мамонтову, очаровался, но несколько месяцев не смел подойти к ней — смущался.

А один из самых замкнутых русских писателей, Андрей Белый, в воспоминаниях о детстве признавался: «...я, собственно говоря, не умел шалить; увидав балет в Большом театре, я начал подражать танцорам и танцовкам, и в этом подражании изживал потребность к движению».

Следующий, трехэтажный, дом (возможно, воз-

Рис. Ю.Николаевой

веденный мастером Бове) тоже принадлежит Большому. А за ним — здание семейства шифоньерных (министерство, ныне — департамент), в подвалах которого жил герой Николая Островского — Павел Корчагин.

И дальше, вперемежку — палатки, столы, презрительные синие двубортники с железными пуговицами, тела еле живых доходяг, разноцветный пластмассовый сор, звуки, запахи — все на фоне зачухавших деревьев, на месте снесенных домов. И напротив того самодельного ада — спокойный красавец Пассаж, старший, степенный брат ЦУМА.

Он тоже удивлял обликом товара и вдохновлял Андрея Белого на гимны: «В проходах пассажа, — под тою же вывеской «Сидорова Сосипатра» блистала толпа: золотыми зубами, пенсне и моноклями.

Кто-то уставился в окна, съедая глазами лиловое счастье муслинов, сюра, вееров; здесь же рядом — сияющий выливень камушков: ясный рубин, желтоливленный берилл, алмаз цвета рома и сеть изумрудинок; словом — рулада разграбленных блесков; и липла толпа, наблюдая, как красенью вспыхнет, как выльснет зелено: вздрогнет: и — дышит.

Прелестно!»

Как и ЦУМ, засыпал в революцию. «В окнах «Пассажа» валялся забытый хлам, много было белых временных вывесок разных новых учреждений с длинными неуклюжими названиями, и люди встречались не подходящие к стилю богатой московской улицы», — писал Михаил Осоргин.

Но из тех лет он вырвался с медалью — с барельефом «Рабочий» (фантазия скульптора Маниера), повешенным в 1921 году. А при нэпе здесь проходили аукционы, с од-

ного из которых разошлись по свету стулья Ипполита Воробьянинова — взобрался на кафедру «аукционист в клетчатых брюках «столетье» и борде, ниспадавшей на толстовку русского коверкота...» — и начались приключения.

А напротив широкого устья Столешникова — неожиданный для улицы классицизм. Но присмотришься: стены — в пятнистую плитку, коринфские пилястры — «стиль ВДНХ», а в центре дворянского вензеля — серп и молот. Два столетия назад здесь и впрямь красовалась усадьба Раевских с настоящим коринфским шестиколонником, но она не раз горела, перестраивалась, и окончательный вариант возник совсем недавно — в 1951 году, когда в левом флигеле давно уж закрылась роскошная столовая «Барселона», а в правом — вегетарианская «Отдохни от мяса», где собирались любители «фальшивого зайца».

Рядом — еще один архитектурный ансамбль — Петровские линии. Он далек от классических форм, он — пряничная эклектика раннего российского капитализма. В 1874 году группа денежных граждан — «Товарищество Петровских линий» — скупила огромный участок земли и соорудила там два одинаковых дома — с номерами, магазинами, квартирами и проезд, который подарила городу. При всех властях Петровские линии слыли предметом роскошным. В двадцатые годы здесь был самый шикарный в Москве ресторан — «Ампир». Как-то в него пожелала отправиться супруга Мариенгофа Нюша Никритина, и Анатолий Борисович писал: «Незанятые столики сверкали реквирированным у буржуазии хрусталем, серебром, фарфором, скатертями цвета первого снега и накрахмаленными салфет-

ками. Они стояли возле приборов навтыжку. Это был парад юного нэпа. Он очень старался, этот нэп, быть, «как большие», как настоящая буржуазная жизнь».

В тридцатые годы «лучший в Москве ресторан» стал «Авророй», и реклама кричала:

*Вы можете в любую пору
На юбилей и на банкет,
На званный ужин и обед
Своих друзей позвать в
«АВРОРУ»*

Сейчас он называется «Будапешт», и в нем нередко цыгане — не в цветастых юбках, а в адидасовских олимпийках, не поющие, а жующие и пьющие, горлопаящие, вилки скатертью обтирающие, тычащие друг в друга ложками и сморкающиеся в салфетки.

А напротив, в угловом со Столешниковым доме, размещалась «Англия» — гостиница с рестораном, «который более всего посещался холостыми светскими львами, как их тогда называли, и знакомство их с приезжими дамами (полусвета) происходило при посредстве служителей ресторана». Здесь, после бокала шампанского, принятого из рук неизвестного господина, умер в постели красавицы Ванды «белый генерал» Скобелев. Неповинную кокетку долго и несправедливо звали по-

том «могилой Скобелева», а ничего не подозревающие потомки спустя много десятилетий открыли рядом промтоварный магазин и назвали его — «Ванда».

...Но редкий орел в шелковой рубашке долетит до середины Петровки. Сгинет в одном из притоков — в Столешниковом ли, на Петровских ли линиях, на Москвина... И поэтому улица сверху становится тихой, уютной, московской. Да и история домов иначе пишется. Появляется некая литературность. В доме 19, например, жил больной уже Чехов: «Взбираться мне очень трудно, хотя и уверяют, что лестница с легкими ступенями. Квартира хорошая...» Во дворце под номером 25, в частной классической гимназии Креймана, учился Брюсов. А напротив, в Петровском монастыре, по неясным причинам находится литературный музей.

И — Бульварное кольцо, а Петровка идет дальше, но она — уже другая, с другим духом, с другим вкусом, с другим запахом. С другими прохожими.

И потому — мы прервем свой маршрут.

Снесенный дом № 5

Фото из архива ГИМА

Руководитель «Архитектурно-художественных мастерских» /А&А/ Дмитрий Величкин у своего знаменитого «дома-корабля». Корабль уже на стапелях.

ПОЧТИ ВЕЛИКИЙ ВЕЛИЧКИН

Архитектор, который... строит!

Молодых писателей можно прочитать в «Юности». Молодых художников — увидеть в какой-нибудь «Риджине». Музыкантов — в телевизоре, актеров — где-нибудь на «Второй премьерке». Но вот где искать архитекторов? Разве что на выставке «Мой дорогой дом».

...Он стоял в модном пиджаке у своего проекта, курил дорогие сигареты и весело что-то кому-то объяснял. «Величкин, — благоговейно шепнули мне, — из самых престижных». При ближайшем рассмотрении выяснилось, что архитектору тридцать три. Что он лауреат десятка конкурсов бумажной архитектуры. Что — в отличие от других дипломированных зодчих — он строит. В основном — частные дома, скромно именуя себя «практикующим». Кроме того, возглавляет архитектурное ателье. Дважды женат, две дочери.

— Ты знаешь, я хочу построить себе дом, в котором всем найдется место. Такой, чтоб там можно было заблудиться. Себе — только мастерскую и чтоб пиво всегда в холодильнике было. И чтоб я там мог жить неделями. И при этом знал, что все мои дома. И чтоб вечером можно было всем собраться у камина. Ведь дом должен объединять людей...

— И место уже пристроил?

— Что ты! Хотя я и «крутой» архитектор, но так прикинул: даже если буду очень стараться — лет через 12 заработаю на маленькую однокомнатную... Но о доме все равно мечтаю. А нарисовать его — не могу. Потому что не могу себе ограничений поставить.

Вот у клиента есть, как правило, зацеливание на уровне какой-нибудь детали. Самый первый мой принес фотографию: «Во, так хочу». Я посмотрел:

лестница, балясинки, зелень. «Так это же не дом», — говорю. «Не, хочю так!»

Клиентов своих Дмитрий не выдает. Если и рассказывает, то так: «Ну, этот имел отношение к киноискусству, этот — деньги считать умел, а третий — антиквар». Объясняет это тем, что, кроме мафии, есть еще такие противные люди, как журналисты... Первую виллу он построил четыре года назад, и пока с заказчиками ему везет...

— А с чего все началось?

— Была совершенно обычная московская семья, 25 лет я в коммуналке прожил, на Семеновской... Как-то приятель зазвал меня в худшколу. Я там немного поучился. А после нее все обычно идут в архитектурный. Ну, все идут — и я иду!

Первый раз, правда, провалился. На меня все махнули рукой, чудом не забрали в армию, и я целый год рисовал и рисовал. А когда на следующий год поступил — как-то сам себя заужавал. И даже стал получать повышенную стипендию. А когда мой преподаватель позвонил отцу и что-то такое приятное про меня наговорил — мне тут же отгородили шкафом угол в проходной комнате. И вот я приходил в четыре из института, спал, а в одиннадцать вставал — и в ночь уходил, работал.

Мне вполне хватало рубля в день. Я даже собрал отличную библиотеку по архитектуре, какую сейчас себе не мог бы позволить...

А потом — диплом... Я опоздал к сроку, все хорошие темы разобрали, и тут мне говорят: «Будешь делать

панораму «Малая земля». Я, конечно, брыкаться, но как-то неудобно: мне предложили остаться на кафедре (беспрецедентный случай за 15 лет!), мне помогают, а я в бутылку лезу. Ну и сделал. Хороший, кстати, проект. Представь себе: Цемесская бухта и пирамида. Этакая долина Гизы. Абсолютно постмодернистская вещь. Я, конечно, боялся, что крамолу просекут, но проект очень понравился Ю.Н.Швердяеву, любимому ученику Жолтовского, — и защита прошла на ура.

А в аспирантуре у меня была тема: деталь в типовой архитектуре. Два года я шатался по Москве, снимал, рылся в архивах и понял наконец, что занимаюсь фигней. Потому что от меня требовался рецепт: как из воды сделать золото... Можно было, конечно, поступить цинично и защитить эту диссертацию. Но тут судьба свела меня со старыми друзьями, я плюнул на все, и мы стали делать кургиняновскую студию.

— Ого.

— Дело в том, что, когда Кургиняну в 1985-м отдали сарай во Вспольном переулке, единственным архитектором, которого он знал, был мой друг Коля Голованов. Он туда ходил, когда они еще в МИФИ играли... И вот мы стали чего-то мудрить на тему этого сарая, куда ничего ровным счетом не помещалось, а тут как раз объявляют всесоюзный конкурс «Театральный Центр в реальной градостроительной ситуации». И мы решили добавить в проект три соседних дома. И получили первую премию.

Кургиняну все это так понравилось, что он под наш проект стал делать свою программу. И в конце концов эти три домика ему действительно передали!

— А тебя не смущает...

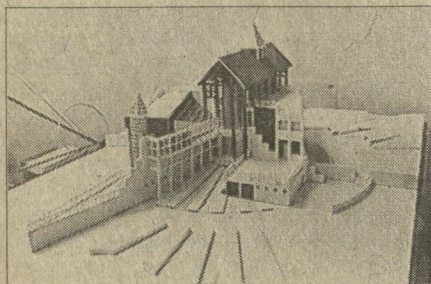
— Все, что он делает, — он делает от души.

Впрочем, извините, политика здесь и не предполагалась. Больше всего меня интересовало другое: возможен ли в наше постмодернистское время новый Шехтель? И почему бы Дмитрию не исполнить его роль? Такой же сэлф мейд мэн. Так же, как Шехтель, начинал с театра. Мастерская — через дом от шехтелевской. Строит — там же, в окрестностях Патриарших прудов. И даже делал небольшую работу в одном из шехтелевских особняков. А главное — тот же принцип работы.

— Когда мы сделали проект переделки фасада во Вспольном, к нам пришел один искусствовед и сказал: «Хорошо, хорошо. Но что вы будете делать вон с теми крестами?» «Как что делать? — удивился я. — Это мы их и сделали, их там раньше не было!» «Да нет, — эксперт говорит, — я тут сорок лет хожу, они были». Это был, конечно, высший комплимент...

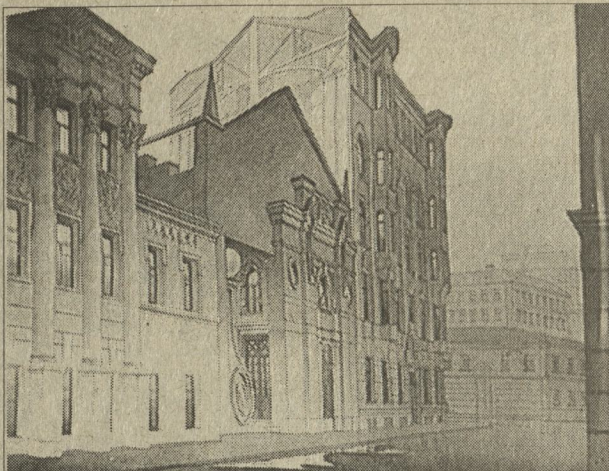
Понимаешь, этот фасад сложился из того, чем я занимался в аспирантуре, плюс мои субъективные ощущения от окружающей среды. Вот на воротах волюта — она с соседнего дома Руднева. Готическая тема — она есть у Шехтеля, на Спиридоновке. А вынесенные карнизы — они с дома Гельриха. Так что этот фасад — это как бы синкретический, собирательный образ.

Все, что я рисую, — идет, наверное, из души. Я же ничего не срисовываю, не цитирую, как это иногда делал постмодернизм. Я передаю свой субъективный образ... Или вот последняя моя работа. Из чего эта вилла? Участок, течет маленькая речка. А через нее — старинный мостик. И это так здорово: на типовом участке — речушка! И рука сама уже рисует какой-то кривой ход, диагональ... А когда дом в макете появился, все сказали хором: «Корабль».

Эта вилла пока без названия. Зато с двумя саунами, домиком садовника, бассейном, лифтами, гостиной (250 кв.м!), бильярдной... Заказ фирмы, занимающейся конверсией.

«Если бы театр сейчас открылся — критика сошла бы с ума!» — считает архитектор. Однако денег у Сергея Кургияна пока нет...

— А откуда цвета: красный, белый, зеленый?

— А какие в совке есть приличные материалы? Красный голицынский кирпич. Что может сделать рабочий? Штукатурку. Понятно, белую. А крыша нормальная, как известно, медью кроется. Новая, она красная, а старая — зеленая. Вот и вся колористика!

— Ну вот опять: совок, совок... А там что?

— А там еще хуже. Рынок перенасыщен, бесконечные возможности компилирования, в каталогах все есть... Там архитектор превратился в математика, ему компьютер полностью заменил вдохновение, воображение, фантазию! Качеством изготовления, комфортабельностью подменяется другое — духовное начало, образ...

Архитектор стал инженером, который только отсматривает технологию. Он уже забыл, что линия, проведенная на эскизе чуть вкось или чуть толще, — она имеет особое значение при строительстве, она передает вполне определенное состояние! Один мой знакомый, архитектор старой школы, говорит: «Я знаю, что, если тут линию на два миллиметра подвинуть, карниз чуть опустить, — все же изменится. Я знаю — а они нет». И правда: приходят финские строители, югославские — им все равно! «Так? Значит, так!» Абсолютная беспринципность.

Так что здесь будущего гораздо больше. Возможности, конечно, другие. Все эти кессончики, ручки, переплеты — все это такой кровью дается! Там этим никто заниматься не будет... Была у нас одна французенка и все восхищалась: «Вы, — говорит, — вымирающие! Все, что вы делаете, — это позавчерашний день, плюсквамперфект! Вы обречены!» Но мы-то хотим доказать, что архитектура — это искусство!

Кто-то решит, что Величкину просто повезло. Что, будь у меня такая мастерская, — и я бы не хуже строил. А так — кого из выпускников МАрХИ ни встречу — все ноют: делать нечего, архитекторы не нужны, институт — липа. Почему?

— В этом году я впервые был членом госкомиссии. Смешно: сижу с хвостиком — а кругом все лысые! И вот представляет студент громадный комплекс: с кинозалом, гостиницей, стадионом... Там мастерской три года работать надо — а он за три месяца состряпал. Я встал и говорю: «Композиция — блистательная. Как художнику я вам ставлю «пять». Но, если судить проект как реальную вещь, — он и на «единицу» не тянет!»

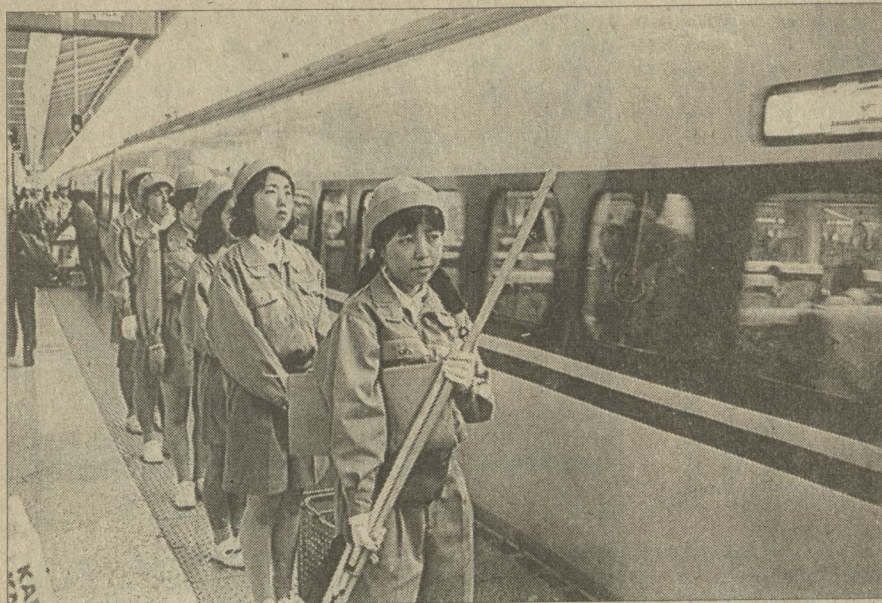
Я против этих дурацких неподъемных тем. Ведь если человек не может построить нормальный жилой дом — какой он архитектор? И какой он профессионал, если, приходя на работу, начинает меня дергать: а где взять ГОСТ? а как сделать тот узел? а где строители? Вечно так: выходит из вуза великий художник, приходит в контору — а оказывается, надо дерьмом заниматься!

Ерунда — кругом. Разговариваю я со строителями: мол, ребята, вы накручиваете цены, но никто не ищет новых технологий. А завтра, когда сюда хлынут оттуда, где делать уже нечего, где все сделано-переделано, — нас же всех сожрут! Да и вас тоже — журналистов, художников... А мы живем сегодняшним днем, пьемся на Запад, вместо того, чтобы придумать что-то свое, оригинальное...

Но все равно я никуда отсюда не уеду. Помнишь, комсомольцы говорили: кто, если не ты? Ну вот, в этом смысле я комсомолец.

Беседовал Николай МАЛИНИН

Фото ВЛЕВИТИНА

СТРАНА- ЧИСТЮЛЯ

Япония поражает. Человек, первый раз выехавший из Великой России, имеет все основания опасаться за свой рассудок. За две недели пребывания в Японии мы видели столько интересного, что, конечно, рассказать обо всем невозможно. Вот лишь несколько зарисовок-картинок из обыденной жизни Страны восходящего солнца.

Перед отправлением электричек происходит действие по уборке вагонов, которое иначе и назвать нельзя, — по своей виртуозности оно сравнимо только со сложным цирковым номером. Девушки-уборщицы в несказанной красоте темно-розовой униформе за несколько минут до прихода поезда выходят на платформу и выстраиваются, где останутся двери вагона. У обычных вагонов — по две уборщицы, у первого класса — шесть. Прибывающий поезд они приветствуют почтительным поклоном. Когда замыкающая строй девушка через окно вагона видит, что выходят последние пассажиры (уважаемые клиенты железнодорожной компании), она дает команду войти в вагон. Движения четко отработаны: освобождаются пепельницы, убирается мусор из специальных сеток, вагон пылесосится, срываются старые и кладутся новые белоснежные подголовники, спинки ставятся вертикально, все кресла поворачиваются по ходу движения. Через три-четыре минуты вагон убран. Девушки выходят, выстраиваются и приветствуют новых пассажиров поклоном, приглашая их войти.

На привокзальной площади любого города Японии в любое время суток вас обязательно ждет такси с вежливым водителем, который погрузит вещи и отвезет в любое нужное вам место. На привокзальных площадях скапливается много свободных машин, однако у них есть очередность, строго соблюдая которую таксисты подъезжают на посадку. Если вы берете машину для экскурсионной поездки, водитель предложит вам по цветному плану выбрать желаемый маршрут. Во время поездки он выполняет роль гида. Отсчитывая сдачу до последней иены, водитель предлагает вам свою визитную карточку, чтобы вы могли воспользоваться его услугами еще раз или порекомендовать его друзьям. Все таксисты работают в белых перчатках. Движение на улицах очень интенсивное, однако спасает великолепная организация, четкая разметка, указатели, а главное, предупредительность других водителей. Если дорожные службы затевают ремонт, перегораживая одну из полос, обязательно до и после препятствия стоят полицейские и, поль-

зуюсь рацией, с максимальным удобством для водителей регулируют движение, извиняясь за доставленное неудобство вежливыми улыбками.

Однажды в «Парке для ланей» — месте, где лани действительно гуляют по парку, — я наблюдал интересную сценку. Мальчик пяти-шести лет, гуляющий с родителями, ухитрился сесть верхом на лань. Я с испугом стал оглядываться по сторонам, ожидая, откуда прибежит «тетя Дуся» с метлой и что она скажет малышу и его бедным родителям. Никто не бежал, а лань присела на задние ноги, и мальчик шлепнулся на землю. Все весело засмеялись, приласкали животное и угостили его булочкой. Увлечшись этой сценкой и снимая, я не заметил, что мешаю работать трактору, который черпал ковшем землю не подалеку и увозил ее. Тракторист спокойно стоял и ждал, пока я закончу снимать и отойду. Услышать его я не мог, потому что двигатель трактора работает тише, чем у нашей «престижной» девятки.

Дети в Японии очень веселые и свободные. Ребята, которых я снял, возвращались из школы и, заметив, что их фотографируют, начали весело позировать. Видимо, они действительно счастливы. На улице, в метро, если ребенок видит, что он может помешать пройти взрослому, да еще с багажом, он замирает, уступая взрослому дорогу, а не бросается ему под ноги.

На улицах японских городов чувствуешь себя в полной безопасности, комфортно и спокойно. Все для этого приспособлено. Оживленно, однако цивилизованно идет торговля — это удобно и для продавца, и для покупателя, а главное, для всех остальных, спешащих по своим делам людей. Никто не раскладывает на улице водку, сигареты и водопроводные краны. Впрочем, для этого нужны специфические условия и высочайший указ. Интересен рассказ о Японии журналиста Леонида Владимировича, человека, уехавшего из Союза более четверти века назад. «Новая техника и новое благополучие, привнесенные такой великолепной работой, изменили японское общество. Это общество чистое. В Токио — 12-миллионном городе — ни соринки. Все время там моют, чистят, сметают каждую пылинку. В городах Японии практически нет бытовой преступности, не воруют, не грабят. Все японцы, начиная с младших школьников, грамотные. А быть в Японии грамотными — это не 28 литер, а тысячи иероглифов. Японцы перерабатывают, перенапрягаются, спят в поездах метро. Вдоль стен в очень удобных ваго-

нах метро идут удобные бархатные диваны. Как только японец дорывается до этих диванов, у него падает голова, и он засыпает, а на своей станции, как это часто бывает, он автоматически, по инстинкту просыпается. Японцы работают значительно более 8 часов. Они не отсиживают, они действительно работают. Это вошло в привычку, и от этого люди стали умирать. В Японии появилось явление, которое по-японски называется «короши». Это смерть на работе от переутомления (Би-би-си, «Севаоборот»).

Около императорского дворца в Токио почетный караул конной полиции. К полицейским безбоязненно можно подойти, они приветливо и охотно расскажут о дворце. Спокойно, профессионально работает те-

левизионная группа. Несколько минут подготовки — и пошла запись. На них никто не обращает внимания, только обходят, чтобы не помешать.

Боюсь, что мне не поверят, однако это правда. Фирма выпустила новый сорт пива и для рекламы бесплатно раздает баночки на центральной улице Токио — Гинзе. Девушки в форменной одежде компании с улыбкой и поклоном предлагают взять с подноса баночку и попробовать. Некоторые останавливаются, пробуют, берут с собой (одну-две баночки, ящиками не тащат).

Япония — это не другая страна. Это — другая цивилизация.

Фото и текст Н.ЗВЯГИНЦЕВА

Novoye Russkoye Slovo

«Бизнес (англ. BUSINESS) — дело, занятие, являющееся источником наживы.»

Советский энциклопедический словарь
(изд. «Советская энциклопедия», 1980 год.)

Новое русское слово — **БИЗНЕС** — это **Информация, Выбор, Успех!**..

Крупнейшая русскоязычная газета Запада «**НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО**», издающаяся в Нью-Йорке с 1910 года, заявляет: **У нас есть место для вашей рекламы!**

Мы выходим ежедневно в США, Канаде, Германии, Израиле и еще сорока странах. Аудитория — около миллиона человек. Вы можете **выбрать партнера.**

Мы желаем вам успеха!

И помните: в Америке не спрашивают — в Америке предлагают.

Телефоны наших агентств в Москве:

255-6010,

254-2272;

для частных объявлений

255-6008;

телефакс

973-2020

В России мы работаем за рубли!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛТИ ЗАВТРА!

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

**ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!**

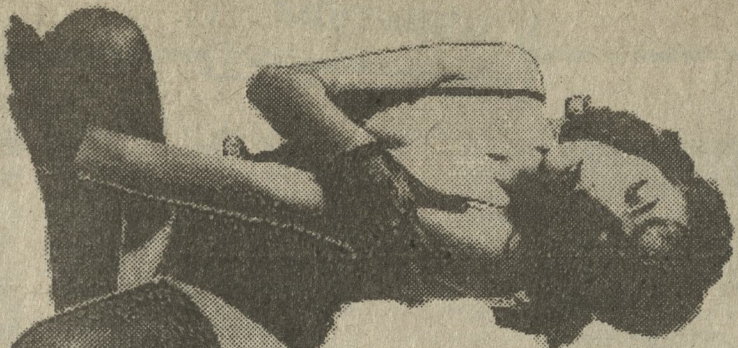
**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ «МММ-ЭКСПО»,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР, ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ-ОСТАНКИНО».**

В оптовой и розничной продаже: компьютеры и оргтехника, аудио- и видеопаратура,
электрооборудованная техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.

**Отдел приватизации и акционирования
предлагает услуги:**

- приватизация предприятий
- распространение акций и облигаций акционерных обществ
- покупка и продажа престижных акций, сертификатов
- формирование портфеля надежных ценных бумаг
- размещение кредитов

Телефон для справок и заявок 111-31-22

«МММ-ЭКСПО» пл. Революции, д. 2/музей В. И. Ленина, 3-й этаж. С 9.30 до 19.00, кроме воскр. и понед.
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР - Варшавское шоссе, д. 26 м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00, кроме субб. и воскр.
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ-ОСТАНКИНО» ул. Ботаническая, д. 29, м. «ВДНХ»,
тротуар № 73, 36 до ост. Гостиница «Останкино». С 10.00 до 19.00, кроме субб. и воскр.

111-00-65
111-20-70

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

Сцена из спектакля «Обрыв» В ролях Р.Д.Нифонтова и Е.В.Самойлов

ВОЗРОЖДЕНИЕ В МАЛОМ

«Обрыв»
Малый театр,
реж. В.Ефремова

В минувшем сезоне Дому Островского явно нездоровилось. Взятый в осаду первенцем рыночной экономики — «толкучкой», театр словно заразился от начинающих торговцев коварной бациллой светливости. Болезнь протекала нелегко, вирус оказался изменчивым. Под Новый год разбил государственно-императорский паралич — спектакль «Царь Петр и Алексей», на Пасху же настиг монархически-церковный невроз — постановка «Царя Иудейского». Но потом базар разогнали, Театральную площадь подмели. Вдохнул вроде бы и Малый. Во всяком случае, выпущенный под занавес сезона «Обрыв» не отягощен родством со злободневными веяниями. Издавна считается, что в искусстве Малого театра сильны две «линии» — романтическая и бытовая. С этой точки зрения роман Гончарова дарует редкую возможность соединить лирическую историю с «картинами русской жизни». Спектакль, правда, позволяет оценить не столько живость традиций, сколько масштаб потерь. Девушки здесь излишне порывисты и неврастеничны, молодые герои — бесцветны и как-то абстрактно задумчивы, пожилые помещики обозначены несколькими «жирными мазками», а Бабушка (не иначе как олицетворение России) в исполнении

Руфины Нифонтовой пугающе монументальна. Зануды, кроме того, обратят внимание на просчеты инсценировки и вялую режиссуру. Но зрителю, считающему себя консервативным, спектакль понравится. Как и тому, кто захочет на один вечер притвориться консервативным перед самим собой. И у тех, и у других будет повод порассуждать о возрождении Малого театра. Которое, будем надеяться, обязательно случится. Если только опять не одолеет какая-нибудь хворь.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

НУ, ЗАЯЦ, ПОГОДИ!

«Белый король, красная королева»
Ст. «Курьер»,
Концерт «Мосфильм»,
«Инициаль групп» (Париж),
«Аленафильм» (Женева)
«Я хотела увидеть ангелов»
Киностудия «12 А»,
Twelve L.A. inc. (New York),
Screen angel production
(San Francisco)
Режиссер С.Бодров

«За двумя зайцами погонишься...» Именно это и сделал режиссер Сергей Бодров, снимая почти одновременно два фильма. Хорошо, что у них не так много общего, разве что «кочующий» реквизит. А еще — сюжеты. Точнее говоря, их стандартность. Сюжет первого фильма вполне можно назвать «молодежным», а тут уж все темы и вариации десять раз пережеваны еще в начале перестройки. Сюжет второго

не требует даже комментариев — «русские за границей». Но каковы бы ни были зайцы, а поймать их надо. И так, мы гонимся за первым зайцем — «молодежным». Приманка первая — название: «Я хотела увидеть ангелов». К сожалению, кроме кажущейся завлекательности, в нем ничего нет. Это название — характерный прием смещения фокуса: подфильма думаешь, что все будет про девчонку, а оказывается — про мальчишку, на которого и внимания никто не обращал. А ангелы тут вообще ни при чем. Приманка вторая — герой. Он приезжает на мотоцикле из Саратова по заданию босса-мафиози, чтобы «убрать» намеченную жертву. Но по доброте душевной плюс из-за возникшей в его сердце любви к героине не может совершить убийство, за что убивают его. Жалости это не вызывает. Противный заяц! Он ни на что не реагирует, и его белый хвостик уже мелькает где-то вдали. Приманка третья — героиня! Пожалуй, это тоже безуспешный ход, так как героиня — приманка скорее для самого режиссера, любящего неприкаянных тинейджеров, нежели для нашего зайца: юная, одиноко живущая на чердаке и ненавидящая человечество. Бросим вслед этому зайцу другие мелкие приманки — погони, перестрелки, безмерную любовь, пистолеты, рокеры и музыку группы «Монгол Шуудан» (неплохую, кстати), — но на компиляцию из «Роковой ошибки», «Стрел Робин Гуда» и легкого отблеска «Заводного апельсина» зайцы нынче не ловятся. А вон за кустами показался заяц номер два. Начнем опять с названия. Сперва фильм назывался «Русские». Потом его заменили на «Белый король, красная королева». И правильно сделали, потому что при первом взгляде на экран вместо идиотской песни в голове возникают мысли о Набокове, что уже настраивает на что-то хорошее. Приманка вторая — отсутствие дешевых приманок. Приманка третья — прекрасный актерский состав: Татьяна Васильева, Владимир Ильин, Алексей

Жарков, неизменный Армен Джигарханян. И самое главное — фильм смешной получился, в лучших, скажем, гайдаевских традициях. «...ни одного не поймает». Одного-таки поймали. А что второй убежал — так нельзя же, чтоб во всем везло!

Жанна СЕРГЕЕВА

СЕНСАЦИЯ!

Александр Башлачев
«Таганский концерт»
Альбом из трех пластинок фирмы «Фили Рекордз»

Сенсации в мире грамзаписи случаются крайне редко. Найденные М.Шагинян пластинки гениального частного композитора Мысливечка, например, — это сенсация. Обнаруженная случайно неизданная сюита Эллингтона — сенсация. Неизвестные публике песни «Битлз» — сенсация. Такой же сенсацией стал и выпуск пластинок с записью концерта Александра Башлачева в театре на Таганке 22 января 1986 года. Эти записи были овеяны легендами. Мало кому из меломанов были известны эти пленки. А про то, что где-то есть студийная запись «Егоркиной былины», «Ванюши», триптиха памяти Высоцкого, слухи ходили довольно давно. Профессионалы про них, разумеется, знали. За ними охотились издатели и во Франции, и в Англии. Наверное, было бы неплохо, если бы концерт гениального певца и поэта вышел на Западе на какой-нибудь престижной фирме. Но мы бы тогда точно были лишены возможности его купить и послушать.

Молодая московская фирма «Фили Рекордз» издала пленки полностью — без купюр, со всеми речевыми вставками, как и полагается выпускать такие уникальные записи. Нельзя не отметить высокое качество звучания, выгодно отличающее этот выпуск от предыдущих пластинок А.Башлачева. Без всякого сомнения, выход этих пластинок — событие года.

Андрей ГАВРИЛОВ

ДРУГИЕ НАТЮРМОРТЫ

**Выставка
Д.Краснопевцева
ЦДХ**

Кажется, нынешняя выставка Дмитрия Краснопевцева — его третья персональная экспозиция, а первые две — в 62-м и 75-м — проходили неофициально в квартире Святослава Рихтера. Удивительная история произошла с художником. Во всех справочниках «другого искусства» его имя, конечно, есть, миф о его сакральных натюрмортах возник вместе с лианозовским мифом в конце 50-х и прочно укоренился в художественном сознании. Но то ли отсутствие «персоналок», то ли негромкая судьба (не сидел в тюрьмах и психушках, не уезжал в эмиграцию, не самоучка — институт закончил), то ли полная работа, напрочь лишенные сиюминутного социального антуража, то ли полная автономия от жизни любых профобъединений — официальных и неконформистских; — все это создало впечатление его полной добровольной отторгнутости от перипетий художественной жизни и внешнего времени. Слишком сложен и закрыт художник с его экзистенциальными картинами цвета «античности» для нынешнего политизированного да в придачу коммерциализированного сознания. Впрочем, уверена: самому Краснопевцеву это все равно. Как-то он написал, что «душа (картины) неведома до конца и самому художнику». Должно быть, постигать суть себя и своих удивительных работ, т.е. времени

внутреннего, во сто крат увлекательнее, труднее и чище, чем строить круг поклонников, учеников и сподвижников, создавать «паблисити» и «имидж» (даже затворника) или разбираться в группировках (худ., полит., парт., соц. и т.д.). ...Странно видеть его холсты в ЦДХ. Даже в этом небольшом дальнем зале второго этажа слишком близки чужеродные соседства, слишком много места и людей, чтобы сосредоточиться на размышлениях о смерти, которые, по слову художника, «помогают нам жить». Но все-таки здорово, что можно, наконец, увидеть Краснопевцева. Ведь размышления над его натюрмортами, действительно, помогают.

М.К.

СПИРТНОЕ ТОЖЕ БУДЕТ

**Альманах «Золотой век»,
№ 2, 1992**

В нашей жизни что-то мало радости. Но многое в ней же опровергает этот уныло-интеллигентский триумф. В частности, «Золотой век», продолжающий (в отличие от многих начавшихся и тут же скончавшихся) восполнять пропуски в образовании интеллигенции, если таковая у нас еще имеется. Если же имеется, то ей будет что почитать. Причем по преимуществу в жанре, который адресован именно «прослойке», — эссеистике. Некоторые имена — С.Малларме, М. де Унамуно, З.Зиник, С.Соколов —

говорят сами за себя. Некоторые — обязательно заговорят вскоре. Это — блистательно-парадоксальный И.Померанцев, ироничный И.Клех, а также совершенно неизвестный у нас (даже по имени, в общем-то) гонимый лауреат и отец сюрреализма Жюльен Грак. Как говорится, команда авторов подобралась очень сильная. А повышенный градус журнального профессионализма, заявленный первым номером, удерживается и в гравюрах С.Семенова, виртуозно пользующегося изобретением Гутенберга, и в фундаментальности аннотаций, сносок и примечаний к публикациям, и в хорошем русском языке переводчиков, и в увлекательности подвешенных к основным статьям материалов (А.Рембо, С.Беккет, Дж.Джойс). Во всем этом, конечно, есть некая избыточность, и «проглотить» альманах за вечерок вряд ли кому удастся. Но ведь недаром его название напоминает о вечности — он составлен, издан и даже переплетен, как книга, каковой, собственно, и является: книгой о вкусовой, но не слишком здоровой пище для ума. Кстати, есть в ней кое-что и для удовлетворения простых и насущных интересов широких слоев населения — строго научный рецепт приготовления водки. Так что пресловутое «интеллектуальное пиршество» будет чем запить. Говорят, что у «Золотого века» тоже подходит к концу наличность. Как жаль!

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

P.S.

Во второй половине сентября АРТ МИФ, организатор московских международных художественных ярмарок, проведет при поддержке московского правительства и Ассоциации галеристов первый фестиваль московских галерей, который сможет привлечь внимание публики, покупателей, прессы и деловых кругов к проблемам нынешней художественной жизни. Двадцать галерей в течение недели пригласят гостей на свои презентации и вернисажи. Среди участников: аукционный дом «Альфа Арт», «Арка», культурный центр «Арт-Бля», Восточная и Новая Галереи, «Гельман Геллеры», «Геоид», «Марс», «Московская палитра», «Сарт», «Сегодня», «Студия 20», «Вместе», «Айдан», «Риджина» и другие.

Новое театральное агентство «Богис» и Культурный центр моды «Пашкин дом» выпустят в этом сезоне спектакль о звезде русского балета Вацлаве Нижинском с участием О.Меньшикова и А.Феклистова. Режиссер спектакля — ученик П.Фоменко Иван Поповский (Македония), уже известный в театральном кругу постановками «Приключения» М.Цветавевой и «Ваятеля масок» Ф.Кромелинка, выпущенного тем же «Пашкиным домом». Этот проект должен стать не столько простым спектаклем, сколько культурологической акцией, показывающей Нижинского как олицетворение высокого русского модерна.

В октябре в Москве откроется Немецкий культурный центр имени Гете. Начнет он свою работу Днями немецко-русской литературы, книжной выставкой и ретроспективой фильмов Р.В.Фассбиндера. Обширная программа центра включает постоянно действующую библиотеку и курсы немецкого языка.

Заставка
С.Семенова из
«Золотого
века»

Откровенно сказать, мне был заказан материал о том, как Павел Лунгин, не признанный на родине режиссер, путешествует со своим, тем не менее знаменитым «Такси-блюзом» по миру, от Нью-Йорка до Токио транзитом через Канн, лопаает устрицы, посещает казино и парится в турецких банях, похлестывая себя веником из пальмовых ветвей. И через это приобретает такую сумасшедшую известность, что сам Годар замечает, прищурясь: даже когда этот ваш Паша Лунгин ест йогурт, видно, какой он прохиндей!

Алла БОССАРТ

...БЛЮЗ ИНДИЯЛИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ!

Но до йогурта и веселых приключений в Париже как-то у нас не дошло. А на мой вкус — сам по себе сюжет Лунгина: бенефисный триумф, внимание режиссеров первой величины за рубежом и едва ли не бойкот дома — приключение достаточно занятное, чтобы его обсудить без дополнительных вылазок на пляс Пигаль.

Павел Лунгин, сорок два года, сценарист, режиссер, сын сценариста Семена Лунгина, имеет брата в Париже, дважды женат, автор нескольких мгновенно забытых детских сценариев, автор картин «Такси-блюз» (1990) и «Луна-парк» (1992). Обладатель приза за лучшую режиссуру в Каннах (1990).

На помпезной рождественской «Нике» фильм «Такси-блюз», номинированный по четырем позициям (актер, оператор, сценарий, лучший фильм), получил один приз — за операторскую работу очень талантливого Дениса Евстигнеева. Но одно дело — уступить Кире Муратовой, уступить мамоновский сакс невероятному, бредовому, скрежещущему соло на трубе — уступить и пообладать за «Астенический синдром». И совсем, извиняюсь, другое — когда лажают тугой, как стальная пружина, полнокровный сценарий про жизнь полнок-

ровных людей — в пользу публицистики, в сто двадцать девятый раз со свистом выписывающей восьмерки по всем пунктам наболевшей проблематики «Так жить нельзя». Обидно.

Но «Ника» — «Никой», не за призы в конце концов любит кино население. Но ведь и население лишено возможности полюбить (или не полюбить) Лунгина, так как фильм был замечательно завален в прокате.

— *Итак, ваша версия, Павел: почему там вас знают и любят, а здесь как бы и знать не хотят?*

— Согласен. Но дело в том, что люди по природе своей любят хорошее. Качество все равно берет верх. Тут то же самое, что в покупке вещей.

— *Неужели? А как у нас народ пер на индийские фильмы, не больно смущаясь укоризной критиков?*

— А чем вам не угодили индийские фильмы? Почему считается, что если кино — просто житейская история, «стори», мелодрама, — это обязательно кино плохое? Интеллигенция привыкла считать, что истинное искусство, настоящее, высокое, пророческое...

— *...должны понимать пять чело-век?*

— Ага. Если семь — уже хуже. А все, что заставляет плакать, переживать, ежиться, — это уже не настоящее. Мне непонятно, в каком кинематографическом мире мы живем. У нас до сих пор осларивают корону Тарковского. Считается, что фильм без формальных приемов стыдно людям показать. А ведь есть, между прочим, общий мировой кинопроцесс, который ведет совсем в другую сторону. В «индийскости» есть свое величие. Люди хотят смотреть КИНО. А наше кино пронизано — даже не советским, а каким-то византийским презрением к зрителю.

...Духовный отец советских художников (советских, господа, советских, несмотря ни на что, нечего обольщаться) Иван Иванович Эзоп селекционировал затейливое чудо-юдо: «крылья, как у пчелы, вместо ушей цветы, вместо хвоста нога, а на ноге — рога». Нет ничего более сюрреалистического в мире, чем советское искусство: в одном доме я видела серию курьезных картинок — плоды, совмещающие две различные природы: кукурузный початок в банановой кожуре; снаружи яблоко, а в разрезе — мандарин; наполовину очищенный мандарин, глазеющий сердцевинкой крутого яйца; кружочки помидора, отсеченные от огурца, — и так далее. Приблизительно то же самое предъ-являл нам на протяжении семи десятков лет метод соцреализма, плавно переходящего в совпостмодернизм. Художественные фильмы-диссертации, романы-агропособия, стихи-календарь, живопись-доклад и, наконец, документальное кино, загримированное под тюлевую занавеску. От искусства требовалась, главным образом, постановка, а лучше — решение проблемы; причем одну, крамольную, проблему принято было (да, собственно, почему «было»...) выдавать за другую, официальную. Таким образом, искусство активно включалось в социальный прогресс. А киноведы до сих пор ломают головы над

— Я думаю, меня любят за границей, потому что я никогда не был пророком. Не умел и не хотел ничего сказать, как Солженицын, спасающий мир.

Для успеха за рубежом не требуется закладывать душу и продавать ум, честь и совесть. Просто там любят хорошие вещи.

— *Скромненько. А у нас что же — не любят хороших вещей?*

— Нет, мы любим то, про что нам сказали, что это хорошо. Так же, как все вдруг влезли в джинсы, не понимая толком, чем они лучше других штанов; так же, как потом нам сказали, что телевизор Джи Ви Си лучше, чем «Самсунг»...

— *Стало быть, капиталисты не страдают снобизмом?*

— Нет! Такая плотная, интересная жизнь, жизнь реальная, что нет времени на снобизм.

— *Ой, еще плотнее и интереснее, чем у нас?*

— Нет, конечно. Но качество плотности другое. Большие возможности и полная свобода потребления.

— *Но ведь это не значит, что и в духовной сфере на Западе потребляют только первоклассное. Потребляют то, что нравится, — не обязательно хорошее.*

знаковой системой Тарковского; тянет свои мучительные жилы Сокуров; и никто не верит, что Сергей Параджанов снимал просто невероятной красоты натюрморты, гениально декорируя Софику, и вовсе не думал ничего шифровать.

А мы-то, подростки шестидесятых, перекормленные проблемным искусством, рвали друг у друга «Историю одной компании» — обычную себе историю, без задач и символов — и обожали своего Аксенова. И была у нас любимая кинуха — «Седьмое путешествие Синдбада»...

Паша Лунгин — он из тех же подростков; мы, в сущности, весело жили в эпоху застоя, и друзья разъехались, и жизнь как бы сломалась, и повисла, как заводной физкультурник на турнике, вниз головой. Примерно так он и рассказал. Я тоже думаю, что нет виноватых — ни таксистов, ни саксофонистов. Просто жизнь такая мудацкая.

— **Вы любите джаз?**

— Да, конечно, и джаз, и рок. Я люблю всякое искусство, которое дает силу. Что вообще передает рок-н-ролл? Не знаю. Эта музыка не считается в привычных интеллектуальных категориях. Она дает силу. Энергию. Мне хотелось, чтобы энергия перла с экранов...

— **Вы до сих пор не хотите уехать за границу, скажем, к брату в Париж?**

— То, что с нами сейчас происходит, можно проанализировать только художественным методом. Только человек, который едет с Киевского вокзала до Бибирева, — вот он может ухватить какую-то правду. Сидя же, сами понимаете, в Париже...

— **Но и первый свой фильм вы наполовину делали в Париже, и второй, как я понимаю, там монтировали.**

— Мало того. «Такси-блюз» я и написал-то после Франции. Впервые в жизни съездил. По приглашению. Четыре года назад. Когда еще писал всякую ахинею и пил. И вот там, в этой Франции, во мне что-то лопнуло. Я вернулся и написал «Такси-блюз».

— **Догадываюсь, что Франция может перевернуть душу — но в таком странном направлении... Столь московская чернуха... Кстати, вот объясните мне, что западный зритель может понять в такой картине?**

— Ну вот вы — понимаете «Ночи Кабирии»?

— **Эк, хватили. Тут общечеловеческий материал, почти библейский.**

— Ну почему?! Конкретный быт конкретной итальянской проститутки. Разве вас озадачивали все бесконечные детали? Разве вы заметили,

Сценарист и режиссер
Павел Лунгин

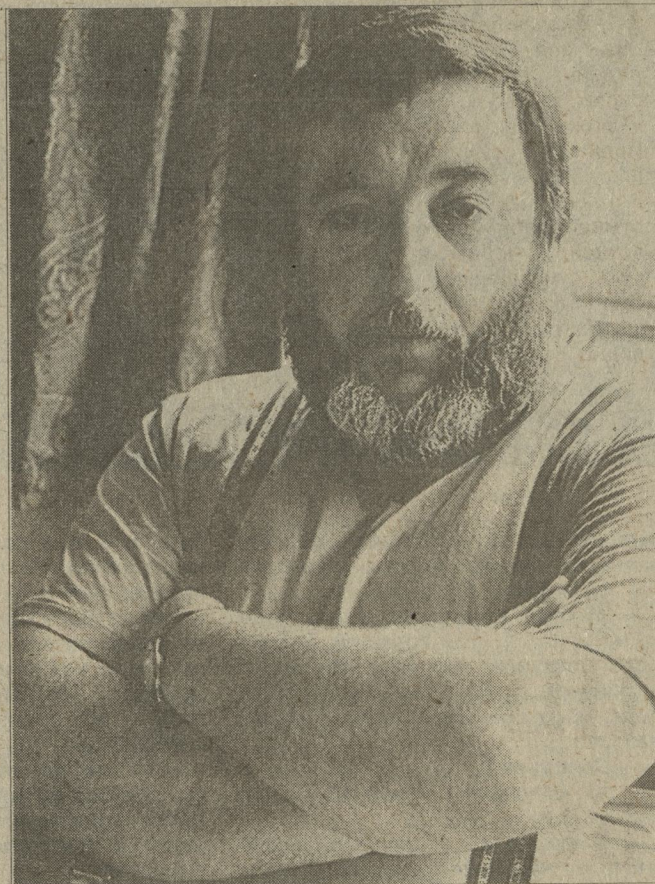

Фото В. Шишова

какая иконка там у нее висит или в какие юбки она одета?

— **Ну а разве не больно, что зритель не заметит такую прелесть, как водка у таксиста в камере хранения? Или жалобный мамоновский стриптиз — импортное старье в уплату долга?**

— Бросьте. У нас мания величия — якобы наши помойки самые замечательные в мире. Должен огорчить: в Нью-Йорке помойки намного живописнее, нищета намного удивительнее... Бидонвили есть во всем мире. Не показ «бидонвилей» интересует людей. Мы не козлы, и они не козлы. Никакого специального советского человека нет! Наша гордыня нас скрутила в чудовищный рог. Пора понять, что тебя любят за правду, а не...

(Тут я подумала грустно: «А не за то, что ты в жопе сидишь...»)

— ...а не за то, что ты в жопе сидишь и показываешь ее с пятого этажа! — развил вслух П. Лунгин мою тайную мысль.

— **У вас есть любимый советский фильм?**

— Уй, у нас, знаете, были потрясающие сказки! Был великий фильм «Человек-амфибия», где мы опередили мировой кинопроцесс. Спилберг целиком вышел из «Человека-

амфибии». А либеральная критика заклевала его так, что было стыдно сказать, что ты ходил его смотреть. Вот куда идет мировое кино — в сны «Тысячи и одной ночи». Только станет скучно — отрубает голову, скучно — отрубает. Что мы умели — так это сказки. Но умные кинематографисты выгибали, прививали это растение... Их мичуринство побороло-таки нормальное кино. Нужна была проблема — получили проблему. Но там, где проблема, — там нет кино. Кино — там, где история.

— **А в истории разве не может быть проблемы?**

— Интересно, какая же? Надо ли убивать саксофонистов? Нет, не надо.

— **Но проблема столкновения двух ментальностей... — вдруг чего-то заумничала я.**

— Проблема — единица подцензурного мышления! А всего-то и нужно: «Жили-были старик со старухой»... Вот чего по-настоящему не хватает. Кино ведь не перевоспитывает, не меняет жизнь... А лишь дает противоядие от жизни.

— **Хорошенькое противоядие! Беспросветная, безнадежная, пьяная пробуксовка в «Такси» и, того круче, «Луна-парк»: качки, моло-**

Кадр из фильма
«Такси-блюз»

Фото РИА — Новости

дые фашисты, «чистящие Россию», охота на старого еврея с простатитом, скотство и безденежье...

— Я буду уходить от этого. Надо снимать резче, фантастичней. Я хочу снять смешной, безумный фильм, с ощущением того, что невозможно жить, но жизнь бесконечно продолжается...

— **Соловьев?**

— Ах, Соловьев... Он мой друг, я ничего не скажу.

— **И что же, вы, стало быть, не думаете ни над какой... пардон, хотела сказать проблемой...**

— Нет, у меня нет проблем. Я никогда не приглашаю на экскурсию в мир Павла Лунгина. «Мир художника» — меня сразу начинает от него рвать.

— **Но вы сделали картину о художнике, который «разговаривает с Богом», и все такое...**

— Но я же над ним издеваюсь.

— **Неправда.**

— Ну, подшучиваю. Ну, конечно, говорит он, говорит с Богом... Или врет. Нет, конечно, «Такси-блюз» посвящен и мне, и всем моим друзьям, которые спивались, были не востребовааны. И сами не поняли, кто они: святые, гении, додонки... Саморазрушение было необходимо людям искусства, чтобы выжить. И я жил так же. Но разве Шлыкова, работягу, я меньше люблю? Разве я того люблю больше потому, что он — мое «альтер эго»? Он-то выкрутится, скотина, между своим Богом и портвейном. А вот кто Шлыкова спасет? Кто его посадил в эту клетку? Почему он не умеет ни жить, ни любить, ни жалеть...

— **И все-таки, когда Мамонов у вас говорит: «Быдло!» — это Лунгин говорит его устами.**

— Э, не-е! Я, если хотите знать, начал фильм с Мамоновым, а кончил его с Петей Зайченко. «Мы — интеллигенты, мы несем там в мир хрен знает что... А те — хорошие, простые ре-

бята, пришли с работы, выжрали стакан и легли спать». — Так, да? Но ведь их мука куда страшнее. Человек мычит от боли все время. Он ничего не может, ничего не умеет. Даже сказать не может слова — только в морду бьет... Невозможность выразить себя — вот трагедия. А тот черт — вывернется...

— **А как же заключительные титры: таксист вступил в кооператив и купил подержанный красный мерседес, а саксофонист закончил дни в психушке?**

— Так ведь и это — правда.

— **М-да, противоядие...**

— **Паша, а нравится вам вообще то, что с нами происходит? Какое у вас настроение? Не хочется временно нами удавиться?**

— У меня каждый день меняется ощущение от радости до страха. Я ничего пока не понимаю, куда мы идем.

— **Но радость все-таки присутствует?**

— Конечно.

— **На чем же она основана?**

— Пришли другие люди. Дети — они другие. То, что казалось навеки погруженным в спячку, пришло в движение. А там — неизбежен прорыв в новое качество.

— **Ну вот вы сделали «Луна-парк» — кино про это новое качество, про этих детей — фашистов и убийц, «чистильщиков».**

— А что им остается? Их все предали. Они могут только силой взять то, что им принадлежит. Мне кажется, что наш русский фашизм очень отличается от западного. Немецкий фашизм — поиск порядка. А наш — он от обиды, от какой-то любви неутоленной. Страсть, с которой они бросаются, как в омут.

— **По-моему, это еще ужаснее.**

— А я не утверждаю, что наш фашизм — лучше. Просто он другой. Ребята со Ждановской, качки, культу-

ристы, которых я отбирал на съемки, — они оказались именно такими. Живут стаями, дерутся. Но они же дали фильму и тепло, жизнь.

— **А с вашей тракторкой самих себя в фильме они согласны?**

— Они считают, что в фильме они — очень хорошие. Они сами себя играют, сами себя любят, добро дико пережато с жестокостью — двойной фокус их личностей и помоги сделать такой фильм. Ребята, которые так потрясающе играют, — они же ходят и тупо клянутся: больше денег, больше, еще больше, вот почему ему дали, а мне — нет... А когда к ним приехали наши друзья снимать видеofilмы о съемках, — эти симпатяги сказали, что, если им не заплатят, они разобьют камеру. Эта агрессивность, жадность — и способность отдать последнее... Вот источник потрясающей энергии.

— **После просмотра материала «Луна-парка» вы очень придирчиво интересовались: «была ли слеза?». Так принципиально важен момент растроганности?**

— Конечно. Слеза обязана быть. Даже «Черепашки ниндзя» — при всей своей знаменитой бездуховности — волшебная трогательная сказка. Вообще, оказалось, что слеза — дороже всего. Технология может все. И только слезы нет у нее в арсенале. И еще оказалось, что ничего и не требуется — не требуется никакой технологии, ни ее красоты, ни эффектов. Нужны только эмоции. Дзига Вертов и Эйзенштейн жили в плену идеологии и обязаны были создавать новый киноязык, чтобы сказать, как им казалось, новые вещи. Мы живем в период краха всех идеологий. Единственной ценностью мира оказался гуманизм. Человеческая слабость. Эта вот — в кавычках — слеза. Индийская. Бомбей. И потому сейчас все поиски нового языка, конструкции кажутся мне такими надуманными. Сейчас, мне кажется, надо забывать, как снималось кино. Туда, в человека, процарапать, может быть, сделать больно...

— **Но все равно это делается посредством языка. Вы же сделали два ярких фильма, отмеченных почерком.**

— Вот это есть талант.

Мы, конечно, посмеялись, и я предложила закончить на этой оптимистической ноте. Однако крамольная мысль нет-нет да и посетит: а вдруг успех и вправду имеет такое изысканно-простое объяснение? Хотя мы, конечно, помним, что «быть знаменитым некрасиво». А он и не знаменит. Ну вот признайтесь честно: знаете вы такого — П.Лунгина?

Наталья ИВАНОВА

Миргород: история продолжается?

**Когда Гнаенского-Безднина
расспрашивали, правда ли,
что приходили его
собаками травить, он не
отрицал, но говорил лишь о
том, как могла быть
напугана внезапным
появлением собаки их
кошка,
и если бы с кошкой
что-нибудь случилось, то
он даже не представляет,
что случилось бы с женой».**

М.Кураев
Дружбы нежное волнение

Такие уж настали крутые времена, что каждый жест «художника» неизбежно рассматривается ныне с точки зрения политических интересов («кому выгодно») — и либерально-демократической общественностью, и «патриотической» прессой. Идеологическая слава, как и бесславые, случается, бежит впереди человека; репутация коего подвергается досмотру почище таможенного за любой неожиданный чих. И вот что интересно: «патриоты» услужливо распа-

хивают широкие объятия каждому, кто грезится хоть чем-то им поспешествовать; демократы же яростно обличают и немедленно развенчивают своего же бывшего любимца. Отторгают навсегда.

На обложке одного из выпусков «Столицы» был помещен портрет-монтаж Станислава Говорухина: значительное лицо режиссера приклеено к туловищу, облаченному в чернорубашечный «памятный» костюм. Можно по-всякому относиться к учительски-прямолинейному (на мой взгляд, плоско-одномерному) фильму «Россия, которую мы потеряли» (и пожалеть о том, что дилетантствующий «во истории» режиссер нашел знатока-историка — для консультации — в лице С.Станкевича) и к не санкционированному демократами посещению Говорухиным заседания Русского национального собрания, где он (белокостюмный Говорухин) оказался в контрастной компании чернорубашечников со свастикой на рукавах. Но стоит ли отождествлять его с фашиствующими национал-патриотами?

Говорухину уже не раз — по «Свободе» — приходилось оправдываться, объяснять, что ему было любопытно и даже необходимо

побывать на стерлиговском собрании кагэбистов с заединщиками. Мол, как художник, он имеет на это полное право. Замечу, однако, что блюдущему себя «художнику» не пристало и восседать среди молодчиков Стерлигова с победоносным видом, памятуя о том, что блажен муж, ибо не идет... И так далее. Но я не только о небрезгливом Говорухине сожалею, но и о нас самих.

Постоянно строятся все новые перегородки, в спешном порядке возводятся баррикады, стенки и клетки: идет «чистка» по возрастному принципу, то бишь поколенческому; по половому — литературу начинают делить на «мужскую» и «женскую».

Еще два-три года назад мы бурно радовались тому, что исчез «железный занавес» между эмигрантской литературой и литературой метрополии; что произошло, наконец, великое воссоединение литературы русской, что у нее прибыло сил, что все — а особенно читатель — выиграли и теперь литературная критика может перевести дух и, наконец, заняться своим прямым делом: работать, исходя из «гамбургского счета».

Но какой же может быть общенациональный «гамбургский счет», ежели у каждой партии — опять-таки своя, отдельная «национальная культура», свои классики (и нолики)? Своя игра? Если «патриоты» на страницах своих изданий умудрились «не заметить» одно из крупнейших событий предшествовавшего года — публикацию новообретенной в спецхранах Лубянки поэмы Николая Клюева «Песнь о Великой Матери» только потому, что она увидела свет на страницах «Знамени», а «демократы» — вяло и без особого интереса прореагировали на новомирскую публикацию потрясающей «Счастливой Москвы» Андрея Платонова? Практически, ее не заметили?

Увы нам... Все-то нам кажется, все-то мнится, что групповой натиск в литературе, жесткое деление на «наших» и «ненаших» принесет свои весомые и питательные плоды. Не приносит...

В своем азарте мы не жалеем ничего — ни настоящего, ни прошлого; спешно осуждая иные из неприятных нам поступков литераторов, мы готовы немедленно зачеркнуть все то, что нашими оппонентами сделано, высказано, осуществлено, написано... Кто из нас без греха, может кидать камни в кого угодно; но у всякого можно найти свою ахиллесову пятку, распространяемую и на другие части тела.

Явной несправедливости — и в самом тоне разговора о коллеге — мы не можем себе позволить, даже если до оскорбительного тона опустился наш коллега, даже если мы крайне раздражены несправедливыми обвинениями в возделанный нами огород. Ибо взаимная нетерпимость не приведет ни к чему иному, как к новым «чисткам» в стремительно сужающемся, отраженном частотолом пристрастий и амбиций литературном пространстве.

Нет, я вовсе не хочу предстать эдаким «голубем», соглашателем, «люющим примирительный елей». Это совсем не мое амплуа. Но принципиальное и доказательное отстаивание своей точки зрения не должно иметь ничего общего с желанием унижить, намерением растоптать оппонента, «размазать» его по стенке. Тем более, что нехристианское, мстительное это чувство способно вызвать только одну аналогичную ответную реакцию; а значит, опять введет в очередной грех и того, к совести которого мы взываем.

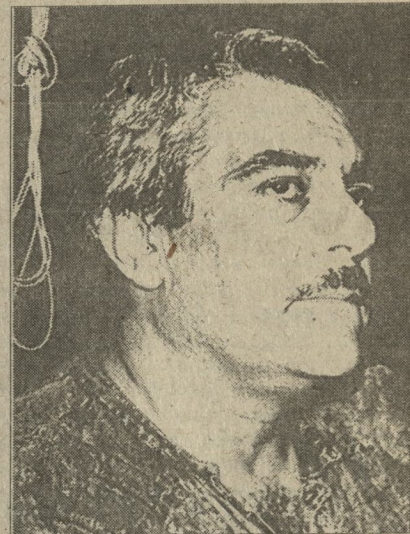
В августовской книжке «Нового мира» опубликована новая повесть Михаила Кураева «Дружбы нежное волнение. Записки провинциала». Автор многих, никем не замеченных сценариев, Кураев заявил о себе взбаламутившим наше море «Капитаном Дикштейном», замеченным всеми, переведенным ныне чуть ли не на все европейские языки, и вскоре подтвердил «неслучайность» своего литературного успеха «Ночным дозором». О менее удачных, «проходных» его вещах (а их было напечатано за последние годы несколько), говорить не будем; новая повесть, неожиданная, иронически-грустная, способна поставить в тупик критические перья из разных «стангов». И вот почему.

Герой-повествователь покидает — после разрыва с женой, дочерью и другом — крупный город; уезжает в город провинциальный, я бы рискнула сказать, отчасти «гоголевский» (вообще «гоголевский мир» переживает в прозе ренессанс, а загадочная фигура самого Гоголя опять стала необычайно важной для нашей литературы, но это тема особой статьи). А там, в провинции, он становится свидетелем нежной дружбы и внезапной ссоры двух известнейших в городе людей: своего рода «Ивана Ивановича» и «Ивана Никифоровича», которые были, как говорится, не разлей вода, а поссорились из-за сущей ерунды: литературной цитаты. Испытанная годами дружба полетела к черту, дело дошло чуть не до

поединка (ибо гордые и самолюбивые кураевские персонажи представляют собой два знаменитых дворянских рода; отсюда и мгновенная мысль о дуэли как способе разрешения ссоры).

Окружающие — в том числе и рассказчик — пытаются обратить глупейший раздор в шутку; но история дружбы неумолимо перерастает в историю вражды. Как всегда у Кураева с его фантастическим реализмом, история «малая» словно бы иронизирует над историей «большой»; исторические слои смешиваются, а воды, перед тем как сомкнуться над героями, отсвечивают и бликуют. «То, что мы сейчас переживаем исторические времена, сомнению не подлежит, это очевидно, — так начинается повесть. — Далеко не очевидно другое — что же это за история, в которую мы с вами влетели, и в частности я сам, лично». Рассказчику дана автором «говорящая» фамилия — Малхов, происходящая чуть ли не от имени раба первосвященника, Малха, которому, как известно, апостол Петр отсек ухо (а Учитель — что следует по одному из евангелий — его тут же прирастил. Важнейшая, между прочим, деталь). Мы «влетаем» все в новые и новые истории, итог которых нам неизвестен и неподвластен; известно лишь одно: что все мы в конце концов персонажи истории всеобщей и от нас зависит, останемся ли мы ее «галерными рабами». А подвластно нам тоже одно: взять выше тоном, посмотреть не только на других, но и на себя со стороны: не уподобляемся ли мы — вместе со своими оппонентами — вечной гоголевской паре, уже и запамятавшей, из-за чего же они все-таки поссорились, но — враждующей насмерть?

«Не литература, а стенанье души», — завершает свои заметки кураевский повествователь и лукаво предлагает варианты толкования рассказанной «истории». Да, разъяснить случившуюся в «нашем городе» (уж не МИРгороде ли — антиРИМгороде?) историю можно по-всякому. Но что растолкует, почему же все-таки — и с каким таким провиденциальным смыслом — было возвращено ухо рабу первосвященника Малху? Не попался ли несчастный Малх просто-напросто под горячую руку апостолу Петру, трижды, впрочем, отрешенный (через несколько часов) от столь жаростно защищаемого им Учителя — и им же прощенному? Так чей урок для нас важнее?

Один из последних снимков С.Довлатова

Творчество Сергея Довлатова я (как и многие другие) полюбил давно и сразу. Помню, жил тогда в далеком замечательном городе Рассказово в Тамбовской губернии. Учил детишек уморазуму в сельской школе. А вечерами — знали бы мои бедные ученики! — слушал вражеское радио «Свобода». Довлатова слушал. Он читал свои потрясающе смешные этюды из цикла «Ремесло». А два года тому назад писателя не стало. И как-то — верите? — стало тяжелее жить. Все его книги уже прочитаны. А новых никто за него не напишет. Мне кажется, все русские писатели ставили и ставят перед собой одну неправильную, странную задачу — напугать читателя, показать, какой страшный мир его окружает. А Довлатов наоборот. Довлатов, да еще — не смейтесь! — Александр Сергеевич. Во всяком случае, именно эти два литератора меня спасают.

Я люблю ездить по долатовским местам. Ездил в Эстонию и Санкт-Петербург, а недавно госпожа Судьба забросила меня в Нью-Йорк, где Довлатов прожил последние годы.

Мне, как всегда, повезло. Я встретил массу людей, которые знали Довлатова, дружили с ним. Белокурая, длинноногая, похожая на юную Марлен Дитрих, Вера Вайн, американский банкир, рассказала мне о том, как в ее доме проходил литературный вечер писателя, ее супруг Леонид Вайн подарил мне последний снимок Довлатова. Снимок сделан за две недели до смерти Сергея. У добрейшего Лени Вайна грустный объектив. Он иногда видит то, что не видит никто. Заметили: на фотографии — петля. Боже мой, какое страшное роковое пророчество!..

В день отъезда я должен был встретиться с Еленой Довлатовой, вдовой писателя. Увы, в самый последний момент встреча отложилась. Но по долатовским местам я все-таки погулял. Сопровождал меня Григорий Поляк. Человек беско-

Евгений СТЕПАНОВ

ПО ДОВЛАТОВСКИМ МЕСТАМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

нечно добрый и симпатичный. Подвижник русской культуры. За двадцать лет эмиграции он в своем издательстве «Серебряный век» выпустил книги Ремизова и Вагинова, Булгакова и Аксенова, Платонова и Адамовича, Олейникова и Венедикта Ерофеева, Хармса и Довлатова... То, что меня сопровождал Григорий, было вдвойне приятно, ибо Поляк — прототип многих героев писателя, один из ближайших его друзей.

Район, где жил Сергей, называется Квинс, местечко — Форест Хилс. Дома — по нью-йоркским масштабам — небольшие, много русских, бывших советских евреев, русская речь слышна повсюду, много вокруг синагог. Изумительные русские магазины. В один (который посещал и Довлатов) мы зашли. Все говорят по-русски. Правда, с колоритным одесским акцентом. Григория все знают.

Тут же подскочил продавец:

— Гриша, что возьмешь?

Поляк набрал всякой всячины. И колбас, и сыров, и русского черного хлеба. Всего этого в Америке с избытком. Как говорится, вы хотите курочек? Их есть у меня...

— В этот магазин, — рассказывает Григорий, — мы с Сережей заходили очень часто, он у него неоднократно описан. Правда, однажды мы решили похудеть и тогда стали ходить только в американские супермаркеты, потому что в наших магазинах пища очень жирная, типично русская, основательная.

— Давно вы познакомились с Довлатовым?

— Мы познакомились с Сережей на пятый день его приезда в Нью-Йорк. И с тех пор практически не расставались. Виделись ежедневно, общались едва ли не ежедневно. Мы ведь не только жили по соседству. Мы целый период в жизни работали под одной крышей. Сережа в газете «Новый американец», я — в издательстве «Серебряный век».

Мы подходим к невысокому блочному дому, открываем дверь. Гриша показывает мне список жильцов. Я читаю надпись: Довлатов. Раньше здесь значилось: Довлатов.

Мы продолжаем прогулку. Григорий рассказывает, каким человеком был Сергей.

— Сережа отличался многими замечательными качествами. Очень редкими по нашим временам. Например, я уверен, в мире не найдется ни одного человека, который бы сказал, что Довлатов остался ему должен. Долги отдавал всегда. Ему, знаю, не отдавали. О его широте ходят легенды. Но он был даже шире... Я знаю массу людей из России, одаренных Сережей. Он им давал МЕШКИ с вещами, устраивал вечера, словом, помогал как мог.

— В этом, по-моему, вообще отличительная черта русских писателей — больших писателей! Например, Федор Михайлович Достоевский, не взяв с собой червонца — того, золотого! — не выходил на улицу. Он всем всегда хотел что-то подарить, как-то облегчить жизнь тех, кого встречал на пути. И Довлатов — такой. А ведь сам жил, насколько мне известно, вовсе не богат.

— Да. Хотя в последнее время его материальное положение улучшилось, он вел много передач на радио, выходили его книги по-английски, он получал большие авансы плюс многочисленные публикации в крупнейшем литературном журнале Америки «Нью-Йоркер».

— Григорий, вы один из персонажей книг Довлатова. Как так получилось?

— Весь наш район состоит из таких персонажей. Вон неподалеку стоит дядя Миша (Григорий показывает мне невысокого, худощавого человека). Он столяр, и тоже герой Довлатова. Дядя Миша до сих пор не может понять, что его бывший сосед — известный писатель. Привык, что Сережа — просто свой в доску парень.

— Вы часто гуляли вместе?

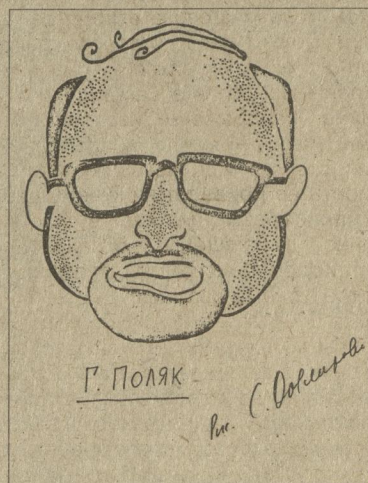

Рисунок Сергея Довлатова

— Каждый вечер. Если не были в разъездах. Он на мне «обкатывал» многие свои произведения. Он всегда мне что-то в своей шутилой манере рассказывал. Как потом выяснилось, это были куски его новых рассказов.

— Я знаю, что Довлатов очень любил собак.

— Сначала у него был фокстерьер Глаша, потом такса Яшка. Яшка жив и сейчас, ему шесть лет. Пес забавный. С ним всегда приключались какие-то забавные случаи. Расскажу об одном. К Сереже постоянно навещалась разная писательская публика из Москвы и Ленинграда, пятнадцать—двадцать человек размещалось в его отнюдь не роскошной кухне. Хлебо-солный хозяин всех угощал. А Яшка ко всем ласкался. И незаметно грыз штаны гостей. Так один маститый литературный критик, ныне главный редактор популярного московского журнала, однажды присел в джинсах, а вышел в шортах. Очень обижался.

— Расскажите о семье Довлатова.

— Старшей дочери Кате — двадцать шесть лет. Она заканчивает колледж. Работала менеджером крупного ансамбля, играющего в стиле «хэви-металл». Пишет во многие американские музыкальные журналы. У нее есть журналистский дар, она блестяще владеет английским языком. Сын Коля в шестом классе, ему одиннадцать лет, он родился уже в Америке. Постоянно перезваниваемся с Норой Сергеевной, мамой Сережи. По несколько раз на дню. С собакой гуляет Лена. Иногда мы это делаем вместе. У меня есть ощущение, что Сергей по-прежнему присутствует в моей жизни. Просто уехал в далекую командировку...

Нью-Йорк—Москва

Спонсоры поездки нашего специального корреспондента в США — Российская Академия предпринимательства и А/О Роск.

Меломаны, в скрипичные такты
на ушах мы вползаем, как танки,
хохматанты,
мы — тьмутараканты.

Детки смотрят в подъездах
мультяшки.
Жизнь смутьянов охомутала,
откусивши язык Эзопов,
нынче в душах,
как из сексшопов,
вылезают грибные мутанты.

Двуголовый пацан веселится,
и летит трехголовая птица,
все кодируют наши грибницы.
И мыча, демонстрируют люди,
две души, словно женские груди.
Жизнь удачная —
только мудачная.
Мы проходим муки мутации.

И когда ты путанкою тычешься,
брют-брюнетка
с подкраскою панка,
по губам твоим наркотическим
понимаю — грибная мутантка!

В твоей кухне отвары крутые
мята
метафизический мат
Кьеркегор Лигачев и другие
под стеклом твоих полок стоят

Но ночами с балкона подолгу
глядя в необъяснимую высь,
ты читаешь свое подобье
в шевеленьи Небесных грибниц...

И когда нас земля поглотит
в чрево Данте,
долго будет планету мутить.
Мы — мутанты...»

Туфли стоят, каблучками
блестя —
рюмки пустые. В них нету Тебя.

ГАРЬ

Гарь, гарь, гарь...
Над страной — карр! карр!
За стеной: «Дай, Галь...»

Запаркуй кар.
Стол. Хмарь харь.
На душе гарь.

Подгорел сухарь?
Или жгут орех?
Гарь, гарь, гарь —
это пахнет грех.

Едкий вкус дымка,
перегрев ТВ?
Или же река
курит в рукаве?

Пей или ругай —
но в сознании всех —
гарь, гарь, гарь.
Это пахнет грех.

Угорелые народы.
Угорелая свобода.
Некуда открыть окно.

ИЗ АНГЛ. ДЕТЕКТИВА

Хозяйка квартиры:
«На них были маски и черные
презервативы».

НОВОСИБИРСКИЕ ГИМНАЗИСТЫ

В географическом центре
Евразии,
постмодернистские акробаты,
три гимназиста вольной
гимназии
меня вытащили из кровати.

Мысли кидали. Перешли к бегу,
слушаясь пульса.
Кинули смысл двадцать первому
веку.
Мы подождали. Пас не вернулся.

Пусть я разбитый перед
разминкой,
пуст.
Куст прошептал мне, задетый,
жасминный:
«Я — Пруст!»

Мысли, рожденные без цензуры,
перешли на водные процедуры.
От Хабаровска и до Таллинна
бутылок кеглями шоссе
оставлено.

Ставьте звуки на ширину речи.
Против литературы ведется
политика геноцида.
Приняли рифму с подачи
предтечи
три нерастрелянных гимназиста.

Пусть вам минует убийство
помазанника,
пусть ваше зрение не занозится.
Но тишина Гефсиманской
гимназии
вас не минует, мои гимназисты.

БАРСЕЛОНА

Книге Гиннесса отмашка.
Глаза победы слез полны.
Она — красная гимнастка
несуществующей страны.

И позабыв вердикт,
душа, которой нету,
строку безумную твердит
несуществующего поэта.

Земля — единый организм.
А мы —
блуждающие почки из
тоски беспочвенной и тьмы.

НА ОБЛОЖКЕ:
Свежие овощи лица
(Автопортрет давней поры с теркой)
Ватман. Акварель. Морковь. Свекла.

незримых крыл... »

Вуди АЛЛЕН

СЛУЧАЙ С КУГЕЛЬМАСОМ

Кугельмас, профессор гуманитарных наук в Сити Колледж, был неудачно женат во второй раз. Дафна Кугельмас оказалась занудой. Кроме того, от первого брака, с Фло, он имел двух олухов и был вечно озабочен алиментами и хлопотами о детях.

— Я знал, чем это обернется? — как-то раз жаловался Кугельмас своему психоаналитику. — Дафна мне пообещала. Кто же мог подозревать, что однажды она даст себе волю и раздуется, как пляжный мяч? Плюс у нее были кое-какие деньги, что само по себе еще не повод для жеманности, но и не повредит, при дельных мозгах, как у меня. Вы понимаете мое положение?

Кугельмас был лыс и, как медведь, мохнат, но у него была душа.

— Мне необходима другая женщина, — продолжал он. — Мне необходимо завести роман. Может, я не кажусь чудесной парой, но я мужчина, нуждающийся в романтике. Я нуждаюсь в нежности, я нуждаюсь в кокетстве. Я не становлюсь моложе и, пока не поздно, хочу заниматься любовью в Венеции, иронизировать в казино и обмениваться застенчивыми взглядами поверх красного вина и свечей. Понимаете, что я имею в виду?

Доктор Мандель переменял положение в кресле и сказал:

— Роман ничего не решит. Вы серьезно заблуждаетесь. Ваши проблемы значительно сложнее.

— Само собой, приключение должно быть благоразумным, — продолжал Кугельмас. — Второго развода я не потяну. Дафна выпьет из меня последние соки.

— Мистер Кугельмас...

— Это не может быть кто-то из Сити Колледж, потому

Вуди Аллен (Аллен Стюарт Кенигсберг) — знаменитый американский режиссер, актер и драматург, начал свою карьеру в середине 50-х годов как автор популярных комиксов, затем работал в мюзик-холле, был джазменом. Его фильмы, которые он снимает чуть ли не ежегодно, получали самые престижные кинопремии. В нашей стране в прокате были только «Пурпурная роза Каира» (1985) и «Другая женщина» (1988), однако многие другие картины Вуди Аллена распространяются на видеокассетах. Как прозаик он практически не известен у нас, журнал «Искусство кино» (№ 5, 1992) недавно опубликовал два его рассказа. Предлагаемый читателям «Столицы» рассказ впервые был напечатан в журнале «Нью-Йоркер» и войдет в сборник прозы режиссера, который готовит ВПТО «Киноцентр».

что Дафна тоже там работает. Не то что на кафедре водятся какие-нибудь особенные феи, но некоторые студентки...

— Мистер Кугельмас...

— Помогите мне. Прошлой ночью мне снился сон. Я скакал по лужайке, держа в руках корзинку для пикника, и на корзинке было написано «Решения». И потом я увидел, что в корзинке была дырка.

— Мистер Кугельмас, наилучшим решением будет, если вы начнете действовать. Вам следует просто выразить свои чувства здесь, и мы вместе их проанализируем. Вы достаточно опытный пациент и знаете, что быстродействующего лекарства тут нет. В конце концов, я психоаналитик, а не волшебник.

— В таком случае мне, наверно, требуется волшебник, — сказал Кугельмас, вставая с кресла. И на этом прекратил лечение.

Через пару недель, вечером, когда Кугельмас и Дафна ветшали у себя дома, как два предмета старой мебели, зазвонил телефон.

— Я возьму, — сказал Кугельмас. — Алло.

— Кугельмас? — спросил голос. — Кугельмас, это Перски.

— Кто?

— Перски. Или я должен представиться «Великий Перски»?

— Простите?

— Я слышал, вы ищете по всему городу волшебника, чтобы внести немного экзотики в вашу жизнь? Так или нет?

— Ш-шш, — прошептал Кугельмас, — не вешайте трубку. Откуда вы говорите, Перски?

На следующий день, сразу после полудня, Кугельмас преодолел три лестничных марша в полуразрушенном жилом доме в бедном квартале Бруклина. Вглядываясь во мрак коридора, он нашел нужную дверь и позвонил. «Я пожалел об этом», — сказал он себе.

Через несколько мгновений его приветствовал невысокий, худой, словно восковой человек.

— Это вы Перски Великий? — спросил Кугельмас.

— Великий Перски. Хотите чаю?

— Нет, я хочу романтики. Я хочу музыки. Я хочу любви и красоты.

— Но не чаю, да? Удивительно. Отлично, садитесь.

Перски ушел в глубь комнаты, и Кугельмас услышал за спиной звук передвигаемых ящиков и мебели. Перски появился снова, толкая перед собой большой предмет на скрипучих колесиках. Он убрал с него несколько шелковых носовых платков, сдул пыль. С виду это был дешевый китайский шкаф с потрескавшимся лаком.

— Перски, — сказал Кугельмас, — что это за фокусы?

— Вот, смотрите, — ответил Перски. — Замечательный трюк. Я готовил его к Дню Пифийских Рыцарей в прошлом году, но кассир проворовался. Полезайте в шкаф.

— Чтоб вы проткнули его сотней шпаг или что-нибудь в этом духе?

— Вы где-нибудь видите шпаги?

Кугельмас скорчил мину и, ворча, полез внутрь. Прямо перед собой он заметил два нелепых фальшивых бриллианта, приклеенных к ободранной фанере. «Если это какой-то розыгрыш...» — сказал он.

— В некотором смысле. Итак, теперь внимание. Стоит мне положить в шкаф рядом с вами какой-нибудь роман, закрыть дверцы и трижды в них постучать, как вы перенесетесь в эту книгу.

Кугельмас выразил на лице недоверие.

— Чистая правда, — подтвердил Перски. — Клянусь небесами. И не только в роман. В новеллу, в пьесу, в поэму. Вы сможете повстречаться с любой женщиной из тех, кого создали лучшие писатели мира. С любой из тех, о ком вы мечтали. И творить что угодно. Когда с вас будет достаточно — крикните, и я верну вас сюда в мгновение ока.

— Скажите, Перски: вы лечитесь амбулаторно?

— Я вам говорю, штука стоящая, — заверил Перски.

Кугельмас хранил недоверие:

— Что вы мне говорите: что этот жалкий любительский реkvизит унесет меня в такое путешествие, как вы описываете?

— За два раза по десять.

Кугельмас достал бумажник.

— Поверю, когда увижу, — сказал он.

Перски сунул деньги в карман брюк и повернулся к книжным полкам.

— Ну, так кого желаете повстречать? Сестру Керри? Фрекен Юлию? Офелию? Может, кого-нибудь из Сола Беллоу? Слушайте, а как вам Брунгильда? Хотя, пожалуй, в вашем возрасте это было бы трудновато.

— Француженку. Я хочу завести роман с французенкой.

— Нана?

— Не хочется, чтобы пришлось платить.

— Как насчет Наташи из «Войны и мира»?

— Я сказал, французенку. Придумал! Что если Эмму Бовари? По-моему, то, что надо.

— Вы будете это иметь, Кугельмас. Свистните, когда с вас хватит.

Перски бросил в шкаф дешевое издание романа Флора в мягкой обложке.

— Вы уверены, что это не опасно? — спросил Кугельмас, когда Перски стал закрывать дверцы шкафа.

— Не опасно... Что может быть не опасно в этом сумасшедшем мире? — Перски трижды постучал по шкафу и распахнул дверцы.

Кугельмас исчез. В то же мгновение он появился в спальне Шарля и Эммы Бовари в их доме в Йонвиле. Перед ним была очаровательная женщина; она перестила кровать, спиной к нему, в одиночестве. «Не могу поверить, — думал Кугельмас, уставившись на восхитительную жену доктора. — Сверхъестественно. Я здесь. Это она».

Эмма обернулась в удивлении.

— Боже мой, вы напугали меня, — сказала она. — Кто вы такой?

Она говорила на том же отличном английском, что и в книжке в мягкой обложке. «Совершенно непостижимо»,

— подумал он. Затем, сообразив, что она обращалась к нему, ответил:

— Прошу прощения. Я Сидней Кугельмас. Я из Сити Колледж. Профессор гуманитарных наук. Нью-Йоркский Сити Колледж, знаете? На окраине. Я... — о, Господи!

Эмма Бовари кокетливо улыбнулась и спросила:

— Хотите выпить? Может, бокал вина?

«Она прелестна», — подумал Кугельмас. Какая разница с троглодитом, обитавшим в его кровати! Он ощутил внезапную потребность обнять это виденье и сказать ей, что мечтал о такой женщине всю свою жизнь.

— Да, немного вина, — севшим голосом ответил он. — Белого. Нет, красного. Нет, белого. Налейте мне белого.

— Шарля весь день не будет дома, — сказала Эмма тоном, полным игривых подтекстов.

После вина они гуляли по прелестным французским окрестностям. «Я всегда мечтала, что явится какой-то загадочный незнакомец и спасет меня от однообразия этой грубой провинциальной жизни», — говорила Эмма, сжимая его руку. Они миновали маленькую церковь. «Мне нравится твой костюм, — сказала Эмма. — Здесь я не видела ничего похожего. Это так... так ново». — «Он называется однобортный, — романтично сказал Кугельмас, — я купил его на распродаже». Вдруг он поцеловал ее. Они провели час под деревом, шепчась наперебой и взглядами поверяя друг другу полные еще более глубокого значения тайны. Потом Кугельмас выпрямился. Он вспомнил, что обещал заехать за Дафной в универмаг Блюмингдэйла. «Но не волнуйся, я вернусь». — «Я надеюсь», — сказала Эмма.

Он порывисто обнял ее, и они пошли назад к дому. Он взял лицо Эммы в ладони, снова поцеловал ее и крикнул: «О'кей, Перски! Я должен быть в полчетвертого у Блюмингдэйла!»

Раздался звучный хлопок, и Кугельмас оказался опять в Бруклине.

— Ну? Я вас разыгрывал? — торжествовал Перски.

— Послушайте, Перски, я уже опаздываю на Лексингтон авеню, надо подхватить мою каторжную колодку; но когда можно будет отправиться снова? Завтра?

— Добро пожаловать. Не забудьте два по десять. И никому не рассказывайте.

Кугельмас схватил машину и помчался в центр. Сердце его ликовало. «Я влюблен, — думал он, — у меня есть чудесная тайна». Мог ли он предположить, что в эти минуты в классных аудиториях по всей стране ученики спрашивали своих преподавателей: «Кто этот персонаж на сотовой странице? Лысый еврей целует мадам Бовари?» Преподаватель колледжа Сид Фоллз, Южная Дакота, вздохнул и подумал: «Господи, какие же они дети, с этими их шуточками и иронией! Что творится у них в головах!»

Дафна Кугельмас бродила по секции ванн принадлежностей, когда запыхавшийся Кугельмас наконец появился.

— Где ты был? — вцепилась в него жена. — Уже полпятого.

— Застрял в пробке, — сказал Кугельмас.

На следующий день Кугельмас снова пришел к Перски и через несколько минут чудесным образом перенесся в Йонвиль. Эмма не могла скрыть радости. Они провели вместе несколько часов, смеясь и рассказывая друг другу о своих непохожих жизнях. Перед расставанием они любили друг друга. «Боже мой, я делаю это с мадам Бовари! — шептал себе Кугельмас. — Я, который никогда не мог сдать даже английской грамматики!»

Шло время, Кугельмас много раз посещал Перски и укрепил близкие и горячие отношения с Эммой Бовари.

— Не ошибитесь, и всегда отправляйте меня в книгу не дальше страницы сто двадцатой, — однажды предупредила волшебница Кугельмас. — Мы с ней можем встре-

чаться только до тех пор, пока она не свяжется с этим... Родольфом.

— Почему? — спросил Перски. — Вы не можете занять его время?

— «Занять его время». Он землевладелец, аристократ. Эти ребята не знают ничего лучше, чем крутить любовь и скакать на лошадях. На мой вкус, такие рожи можно встретить на каждой странице «Женской Моды». С причёской под Хельмута Бергера. Но для нее он — штука.

— А муж ничего не подозревает?

— Куда ему. Тусклый маленький провинциальный лекарь, обреченный влачить свою жизнь и свои невроты. В десять он уже готов идти спать, а она надевает балльные туфельки. Ах, да... — увидимся.

И снова Кугельмас входил в шкаф, и снова оказывался в имении Бовари в Йонвиле.

— Как твои кексы? — спрашивал он Эмму.

— О, Кугельмас, — вздыхала Эмма, — что я должна терпеть! Вчера вечером за обедом мистер Движимое Имущество заснул посреди десерта. Я забываюсь в мечтах о «Максима» и о балете и сквозь грезы слышу храп.

— Ничего, дорогая, я снова с тобой, — говорил Кугельмас, обнимая ее. «Я заслужил это, — думал он, вдыхая французские ароматы Эммы и погружая нос в ее волосы. — Довольно я страдал. Довольно платил психиатрам. Я искал, не щадя сил. Она юная и совершеннолетняя, и за несколько страниц до меня — Леон, а сразу после — Родольф. Появившись в подходящей главе, я сумел вписаться в сюжет».

Эмма, без сомнения, была так же счастлива. Она истосковалась по приключениям, и его баллады о бродвейской жизни, о мчащихся автомобилях, о Голливуде и телезвездах зачаровали французскую красавицу.

— Расскажи мне еще про О.Джи.Симпсона, — умоляла она в тот вечер, когда они с Кугельмасом гуляли близ церкви аббата Бурнизьена.

— Что я могу сказать? Это великий человек. Он побил все рекорды в беге. Какая техника! Остальным до него как до звезд.

— А премия Киноакадемии? — сказала Эмма мечтательно. — Я все бы отдала, чтобы получить ее.

— Вначале ты должна попасть в номинацию.

— Я знаю. Ты объяснял мне. Но я уверена, что могу быть актрисой. Конечно, я хотела бы пройти один-два курса. Возможно, у Страсберга. И тогда, если бы у меня был хороший агент...

— Посмотрим, посмотрим. Я поговорю с Перски.

Этим вечером, благополучно возвратившись в квартиру Перски, Кугельмас выдвинул идею, чтобы Эмма побывала в большом городе, у него.

— Нужно подумать, — сказал Перски. — Возможно, мне удастся это устроить. Случались и более невероятные вещи.

Правда, они не смогли припомнить ни одной.

— Где тебя все время дьявол носит? — прорычала Дафна Кугельмас, когда поздно вечером муж возвратился домой. — Завел себе где-нибудь потаскушку?

— Разумеется. Ты же меня знаешь, — утомленно ответил Кугельмас. — Я был с Леонардом Папкиным. Мы дискутировали о социалистическом земледелии в Польше. Ты знаешь Папкина. Он на этом помешан.

— Раньше вы не были близки, — сказала Дафна. — Ты держал его на расстоянии. Смотри, не забудь про день рождения моего отца. В субботу.

— Ну, конечно, конечно, — сказал Кугельмас, направляясь в ванную.

— Будет вся моя родня. Мы сможем повидать близнецов. И кузена Хэмиша. Будь поласковой с кузеном Хэмишем, он тебя любит.

— Близнецов, прекрасно, — сказал Кугельмас, закры-

вая дверь ванной и избавляясь от голоса жены. Он прислонился к двери и глубоко вздохнул. Скоро он снова будет в Йонвиле, сказал он себе, вдвоем с любимой женщиной. И на этот раз, если все пойдет хорошо, вернется обратно с Эммой.

Назавтра, в три пятнадцать пополудни, Перски вновь осуществил чудо. Любовники провели несколько часов в Йонвиле в обществе Бине, а потом заложили экипаж Бовари. Следуя инструкциям Перски, они крепко обнялись, закрыли глаза и сосчитали до десяти. Когда они открыли их, экипаж уже подъезжал к боковому входу отеля Плаза, где Кугельмас с надеждой заказал накануне номер.

— Как хорошо! Все точно, как я представляла! — говорила Эмма, радостно кружась по спальне и глядя на город через окно. — Вон там здание «Ф.А.О.Шварц». А вон Централ Парк, а какой из небоскребов «Шерри»? А, тот — я вижу. Потрясающе.

На кровати лежали свертки от Хальстона и Сен-Лорана. Эмма распаковала один и приложила к своей совершенной фигуре черные блестящие брючки.

— Это слаксы от Ральфа Лорина, — объяснил Кугельмас. — Ты смотришься в них колоссально. Пойди сюда, моя сладкая, мы поцелуемся.

— Я никогда не была так счастлива! — воскликнула Эмма, стоя перед зеркалом. — Давай пойдем в город. Я хочу посмотреть «Кордебалет», Гугенхейм и Джека Никольсона в той роли, о которой ты все время рассказываешь.

— Я не могу этого постичь, — говорил профессор Стэнфорда, — сначала — неизвестный персонаж по имени Кугельмас, а теперь она исчезла из книги. Впрочем, особое свойство классики в том, что можно перечитывать ее тысячи раз и вечно находить что-нибудь новое.

Любовники провели вместе выходные, полные блаженства. Кугельмас сказал Дафне, что отправляется на симпозиум в Бостон и вернется в понедельник. Наслаждаясь каждой минутой, они с Эммой ходили в кино, обедали в Чайнатауне, провели два часа в дискотеке и легли в кровать, смотря телевизор. Они спали до полудня субботы, посетили Сохо и ловили взгляды знаменитостей у бродвейских театров. В субботу вечером они заказали в номер икру и шампанское и проворковали до рассвета. Утром, когда они ехали к Перски, Кугельмас подумал, что лихорадка того стоила. «Я не могу привозить ее сюда часто, но время от времени — будет чудесный контраст с Йонвилем».

У Перски Эмма забралась в шкаф и, устроившись среди своих свертков и коробок с покупками, нежно поцеловала Кугельмаса. «Следующий раз — у меня», — шепнула она и подмигнула. Перски трижды постучал по шкафу. Ничего не произошло.

— Хм-м, — сказал Перски, почесав в затылке. Он снова постучал, но чудо не свершилось. — Что-то не в порядке, — пробормотал он.

— Перски, вы шутите! — воскликнул Кугельмас. — Как это не в порядке!

— Спокойствие, спокойствие. Эмма, вы еще в шкафу?

— Да.

Перски постучал опять, сильнее.

— Я еще тут, Перски.

— Я знаю, дорогая. Сидите смирно.

— Перски, мы **обязаны** вернуть ее, — прошептал Кугельмас. — Я женат, и через три часа у меня лекция. Так что больше чем на случайное приключение я не готов.

— Не пойму, — бормотал Перски. — Такой простой безотказный фокус...

Но он не мог ничего поделать. «Потребуется немного времени, — сказал он Кугельмасу. — Мне нужно разобратся. Я позвоню».

Рис. П.Стуенко

Кугельмас бросил Эмму в машину и отвез в отель. Он едва успел на лекцию. Весь день он был на телефоне. Фокусник сказал, что ему, возможно, понадобится несколько дней, чтобы докопаться до причины неполадок.

— Как симпозиум? — вечером спросила Дафна.

— Превосходно, превосходно, — ответил он, зажигая фильтр сигареты.

— Что-то случилось? Ты заряжен, как кошка.

— Я? Ты шутишь. Я безмятежен, как летняя ночь. Я как раз собираюсь пройтись подышать.

Он сразился с дверным замком, поймал такси и помчался в отель.

— Мне это не нравится, — сказала Эмма. — Шарль будет скучать по мне.

— Придется потерпеть со мной, моя сладкая, — сказал Кугельмас. Он был бледный и мокрый. Он снова поцеловал ее, бросился к лифтам, снизу по автомату наорал на Перски и еле успел домой до полуночи.

— Папкин утверждает, что с тысяча девятьсот семьдесят первого года в Кракове не было более стабильных цен на ячмень, — сказал он Дафне и грустно улыбнулся, залезая в постель.

Так прошла неделя.

В пятницу вечером Кугельмас сообщил Дафне, что должен успеть еще на один симпозиум, на сей раз — в Сиракузах. Он поспешил в отель, но эти выходные совсем не были похожи на прошлые.

— Верни меня в роман или женись, — заявила Эмма. — А пока что я хочу пойти работать или учиться, потому что целый день смотреть телевизор — это полный бред.

— Отлично. Мы можем неплохо сэкономить, — сказал Кугельмас. — Работая горничной, ты сумеешь сбросить половину своего веса.

— Вчера в Централ Парк я встретила одного бывшего продюсера с Бродвея, и он сказал, что я, возможно, подойду для его новой постановки, — сообщила Эмма.

— Как зовут этого шутника? — спросил Кугельмас.

— Он не шутник. Он чуткий, добрый и остроумный. Его зовут Джефф, фамилии не помню, и он должен скоро получить премию «Тони».

В тот день, позже, Кугельмас пришел к фокуснику пьяным.

— Расслабьтесь, — сказал ему Перски. — Схватите инфаркт.

— «Расслабьтесь». Он говорит, «расслабьтесь». Я схватил плод художественного вымысла, который теперь валяется в гостиничном номере, а моя жена, я уверен, наняла частного сыщика, чтобы следить за мной.

— Хорошо, хорошо. Я понимаю, что не все в порядке.

Перски залез под шкаф и начал что-то там откручивать большим гаечным ключом.

— Я одичал, — продолжал Кугельмас, — я целыми днями ношусь по городу, и мы с Эммой вот уже где друг другу. Не говоря о гостиничных счетах, которые напоминают оборонный бюджет.

— Ну что же я могу поделать? Это мир магии, — сказал Перски, — все на нюансах.

— На нюансах, твою мать. Я низвергаю в эту мышку потоки коньяка и коктейлей, плюс ее гардероб, плюс она поступила в театральную студию и ей внезапно понадобились профессиональные фотоснимки. Кроме того, Перски, профессор Фивих Копкинд, который преподаёт всемирную литературу и всегда завидовал мне, узнал во мне персонажа, периодически появляющегося в романе Флобера. Он грозит пойти к Дафне. Я предвижу крах, алименты и тюрьмы. За измену с мадам Бовари моя жена обречет меня просить милостыню.

— Что вы хотите, чтоб я сказал? Я бьюсь над этим день и ночь. Что касается ваших личных беспокойств, ничем

не могу помочь. Я волшебник, а не психоаналитик.

В воскресенье пополудни Эмма заперлась в ванной и не отзывалась на предложения Кугельмаса.

Кугельмас смотрел в окно на каток Вулмана и обдумывал самоубийство. Плохо, что этаж невысокий, думал он, не то я решился бы прямо сейчас. Впрочем, может быть, если бежать в Европу и начать жизнь заново... Я мог бы продавать Интернэшнл Геральд Трибьюн, как вон те девочки...

Зазвонил телефон. Кугельмас машинально снял трубку.

— Везите ее, — сказал Перски.

У Кугельмаса перехватило дыхание:

— Вы уверены? Вы починили?

— Что-то было с трансмиссией. Будем надеяться.

— Перски, вы гений. Мы будем через минуту. Даже раньше.

И снова любовники помчались домой к фокуснику, и снова Эмма Бовари залезла в шкаф вместе со своими свертками. Поцелуя на этот раз не последовало, Перски захлопнул дверцы, глубоко вздохнул и трижды постучал по дереву. Раздался звонкий хлопок, и, когда Перски заглянул внутрь, шкаф был пуст. Кугельмас испустил вздох облегчения и пожал фокуснику руку.

— Конечно, — сказал он. — Я получил урок. Больше такого не повторится, даю слово. — Он еще раз пожал Перски руку и решил прислать ему в подарок галстук.

Через три недели, на закате чудесного весеннего дня, Перски услышал звонок и открыл дверь. На пороге стоял Кугельмас с овеющим выражением глаз.

— Что, Кугельмас, — сказал фокусник, — куда на этот раз?

— Только один раз, — сказал Кугельмас. — Погода так хороша, и я не становлюсь моложе. Скажите, вы читали роман Портного «Жалоба»? Помните Мартышку?

— Теперь это стоит двадцать пять долларов, жизнь дорожает, но с вас я денег не возьму, ведь я причинил вам столько неудобств.

— Дружище! — улыбнулся Кугельмас, залез в шкаф и пригладил оставшиеся волосы. — Штука в порядке?

— Надеюсь. Я не пробовал ее после той истории.

— Секс и романтика, — произнес Кугельмас из глубин шкафа. — На что только мы не идем ради хорошенького личика.

Перски бросил экземпляр «Жалобы» Портного и трижды постучал по шкафу. На этот раз вместо хлопка раздался глухой взрыв, затем последовали треск разрядов и фонтан искр. Перски отскочил в сторону, у него случился сердечный приступ, и он упал замертво. Шкаф окутался пламенем и, в конце концов, весь дом сгорел.

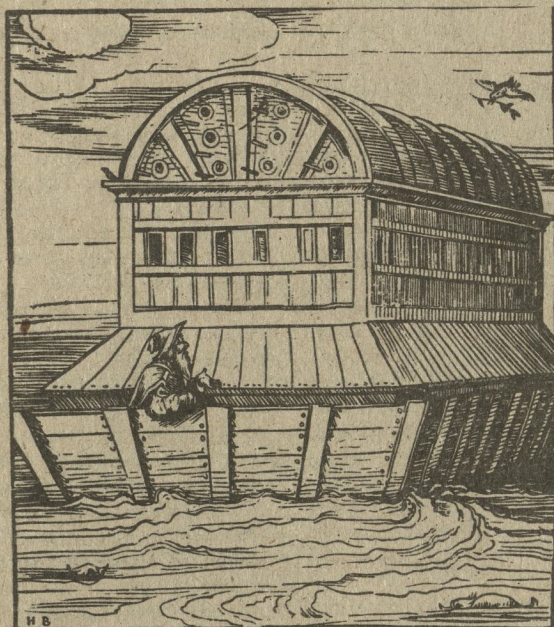
Кугельмас ничего не ведал об этой катастрофе, но у него тоже возникли трудности. Вследствие случившегося он не попал ни в «Жалобу» Портного, ни в какой-либо другой роман. Он оказался в старом учебнике интенсивного курса испанского языка и всю оставшуюся жизнь носился по бесплодной скалистой местности, спасаясь от здорового волосатого неправильного глагола «тенер» («иметь»), гонявшегося за ним на длинных тонких ножках.

Перевод с английского Олега ДОРМАНА

Аркадий ИППОЛИТОВ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НОЯ

(Ветхий Завет)

Ганс Бургмайр. Ноев Ковчег

Сто пятьдесят дней продолжался потоп и истребление всего живого на земле. По истечении этого срока Бог вспомнил о Ное и остановил воды. Долгое время еще простоял Ковчег на вершине горы Арарат, прежде чем Ной решился открыть окно. В первый раз он выпустил ворона, и ворон вернулся. Второй раз он выпустил голубя, и голубь вернулся. Третий раз выпустил голубя, и голубь вернулся с масличным листом в клюве.

Моменту, когда воды еще не спали, но голубь приносит обнадеживающую весточку «маслины», посвящена гравюра немецкого художника XVI века Ганса Бургмайра. Художник довольно просто изображает сюжет, продолжая традиции средневековых миниатюр и мозаик. Ной, как кукушка из часов, выглядывает из странного сооружения, с

нетерпением ожидая вестей. Впрочем, в этом простом сюжете заключена символика, воспринятая дальнейшей, европейской культурой вплоть до XX века. Голубь мира, увековеченный Пикассо коммунистического периода в 60-е годы, облетел весь свет и стал знаком советской пропаганды. Невольно коммунистические голуби явились наследниками библейской традиции. В античности голуби были священной птицей Венеры и были знамениты своей

способностью бесконечно предаваться любви. Птица Венеры стала символом сладострастия, что отражено в античной лирике.

То же самое мы видим в любовных песнях царя Соломона, где часто возлюбленный и возлюбленная уподобляются голубю и голубице. В качестве вестника голубь впервые выступает в легенде о Ное, и в Библии у голубя получилось как бы два образа: с одной стороны, голубь — вестник, с другой, голубь — возлюбленный. Оба эти

качества слились в голубе Благовещения, когда вслед за ангелом он приносит Деве Марии весть о предстоящем рождении Христа. Мария, в свою очередь, часто уподоблялась Ноеву Ковчегу, ибо несла в себе Новое Спасение.

В Потопе кроме идеи наказания содержалась еще идея обновления и очищения. Голубь приносит в клюве свежий масличный лист: на земле все обновилось, все стало свежее и невинное. Идея очищения через полный отказ и даже разрушение прошлого необычайно нравилась авангарду. Ной и Ноев Ковчег стали любимыми темами русских и западных авангардистов. Уподобление революции кораблю имеет под собой древнюю библейскую традицию: старый мир гибнет, и спасаются лишь избранные. Почти без натяжки можно утверждать, что споры Ле-

нина с авангардом о том, брать или не брать с собой на борт революции прошлое, напоминают о возможных сомнениях Ноя по поводу участи животных.

Продолжая традиции русского авангарда, С.Соловьев вспоминает о Ное в начале своего фильма «Асса». Как в первозданной пустыне одиноко и торжествующе должно было прозвучать восклицание библейского патриарха, так же и в этом фильме режиссер радостно прокричал о крушении советской мифологии.

Очищенная пустынная земля, на которую вышел Ной со своим семейством, была поразительным зрелищем. Может быть, поэтому столь задумчива семья праведника на гравюре итальянского художника XVI века Джулио Бонасоне. Общее настроение гравюры определяется прекрасной фигурой одной из невесток Ноя, похожей на аллегория Меланхолии. Ее печаль напоминает о судьбе другой библейской женщины, поплатившейся за свою приверженность к прошлому, — о жене Лота.

Меланхоличность спасенных людей искупается радостью птиц и животных, выпорхнувших из Ковчега, как из пирога в старинной английской песенке. В XVII веке сюжет «Выход Ноя из Ковчега» становится похожим на ферму или птичник, особенно в голландской и фламандской живописи.

Бонасоне. Семья Ноя-выходит из Ковчега

Впрочем, этот гвалт соответствует той радости, которую испытал Господь, что на земле никого не осталось, кроме его возлюбленного праведника. Первым делом Ной устроил жертвенник: «И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышления сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал».

Во время первого жертвоприношения Господь на радостях заключил завет с Ноем, даровав ему, как в свое время Адаму, пер-

венство среди всего животного и обещание более не истреблять человека. Поэтому в христианской иконографии эта тема была необычайно важна.

Очень плохо сохранившаяся фреска Уччелло на первый взгляд свободно трактует сюжет. Ноя окружает толпа флорентийцев в современных костюмах, и похоже, что завет заключает не древний патриарх, а флорентийская республика. Бога Уччелло изображает в странном ракурсе, как будто Господь пикирует на Ноя. В таком приближенно-наивном восприятии есть много от простоты самого библейского текста, от тех времен, когда

Бог непосредственно разговаривал с Ноем, как со старым знакомым.

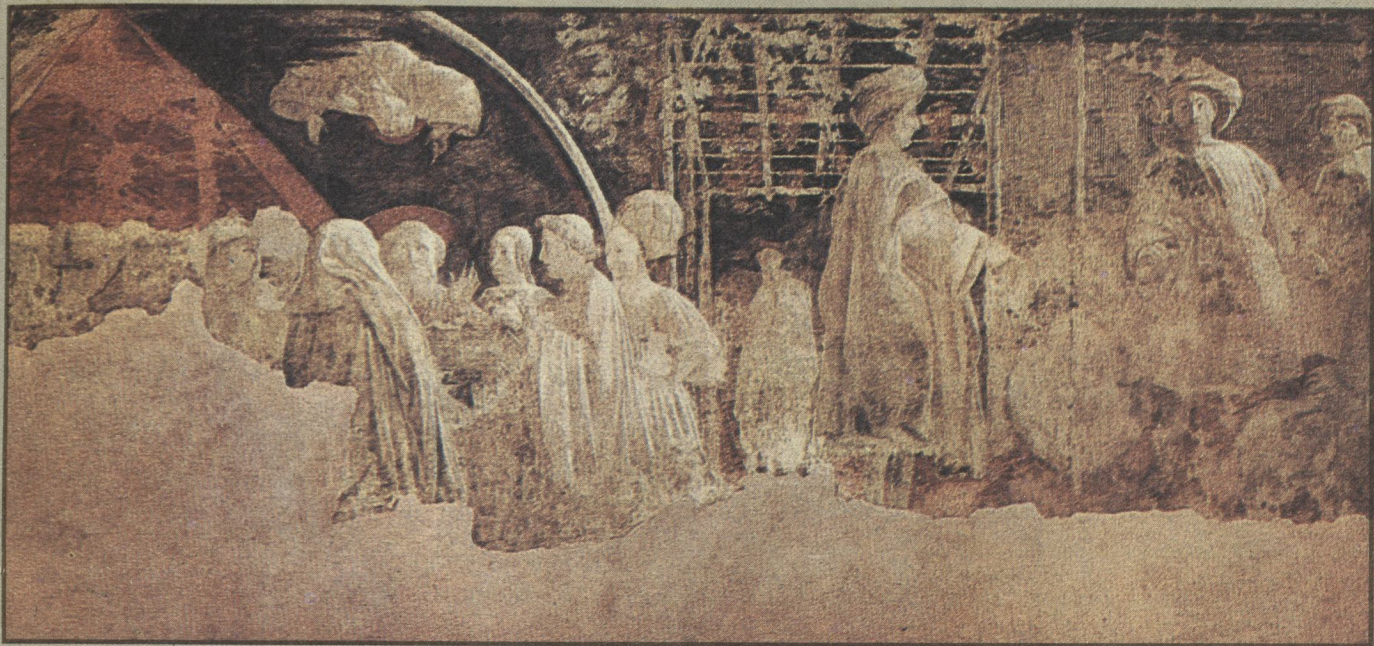
Тяжеловесная скованность патриархального быта Флоренции середины XV века соответствовала духу семейственности библейского повествования. Полностью противоположна Уччелло фреска Микеланджело. Интерпретация сюжета в ней настолько необычна, что высказывались предположения о том, что фреска изображает не праведника, а жертвоприношение нечестивых, погубленных потопом. Микеланджело в самом деле довольно точно воспроизводит языческий ритуал, и его жертвоприношение гораздо больше похоже на древнеримские саркофаги, чем на средневековые библейские иллюстрации. В этой фреске античность сливается с еврейской мифологией, и Ной представляется не только прародителем христианского мира, но и прародителем язычников. Сознательное антикизирование момента, когда Бог заключает завет с Ноем, делает этого праведника предком столь любимого Микеланджело мира богов и героев, и благословение Божие распространяется не только на избранный народ, но и на языческую культуру.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Сергей ФИЛАТОВ: «А мы с Хасбулатовым и не ссорились!» Интервью с первым заместителем Председателя ВС России.

Ваучеров хватит на всех. Но хватит ли на всех собственности?

Неизвестные документы «дела Сергея Эфрона».

Учелло. Завет с Ноем

Микеланджело. Жертвоприношение Ноя

КВ ВН

Vitex

оптовая продажа импортных товаров со складов в Москве

*** ОДЕЖДА ОСЕННЕ-ЗИМНЕГО СЕЗОНА (Австрия, Италия, Индонезия, Китай):**

куртки на синтепоне, на искусственном меху, пуховые куртки, куртки из натуральной кожи, ветровки, плащи на синтепоне, на искусственном меху, пальто, женские платья и костюмы, свитера, пуловеры, юбки, колготки и т.д.

*** ВИДЕО- И АУДИОТЕХНИКА ВЕДУЩИХ ЯПОНСКИХ ФИРМ:**

телевизоры JIC, SUPRA, SHARP, HITACHI, PLANTRON;
 видеодвойки JVC, TOSHIBA, SUPRA;
 видеотройка SHARP;
 моноблоки AIWA, SUPRA;
 видеомагнитофон ORION;
 видео- и аудиокассеты SONY, JVC;
 стационарные и переносные музыкальные стереоцентры, в том числе с лазерными проигрывателями - SHARP, JVC и др.

*** СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ:**

компьютеры PC/AT
 калькуляторы (8-разрядные)

*** ПАРФЮМЕРИЯ (Англия):**

дезодоранты 75 мл;
 парфюмерные наборы

*** ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, СПИРТНЫЕ НАПИТКИ (Дания, Германия, Италия)**

*** ИМПОРТНЫЕ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ**

Vitex

сообщает, что осенью 1992 г. в центре города будут открыты магазины розничной торговли.

Справки о ценах и условиях поставок по телефонам:

(095) 923-00-00, 923-34-00, 227-27-07 с 9 до 18 (кроме субботы воскресенья)
 факс: 292-68-56

Наш адрес: 103009, Москва, ул.Пушкинская, д.5/6, строение 3,
 вход с проезда Художественного театра
 метро «Охотный ряд», «Театральная»

Мы ждем Вас с 9 до 18 часов ежедневно (кроме субботы и воскресенья)